человек загадка

Александр
БОГДАНОВ

ДРУГ ОРДЫ
И ВРАГ
ЗАПАДА

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги, доктор исторических наук, профессор А.П. Богданов, используя подлинные, каждый раз тщательно проверенные на достоверность исторические источники, раскрывает обстоятельства бытия святого князя Александра Невского. Раскрывает настолько четко и детально, что читатель может поставить себя на место его героя, «примерить» к себе тяжесть решаемых им проблем и испытать — в меру остроты личного восприятия — трагедию человека, жертвующего всем для спасения Святой Руси. Серьезное и в то же время доступное широкому читателю исследование жизни святого князя дает возможность получить ясное понимание его подвига.

- ВВЕДЕНИЕ
- Часть I. ИСТОКИ
  - Глава 1. РОДИТЕЛИ
  - Глава 2. ОКРУЖАЮЩИЙ МИР
  - Глава 3. ВОСПИТАНИЕ
  - Глава 4. ОБУЧЕНИЕ
- Часть II. ИСПЫТАНИЯ
  - Глава 1. КНЯЗЬ НОВГОРОДСКИЙ
  - Глава 2. КАТАСТРОФА
  - Глава 3. НАШЕСТВИЕ
- Часть III. ПОДВИГИ
  - Глава 1. РУССКИЙ РУБЕЖ
  - Глава 2. КРЕСТОНОСНЫЙ ЗМЕЙ
  - Глава 3. НЕВСКАЯ БИТВА
  - Глава 4. ТЕВТОНСКИЙ НАТИСК
  - Глава 5. ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ
  - Глава 6. МИР И ПРАВДА
- Часть IV. ИСКУШЕНИЯ
  - Глава I. ОРДА И РИМ
  - Глава 2. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ
  - Глава 3. ТАТАРСКОЕ "ЧИСЛО"
  - Глава 4. ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ
- Заключение
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49

- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93

- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137

- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181

- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214

ВВЕДЕНИЕ

Святого князя Александра Ярославича, получившего за победу над шведами прозвище Невский, знает каждый россиянин. Все узнавали о нём в школьных учебниках, большинство сопереживало подвигам князя в выдающемся фильме Сергея Эйзенштейна, многие читали о нём или смотрели научно-популярные передачи, немало православных прочло или слышало в церкви его житие.

Всего этого недостаточно, чтобы действительно понять глубину личности и оценить величие подвига Александра — героя много более возвышенного и масштабного, чем его македонский тёзка. Александр Невский, в отличие от Александра Македонского, ничего не завоевал и не разрушил — он спас и сохранил: Русь, православную веру и саму русскую цивилизацию, благодаря которой до сей поры стоит мир.

По прошествии восьми веков, когда наша цивилизация и связуемое ею человечество вновь находятся под угрозой фанатичных крестоносцев, можно оценить подвиг мужа, не только положившего душу свою за Русь, но реально спасшего её своими единоличными, часто непопулярными и даже в глазах историков спорными решениями.

А вот понять Александра действительно нелегко. В русских и иностранных исторических источниках о нём сохранились буквально крохи — в сумме их едва ли наберётся десяток страниц. Это с грустью констатировал замечательный историк В.Т. Пашуто, написавший о князе самую ёмкую на сегодняшний день книгу в серии «Жизнь замечательных людей» — всего лишь на 160 страниц, включающих, помимо фактов, многочисленные рассуждения…

Немногим более наберётся об Александре и специальных научных исследований, широкому читателю практически недоступных. А вовсе популярную, как правило, публицистически заточенную литературу о Невском я даже не беру в расчёт — ни мне, профессиональному историку, ни любому самостоятельно мыслящему человеку не интересны пустопорожние охи и вздохи или довольно наглые, когда речь идёт о великом политике и канонизированном святом, уничижительные оценки личности и деяний князя.

Само словосочетание: «святой» и «политик» — невольно вызывает настороженность, особенно у специалиста по политической истории России и Древней Руси, десятилетиями изучающего её довольно тёмную подноготную. Я взялся за эту

книгу, когда понял не только необходимость серьёзного и при этом доступного широкому читателю исследования жизни Александра Невского, но и возможность получить в результате ясное понимание его подвига.

Для этого нужно одно: используя подлинные, каждый раз тщательно проверенные на достоверность исторические источники, раскрыть обстоятельства бытия Александра Ярославича настолько чётко и детально, чтобы каждый, читающий эту книгу, мог поставить себя на место её героя, «примерить» к себе тяжесть решаемых им проблем и испытать, в меру остроты личного восприятия, трагедию человека, жертвующего всем, включая душу, для спасения Святой Руси.

Ведь Александр, в отличие от нас, потомков, не знал, что именно его династия объединит и восстановит Русь, что избранный им тернистый путь приведёт к торжеству России, её культуры и православия, что именно его страна станет гарантом мира и спасения человечества от жестокой тирании на многие грядущие столетия. Выступая против родного брата, боевых товарищей и даже собственного народа, отвергая предложения о помощи с Запада и ведя Русь в покорность Орде, князь руководствовался лишь одним: верой в конечную победу на избранном им ужасном и кровавом пути к спасению страны.

Это был не сравнительно лёгкий и светлый путь мученика, с искренней верой в Спасение жертвующего временной земной жизнью для уготованного ему Царствия Небесного. Александр — пусть сам читатель рассудит, какими силами — часто шёл против того, что отвергали люди доброй совести, и брал на себя тяжкие грехи, рискуя быть навеки отвергнутым Богом и проклятым соотечественниками. Вместо того чтобы пожертвовать, как казалось многим в его время, малой толикой своей веры и присоединиться к католическому Западу, князь пошёл к язычникам. Вместо героического пути борьбы за независимость он предпринял не менее опасный (и, как оказалось, смертельный для него) путь в порабощение Орде, в котором он тогда, с очень немногими сторонниками, увидел путь к спасению.

Герои, ставшие на путь борьбы с Востоком, пали. Политики, надеявшиеся на помощь Запада, были обману ты и в итоге стёрты с лица истории. Бог бы с ними — на то и свобода вами, — но погибли люди, которых они взялись защищать, а наша цивилизация на богатейших и обширнейших землях Юго-западной Руси была если не целиком уничтожена, то зверски искалечена западной нетерпимостью и варварством. Не только русская государственность, но и культура Киева, Галича, Волыни и многих других земель подверглись тотальному уничтожению,

возродившись лишь много позже, в рамках Великой Российской державы, созданной наследниками Александра.

Князь, поставивший против зловеще надвигавшегося с Запада католического креста свой меч, спас не просто Русь и Русское православие. Даже не патриотичный и неверующий человек способен понять, какое значение имело сохранение русской государственности и цивилизации, благодаря которым живёт и процветает современное человечество.

Памятник Александру Невскому в Переславле-Залесском

И крайние европоцентристы признают, что спасённая Александром Невским Русь закрыла собой Западную и Центральную Европу от неодолимых, казалось, нашествий, вначале Орды, а затем Тимура. Враги России не могут отрицать того простого факта, что столь нелюбимая ими «страна медведей» избавила Европу от тирании Наполеона, а после него — Гитлера. Не могу умолчать и о событиях второй половины XX в., когда старушка Европа ничего не могла противопоставить ядерной дубинке и экономической экспансии США, кроме военной силы и нравственного влияния своей восточной половины, входящей в СССР или состоящей с ним в союзе.

Но европоцентризм, в сущности, смешное в своей ограниченности, хотя опасное в своих истоках и следствиях течение исторической и политической мысли. Уже во времена Александра Невского Западная цивилизация (выражаясь в духе английского исторического публициста Арнольда Дж. Тойнби), опираясь на убеждение, что «всяк не эллин — варвар», что вокруг неё — одни нелюди, взялась за порабощение «недочеловеков» в крестовых походах.

В век Александра звери в мантиях с крестами были отброшены в своё логово на крайней западной оконечности Евразии. Но два столетия спустя, оснастившись огнестрельным

оружием и ещё больше уверившись в своей исключительности, новые крестоносцы вырвались на просторы морей, заполонив весь мир. Цивилизации и культуры стирались с лица земли, народы Америки, Австралии и островов были почти уничтожены, целые континенты обречены на прозябание в рабстве у «белых господ». И всё это объяснялось необходимостью «просвещения варваров», якобы лишённых свободы воли и неспособных управляться иначе чем из-под палки европейцев…

Лишь на востоке Европы бесчеловечные враги людских цивилизаций видели светлый меч Александра, который крепко держали в руках его потомки. Лишь обтекая Россию и крадясь по морям, они могли нести своё варварство в Азию, в итоге не подвергнувшуюся культурному уничтожению. Во многом благодаря России цивилизации Китая, Индии, арабского мира смогли устоять.

И, в конце концов, с нашей поддержкой народы Земли сбросили колониальное иго.

Сегодня именно Россия не даёт миру сползти в новую колониальную войну за ресурсы, которые, по западному мнению, нужно «освободить» от их «варварских» хозяев. И именно Русская цивилизация по праву занимает центральное место в гуманитарных коммуникациях, являясь образцом в отношениях между народами и культурами.

То, что с огромными потерями и нравственными муками защищал в XIII в. святой князь, принимая решение сохранить Русь, её веру и культуру в составе охватившей половину Евразии Монгольской империи, не подвергая эти великие ценности опасности уничтожения при союзе с Западом, — не только наше, но и мировое наследие.

Ведь, строго говоря, «толерантность», к воспитанию и насаждению которой на словах стремятся Западная Европа и США, — просто недоразвитое ощущение исконного, природного равенства всех людей, независимо от их происхождения и веры, взглядов и убеждений, присущее всем россиянам.

Сама мысль, что надо воспитывать «терпимость» к инородцам и иноверцам, вызывает жалость у россиян, исконно убеждённых в том, что перед Богом «нет ни эллина, ни иудея», что все люди созданы равными, все имеют свою волю, а всякий думающий иначе — либо глупец, либо злодей. Это убеждение диктует не только православная вера, но и сама русская культура.

Для нас вполне естественно читать в сочинении Афанасия Никитина, прошедшего ещё в XV в. Персию и Индию, что мусульманам «их вера годится», а индуистам — их. «Правую веру Бог ведает, — выражал мнение соотечественников тверской

купец, — правая вера — Бога единого знать и имя его призывать на всяком месте чистом чистому».

Хоть языки и обычаи у всех народов разные, рассказывал русским людям Афанасий, народ везде добр, но живёт бедно и голодно, а князья и бояре всюду «весьма сильны и пышны» и притесняют простых людей. Православный купец горячо любит родину, но не в ущерб миру: «Русская земля да будет Богом хранима! На этом свете нет страны, такой как она, хотя князья Русской земли — не братья друг другу Пусть же устроится Русская земля устроенной, хотя правды мало в ней»!

До такого уровня «толерантности» спустя полтысячелетия уже поднялись отдельные светлые личности на Западе Европы и в США! Однако большинство западных публицистов всё ещё использует фразеологию терпимости для прикрытия наготы своих корыстных и высокомерных побуждений, адресованных внешнему миру.

Ведь любая личность или явление «вне» Запада воспринимается его обитателями исключительно с точки зрения соответствия их представлениям и требованиям (часто нелепым и даже возмутительным). Ни о каком праве на свободу воли, на своеобразие, тем более — на независимость от этих требований, не может идти и речи!

Лишь Русская цивилизация, ставшая после Александра Невского не просто европейской, но евразийской, служит сегодня прочным мостом между европейским сознанием и остальным многообразным миром. И именно она, в том числе и силой, заставляет Запад пытаться понять этот сложный, но всюду божественный мир.

Осознать, почему и каким образом Александр Ярославич Невский сделал свой выбор — политический и нравственный — в пользу сохранения русского самосознания и культуры от разрушительного подчинения «западным ценностям», могут помочь только конкретные факты истории его времени.

Никакие рассуждения, предвзятые идеи и культурные концепции не смогут заменить нам подлинной картины Руси и мира в XIII в., когда громада Азии всколыхнулась и стремительные волны кочевников чуть не смыли с карты мира островок Европы, но, разбившись о Русь, отхлынули, оставив нашу Родину в развалинах.

На этом пепелище, среди множества разнообразных героев и исторических персонажей, перед нами окажется один человек, который решит судьбу Руси и мира. Познакомимся же с ним!

Часть I. ИСТОКИ

Глава 1. РОДИТЕЛИ

В 1221 г., но расчётам историков — 13 мая[1], княгиня Ростислава Мстиславна родила в Переяславле второго сына Александра Ярославина. О том, насколько трудно даётся изучение жизни святого князя, говорит то, что предметом споров слала не только дата его рождения, но даже личность матери! Одни историки полагали, что это Ростислава — дочь знаменитого политической мудростью и энергией князя Мстислава Мстиславича Удатного (то есть удачливого), другие писали о выучке рязанского князя Глеба Владимировича Феодосии Игоревне[2].

Сейчас принято считать, что христианское имя Феодосия носила всё-таки Ростислава, подобно тому, как славный отец Александра, князь Ярослав Всеволодович, в крещении был назван Фёдором. И, таким образом, Ярослав не вступал в третий брак. Почему в третий? Да ведь первый раз один из многочисленных сыновей Всеволода Большое Гнездо женился в 13 лет — на половецкой хату ни, внучке знаменитого хана Кончака, знакомого всем по «Слову о полку Игореве», друга, союзника и врага князя Игоря Новгород-Северского. Второй — на Ростиславе Мстиславнс. Феодосия Игоревна выходила бы третьей).

Вы скажете, что в 13 лет мальчику жениться было рановато? Однако в 12 лет князь Ярослав Переяславльский смог вести полк в походе отца на половцев, так что законно считался воином, «мужем». В те незамысловатые времена люди даже не догадывались, что можно посылать в бой мальчиков, не получивших прав взрослого мужчины. «Мужем» звали каждого, имеющего право носить оружие. Поход русских полков в Великую Степь, как обычно, закончился миром, а приз — половецкую княжну — получил самый юный его участник.

В браке русского князя с половчанкой не было ничего необычного. Мамой Ярослава была осетинка, князья обширного рода Рюриковичей состояли в родстве чуть ли не со всеми правящими домами Европы, а половцы были не просто ближайшими соседями. Через них Русь держала контакт с высокой культурой Великой Степи, простиравшейся от Венгрии до Китая и Тихого океана. По количеству заимствований, сравнительно с группой кочевых и оседлых народов, составлявших культурно-экономическое пространство Степи, для Руси впереди была только Византия — непокорённая варварами часть Римской империи, прямая наследница культуры античного Средиземноморья.

Шлем великого князя Ярослава Всеволодовича

Но в 1202 г., когда юный Ярослав в блистающем золочёном шлеме впервые скакал по главе полка в воинском походе на половцев. Византии уже наступал конец. Варварские орды крестоносцев выступили в набег, чтобы в 1204 г., вскоре после брака Ярослава с половчанкой, уничтожить Константинополь с большей частью накопленных в нём культурных ценностей. Почти вся европейская часть Византии, кроме Эпирского деспотата, была разорена, на её месте возникли полудикие королевства и герцогства, а православие силой заставили покориться папе римскому. Лишь клочок империи в Малой Азии с новой столицей в Никее сохранял культурную и религиозную преемственность с Византией. Никейский император и никейский православный патриарх сообща боролись против экспансии крестоносцев, чтобы после колоссальных усилий в 1261 г. вернуть в лоно культуры и Церкви испоганенный варварами Царьград.

Оплотом европейской культуры и православия, прямой наследницей античности оставалась лишь Русь. Но и её учла Римская курия в своих наивных, но крайне разрушительных и кровавых замыслах мирового господства. Всё в том же 1202 г., когда варварская орда втайне и исподтишка готовилась атаковать православие с юга (ведь на словах крестоносцы выступали союзниками Византии в борьбе с огромным мусульманским миром), менее сильное войско крестоносцев тихонько высадилось на берег и угнездилось в Прибалтике.

И сюда они на словах «пришли с миром». Да только католический епископ Альберт, едва появившись на берегу Рижского залива, зачем-то основал, с благословения папы римского, воинственный орден рыцарей меченосцев. Укрепившись в Риге, крестоносцы неумолимо и незаметно, как

раковая опухоль, расползались по северо-западной границе Руси, прямо-таки исходя благожелательностью к русским князьям, которые могли одним походом стереть их в порошок. Даже в 1221 г., когда родился Александр, крестоносцы на севере продолжали обманывать Русь своим показным дружелюбием. Этим псам-рыцарям (их вдохновители, монахи-доминиканцы, сами называли себя «псами господними») Русь, в отличие от раздиравшейся усобицами Византии, казалась пока что не по зубам.

Впрочем, усобицы были в те времена всюду. Вся Европа, включая Русь и Византию, а также Северная Африка и вся Азия до самой Японии принадлежали дружинам воинов. Они во главе с князьями и стратегами, королями и деспотами, герцогами и боярами, ханами и сёгунами господствовали над мирным населением, навязывая ему свой суд и беря с него дань. Сравнительно мало чем владея, предводители могли содержать своих воинов за счёт поборов с подданного им населения и грабежа чужих земель. «Чужими» же считались земли, подданные другому предводителю воинов.

Постоянное состояние войны или подготовки к войне было главным, что поддерживало эту странную систему власти. Именно обещание защиты от набегов «чужих» воинов помогало собирать больше дани со «своих» земель. Ведь воинское сословие, удивительно единообразное по своей организации, составляло ничтожное меньшинство от запуганного военной угрозой населения Евразии и Северной Африки. Однако в отношениях между мирными жителями и воинами существовали нюансы, важные для понимания истории каждой страны и народа.

Восточная Европа в XIII в.

Одно дело было грабить и насиловать, завоевав чужой народ, и совсем другое — править единоплеменными подданными. В Западной Европе на землях Англии и Франции правили завоеватели: саксы и норманны в землях англов и бриттов, франки и бургунды — в стране галлов. Но уже в христианской части Испании, помимо завоёванной франками Испанской марки (современная Каталония и Арагон), воины не смогли установить бесчеловечную диктатуру над единородным им населением. Такие же проблемы у них были и в Германии, где не только вольные города, но и крестьянские общины подчас вели себя весьма независимо от князей, графов и рыцарей. Осмотрительно вынуждены были обращаться с подданными военные власти в Дании, Швеции и Норвегии, в имевшей древнюю традицию соблюдения гражданских законов Византии, а особенно — на Руси.

Разумеется, русские князья, в X-XI вв. поделив страну между потомками одного рода, уже в начале XII в. постарались изобразить себя «пришельцами», призванными править Русью «из-за моря». Только они никак не могли договориться, кого считать «заморскими» предками — западных славян или скандинавов (эта неясность поздней родовой легенды в летописи по сей день даёт основу для спекуляций «норманистов» и «антинорманистов»). Увы — уже первая летопись, в которую, после переработки

предыдущих сказаний, удалось внести легенду об общем предке князей Рюрике, была отчётливо общерусской, настаивала на единстве князей, страны и народа, сложившегося из племён славян и финно-угров.

И во времена Александра Невского, когда свои летописи велись во всех древнерусских княжествах (а их были десятки), каждый летописец, как бы он ни был настроен против других княжеств, считал своим долгом осудить раздоры князей, наносящие ущерб единству Руси. Сложилась парадоксальная ситуация. Князья не могли между собою не воевать. Половецкие ханы, венгерские и польские князья были им ближе, чем собственные подданные, и служили частыми союзниками в усобицах. Но все их действия, наносящие вред единству Руси, были предосудительны в самой княжеской среде!

А «отменить» идею единой Руси и сговориться между собой о других нравственных принципах было невозможно. Мораль, в том числе политическую, оберегала единая Русская православная церковь. Церковь представляла в своей иерархии выходцев из всех сословий страны: и князей, и бояр, и воинов, и купцов, и ремесленников, и свободных крестьян. Почти не вмешиваясь в текущую политику, она хранила и воспитывала в людях сознание того, что православная Русь, все входящие в неё единоверные народы — это духовное и физическое целое. Уничтожить Русь, не истребив Православия, было нельзя. А православный князь был по определению виновен, нанося вред единству Руси.

Силу этого нравственного императива восчувствовал на себе сам Ярослав Всеволодович, который долго считал усобицы нормой княжеской жизни. В 16 лет переяславский князь за три недели пролетел с дружиной на лихих конях всю Русь, чтобы занять престол богатейшего на западе русского города Галича, предложенный ему союзными венграми. Но опоздал на три дня: галицкие бояре отдали престол конкуренту, князю из Новгорода-Северского, принадлежавшего к семейному союзу черниговских князей. Те, усилившись, изгнали Ярослава даже из Переяславля (откуда сами вскоре были выгнаны другим союзом князей). Уже в следующем, 1207 г. Ярослав с отцом и братьями шёл войной на князей Рязанской земли, где «брат шёл на брата» в буквальном смысле: воевали и убивали друг друга ближайшие родственники. Ярослав участвовал во взятии Пронска и в 1208 г. был посажен отцом княжить в Рязани. Бежав из непокорного города, он с войсками отца учинил страшный погром в Рязани и Белгороде, уведя в плен множество рязанцев во главе с самим епископом Арсением[3].

Лишь после смерти отца, Всеволода Большое Гнездо, 14

апреля 1212 г., Ярослав остепенился настолько, что заслужил одобрение князя Мстислава Мстиславича Удатного — выдающегося полководца, знаменитого защитника обиженных на Руси. В 1213 г., когда между сыновьями Всеволода началась братоубийственная война, молодой князь прискакал со своей буйной дружиной в завещанный ему отцом Переяславль. Разослав глашатаев, созвал он знатных горожан в суровый с единою главой белокаменный храм Спаса Преображения, стоявший в центре мощной городской крепости-детинца.

«Братья-переяславцы! — обратился к гражданам Ярослав. — Отец мой отошёл к Богу, вас отдал мне, а меня дал вам в руки. Скажите же, братцы: хотите ли иметь меня своим князем и головы свои сложить за меня?» «И очень хотим, — ответили степенные переяславцы, ты наш господин, ты — (новый) Всеволод»! — И целовали на верность Ярославу крест[4].

С верным переяславским войском Ярослав крепко стал на защиту воли отца, оставившего великое княжество Владимирское не взбунтовавшемуся против него старшему сыну Константину, а второму сыну, Юрию (Ярослав был третьим по старшинству). Много было пожжено в этой войне сёл Владимиро-Суздальской земли, из рук в руки переходили Москва и Кострома, но последняя воля Всеволода Большое Гнездо была утверждена.

В награду за почитание родителя, которого летописец хвалил за справедливость и могущество, страх Божий и милость к обездоленным, а главное — за справедливость, Мстислав Удатный отдал за Ярослава свою дочь Ростиславу[5]. Ярославова жена-половчанка к этому времени, верно, умерла — о ней больше не упоминается в летописях. Впрочем, и Ростислава была наполовину половчанкой по матери — верной жене Мстислава, мирно жившей в его княжьем городе Торопце, в середине Смоленской земли. Как в насмешку, она рожала воинственному князю в основном дочерей. Но Мстислав не унывал — выдавал подрастающих княжон замуж за талантливых молодых князей, обещающих стать опорой Руси. Только с Ярославом он поначалу обманулся.

Оборонив Новгород от владимиро-суздальских князей и выдав Ростиславу замуж в 1213 г. за самого энергичного из них, Мстислав покорил чудь (финно-угорские племена) до Балтийского моря, а на следующий год силой помирил князей Южной Руси, сохранив от разгрома её города. Едва вернувшись в Новгород, где княжил по просьбе городского собрания-веча, Удатный получил важные вести: поляки предлагали выгнать наконец венгров из Галича. «Есть у меня дела на Руси, — сказал Мстислав новгородцам, — а вы вольны в князьях».

Удатный прогнал венгров и обручил ещё одну свою дочь с юным, но подающим большие надежды Даниилом Романовичем, княжившим тогда на Волыни. Однако поляки объединились с венграми и частью галицких бояр, война разыгралась не на шутку Тут пришла весть, что суздальские князья опять творят насилие над Новгородом. И кто творит! Тот самый Ярослав, что счастливо жил с его дочерью, и вместе с нею приехал княжить в Новгороде по приглашению горожан.

Мстислав знал, что новгородцы и сами склонны к буйству, что среди них всегда есть противоборствующие партии, желавшие использовать княжью силу в своекорыстных интересах. Ну заточил Ярослав парочку бояр — приятелей тестя, ну переменил в городском управлении сторонников Мстислава на своих — это можно понять. Должен же молодой князь власть утвердить!

Но обидеть необузданным властолюбием весь город и выехать из него в Торжок, как сделал Ярослав, перекрыть главный торговый путь и ввести во время неурожая блокаду Новгорода — было уж слишком! А всех лучших людей, приезжавших к нему с посольством, в цепи сажать — это Удатный счёл форменным безобразием. Хуже всего было то, что любимую дочурку Мстислава Ярослав оставил в Новгороде, зная, что в её присутствии новгородцы вряд ли решатся истребить княжьих дворян и наместника.

Конечно, женщины, а особенно княгини, были в те времена весьма крепки нервами. Вспомним одну только княгиню Ольгу, которая, получив весть о страшной смерти мужа, не имея иных сил, кроме нескольких слуг, мгновенно задумала — и затем осуществила месть целому союзу племён. А потом взяла, да и создала вместо разбойных ватаг дружинников Древнерусское государство — с единой территорией, законом, налогами, княжеской администрацией и армией. В довершение же была принята византийским императором как правительница великой державы и приняла христианство[6].

Но Мстиславу было крайне обидно сознавать, что его дочь, прикрывая своего непутёвого мужа, подвергает себя опасности в голодающем городе, где распухшие трупы валяются по площадям и улицам так обильно, что всех невозможно похоронить — их даже не успевают пожирать бродячие собаки. Лишь когда Новгород совсем опустел, а пылающий гневом Удатный скакал с лихой дружиной на выручку горожанам, Ярослав забрал жену к себе в Торжок.

Новгородцы уже вконец обессилели от голода, великое множество их лучших людей было угнано во Владимиро-Суздальскую землю и томилось в цепях, когда прискакал

Мстислав, заковал в цепи дворян зятя, собрал вече, поцеловал крест и воскликнул: «Либо возвращу новгородских мужей и новгородские волости, либо голову свою повалю за Новгород»! «С тобой, на живот и на смерть!» — вскричали новгородцы, собираясь в воинский поход.

Хранитель Руси пытался образумить зятя. «Сын мой! — писал Ярославу Мстислав. — Кланяюсь тебе. Мужей моих и гостей (купцов. — *Авт.)* отпусти, а сам с Торжка уйди и со мною любовь возьми». Однако Ярослав надеялся на своих сторонников в Новгороде и упорствовал. Действительно, новгородцы не были едины, сознавали малочисленность своего войска (из которого лучшие воины были в плену) и не торопились с походом.

Тогда Мстислав, вопреки обычаю, собрал вече не в кремле, перед храмом святой Софии, а на другом берегу Волхова, на Ярославовом дворе, где обычно жил князь. «Пойдёмте, — просто сказал он собравшимся, — поищем мужей своих, ваших братьев, и владений своих. Да не будет Новый Торг (Торжок. — *Авт)* Новгородом, а Новгород — Торжком. Где святая София — тут Новгород! И во множестве (воинов. — *Авт)* Бог, и в мале — Бог и правда»!

1 марта Удатный выступил в поход, призвав на помощь псковичей, смолян и ростовцев. Но даже эти рати во главе с храбрыми, опытными в битвах князьями не могли сравниться с многочисленными и хорошо вооруженными полками Владимиро-Суздальской земли. Ведь Ярослав поднял на войну своего брата Юрия с могучими дружинами Владимира и Суздаля, двух младших братьев с дружинами Мурома, ватагами пограничников-бродников и вооруженными селянами, даже гарнизоны десятков городов. Тогда Мстислав призвал к себе в помощь старшего сына Всеволода Большое Гнездо, Константина, с полками ростовскими.

«Оле страшное чудо и дивно, братия! — не удержатся от восклицания, описывая эту войну, монах-летописец. — Пошли сыновья на отца, брат на брата, раб на господина, господин на рабов»! Бояре и военные холопы, ремесленники и купцы из богатейших городов, дружинники и крестьяне-смерды из одних земель стояли тогда под знамёнами противоборствующих армий. Ростов, праотец Владимире-Суздальской земли" был за Мстислава, а часть новгородцев была в полку Ярослава!

Напрасно Удатный при каждом удобном случае посылал предложения не проливать кровь. "Не хочу мира, — заносчиво отвечал Ярослав, — пошли, так идите, сто наших будет на одного вашего!" "Седлами закидаем!" — кричала многочисленная рать союзных владимиро-суздальских князей, ожидая Мстислава на битву к реке Липице холодной и бурной весной, 21 апреля 1216 г.

Против Удатного стояла на Авдовой горе тяжелая, десятилетиями формировавшаяся Всеволодом Большое Гнездо дружина, за спиной — граждане. "Братья! — сказал своим князь, — побежавши, не уйдем; идите в бой, как кому любо умирать"! Новгородцы и смоленцы сошли с коней, скинули сапоги и платье и повалили с топорами через густые заросли на возвышенность, где сверкала доспехами владимиро-суздальская рать. Мстислав с дружиной поскакал за ними. Он боевым топором трижды прорубался сквозь полки, пока враг не был повергнут.

Полк Ярослава принял на себя главный удар и был уничтожен почти начисто. Полк Юрия стоял против войск его брата Константина — но, видя поражение Ярослава, ратники бросились бежать, скидывая на ходу тяжкие доспехи. Даже на конях мало кто смог уйти по бездорожью. Летописцы, ужасаясь, повторяли в Новгородской Первой летописи старшего и младшего изводов, что "око не может (обозреть. — *Авт.)* ум человеческий домыслити (числа. — *Авт.)* избиенных и повязанных", при том, что новгородцев и смолян в битве и преследовании пало всего шестеро[7].

Какого же числа несчастных на Руси XIII в. "не могли помыслить" убитыми и пленными? Поздний летописный свод называет довольно реалистичные цифры: 9233 человека убитых и 60 пленных. При этом в войске Ярослава было 16 стягов, 40 труб и барабанов; у Юрия — 13 стягов, 60 труб и барабанов. То есть на один стяг, вокруг которого формировался отряд, приходилось минимум 320 (по убитым и пленным), а реально — до 500 человек.

Значит (умножая 500 на число стягов), одно из самых сильных, хотя и неудачливых русских воинств XIII в. насчитывало около 14 500 воинов. На сегодняшний взгляд эта цифра невелика. Но в те времена (если не принимать во внимание сказки древних писателей о стотысячных войсках, которых на деле никогда не было) битва с почти 30 тысячами участников была просто грандиозной. Немногие государства могли подготовить и вооружить такое число воинов. При Липице это удалось благодаря участию горожан — купцов и ремесленников, с детства учившихся держать в руках оружие для защиты своих владений и вольностей. Ведь в Смоленске, как и в Новгороде, главной силой были тогда выборные власти и народное собрание — вече.

А что же владимиро-суздальские князья? Они стремглав бежали, на ходу меняя коней. Юрий, в одной нижней рубахе, сбросив даже поддоспешный кафтан, едва не уморив четвёртого коня, один вернулся во Владимир. Ярослав, потеряв в бою шлем (он позже был найден и ныне хранится в Оружейной палате

Московского Кремля) загнал четверых коней и на пятом прискакал в Переяславль, где с тревогой ждала его жена. Воевать Ярослав уже не мог, но всё равно проявил крутой нрав: велел мучить новгородских пленных так, что многие из них умерли.

Удатный не дал своим войскам штурмовать ни совершенно беззащитный Владимир, ни Переяславль, но покончил дело миром, освободив пленных, взяв дары и рассадив князей по старшинству. Лишь у злого Ярослава, признавшего: "По правде меня крест убил!" — забрал он свою дочь. Едва ли не самая грозная усобица на Руси закончилась без обычного разорения русских земель.

Только когда Ростислава вышла из Переяславля и осталась в лагере своего отца, Ярослав Всеволодович начал понимать, как много она для него значила. Похоже, что именно в разлуке он по-настоящему полюбил жену. С этого времени он начал задумываться и об ответственности князя перед подданной ему землёй. Изменился даже его характер. Ярослав сохранил властолюбие, но прекратил злобствовать. А если и наказывал иной раз своих противников, то умеренно, так, что это уже не вызывало резкого порицания летописцев.

Поначалу, конечно, Ярослава вела по пути мудрости надежда заслужить прощение от своего тестя. Он знал, что Мстислав миловал не только сородичей; злейших врагов и даже изменников князь, подержав немного в темнице, по широте души неизменно прощал и отпускал. Но вернуть дочь всё-таки не спешил. Видимо, он сделал это, лишь окончательно покидая Новгород в 1218 г.

Хотя Удатный не преминул перед отбытием заточить, с конфискацией богатств, некоторых знатных горожан, своих противников, новгородцы сильно упрашивали князя остаться. Однако ему пора было в Галич, где вновь свирепствовали венгры и поляки. Мстислав, призвав под свои знамёна половцев, разгромил противников, умело разъединив, в единой битве. Венгры окопались в Галиче — князь взял его подкопом, вновь пожалел и пленных, и изменников, а с сыном венгерского короля даже обручил свою дочь.

Воссоединение Ярослава с возлюбленной супругой Феодосией-Ростиславой было бурным. В 1220 г. княгиня родила Фёдора[8], в 1221-м — Александра, — двух прославленных Церковью святых заступников Русской земли. За ними последовали княжичи Андрей, Михаил Хороборит, Даниил, Ярослав, Василий и Константин. Благодаря своей искренней любви к Ростиславе Мстиславне Ярослав Всеволодович превзошёл в потомстве своего отца, Всеволода Большое Гнездо (у того было лишь 6 сыновей). От него пошли не только владимирские и

московские, но и тверские великие князья.

Глава 2. ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

Княжичу Александру посчастливилось родиться на прекрасной и мирной земле, в самой глубине Руси — богоспасаемого удела самой Пресвятой Богородицы.

"О, светло светлая и украсно украшенная земля Русская! — писал в восторге русский человек во времена, когда был ещё жив отец князя Александра. — Многими красотами удивлена ты (от слова дивный. — *Авт.):* озерами многими удивлена есть, реками и источниками местночестными, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверьми, различными птицами; бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами Божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всего исполнена земля Русская, о правоверная вера христианская!"

На обширной равнине, на берегу Плещеева озера у впадения в него речки Трубеж, высился отцовский город Переяславль — "нереявший" славу своего предшественника, Переяслава в Южной Руси (ныне Переяслав-Хмельницкий в Хмельницкой области Украины), как тот "переял" славу более ранних княжеских городов-крепостей. Свежие, менее чем столетние валы города, основанного как княжья крепость всего лишь в 1152 г., видны были на цветущей равнине на десятки километров.

По шестиметровой ширины гребню высокого переяславского вала были построены крепкие дубовые стены из рубленых клетей, заполненных каменьем и землёй, с широкой, нависающей над водой глубокого внешнего рва стрелковой галереей, рачительно прикрытой от непогоды островерхой крышей из деревянных дощечек — дранки. Над стенами возвышалось множество башен — веж — с деревянными шатрами для защиты день и ночь бдительно вглядывавшихся в даль караульных от всяких невзгод.

Самые мощные банши, имеющие внутри множество помещений для стражи и семьи княжьего военного наместника-огнищанина, стояли над тремя проезжими воротами, от которых уходили вымощенные по сырым местам деревянными настилами дороги к стольному граду Владимиру, к богатому вольному Новгороду и в южную Русь, через малую княжью крепость Москву. Мы не знаем, в какой из крепостных башен жил огнищанин, — деревянные сооружения Переяславльского кремля были до основания разобраны за ненадобностью в 1759 г. Но по традиции он не мог покинуть крепость через ещё одни, скрытые, Тайнинские ворота, через которые из крепости могли в крайнем

случае бежать мирные жители и княжеская семья.

Однако пользоваться этим лазом, да и защищать крепость от врагов не приходилось. Город просто-напросто никто не осаждал, а стены и башни Переяславльского кремля стояли веками, как новенькие. Ещё бы! Говорили, что их построил сам святой Никита Столпник, которого переяславльцы стали почитать ещё при жизни и с молитвой вспоминают до сих пор.

Легенда о святом Никите

Судя по ходившим в народе рассказам, записанным переяславльским краеведом М.И. Смирновым, Никита как раз и был огнищанином — верным рабом-холопом сурового князя Юрия Долгорукого. Только холопам доверяли князья управления своими владениями, а огнищанин был главой княжеской вотчины — выше любого знатного боярина, не только местного, но и приближенною к князю, дружинного. Ему подчинялись подъездной княж — сборщик податей, и приказчики-тиуны. Разве что старший конюший мог сравниться с огнищанином, хотя жизнь всех этих важнейших для хозяйства рабов князь, согласно тогдашнему закону — Русской Правде, оценивал одинаково. 80 гривен (4 кг серебра), сумма годовой дани с крупной волости, — такой штраф налагался на убившего княжьего слугу из праведной мести за причиненную обиду. Если убийца был неизвестен, штраф налагался на округу, где было найдено тело: эта круговая порука называлось дикой вирой. Когда же огнищанина или подъездного убивали без оправдательных в глазах закона обстоятельств, преступника вообще уничтожали "во пса место".

Не стоит удивляться, что жизнь холопа оценивалась ровно вдвое выше, чем свободного мужа (например, дружинника или купца), и что княжьего раба нельзя было убить даже по священному праву кровной мести. Холопство прихлебателей всегда было особо дорого власть имущим. Для истории важен перепад цен на жизнь. Убийство знатной женщины оценивалось, например, в 20 гривен, а вот княжий сельский староста, боярский тиун, ремесленник и ремесленница, пестун (воспитатель) и кормилица стоили одинаково, по 12 гривен. Рабыня ценилась в 6, а раб — только в 5 гривен. Видно, крепко был ненавидим огнищанин с его подъездными, вирниками, мечниками и иными бодрыми подручными, коли его жизнь приходилось охранять таким огромным штрафом. Изменить князю огнищанин не мог, не пригодился бы ему и подземный ход. Без защиты князя едва ли не каждый встречный убил бы злого холопа с превеликим

удовольствием.

Как раз таким злым холопом и был Никита, жестоко мучавший народ на строительстве княжеской крепости и безжалостно дравший с людей последнюю рубашку. Сам он в это время пировал и пьянствовал, заливая "зеленым вином" (как тогда называли креплёные напитки, ведь водки ещё не было) муки медленно просыпающейся совести. Однажды Никита допился до такой степени, что ему явилось видение. На пиру он вдруг увидел, как из котла, где варилось мясо, высовываются головы и руки замученных им людей…

Это стало последней каплей. Никита враз порвал с прежней жизнью и решил уйти в монастырь: единственное место, где холоп мог тогда обрести свободу, ведь Русская православная церковь никогда не признавала рабства. Но переяславльские монахи его не приняли: уж больно злую жизнь вёл огнищанин, да и гнева князя за приём ушедшего раба им было не стерпеть. Никита и сам понял, что он неуместен в монашеской обители, пока не изгонит из себя беса.

Выкопав недалеко от крепости, близ места своих преступлений, землянку в форме колодца, Никита поселился на дне этого перевёрнутого, направленного вниз "столпа", терпя великую нужду, дожди и снег, холод и голод, спасаясь лишь неустанной молитвой да коркой брошенного сердобольными людьми хлеба. Со временем, почувствовав в себе нравственное исправление, Никита прокопал из своего колодца подземный ход в церковь. Понемногу признала его и братия монастыря. 35 лет провёл в добровольном страдании Никита, пока его 24 мая 1186 г. не убили разбойники. Знать, кто-то не простил былых мук злому огнищанину!

Никитский монастырь в Переславле-Залесском. Современный вид

Народ, однако, помнил и подвиг Никиты, молясь ему после мученической смерти как местночтимому святому и называя монастырь, к которому он прилежал, Никитским. В XVIII в., по воспоминаниям местных жителей, помнивших передававшиеся от поколения к поколению рассказы о Никите, у юго-западного угла монастырского собора была устроена часовня святого. В ней — каменный столп, вокруг него арочная галерея, а под часовней — подземная келья. На стенах иконописцы написали свой образный рассказ о жизни и подвиге Никиты Переяславльского.

* * *

К рождению Александра стены Переяславльского кремля ещё не успели основательно потемнеть от времени и рассесться — им было всего 27 лет. Новеньким выглядел и Спасо-Преображенский собор, с закладки которого Юрием Долгоруким в 1152 г. началась истерия Переяславля. И сейчас этот древнейший из сохранившихся в Центральной России соборов (он был завершен в 1157 г.) выглядит как мощный, величественный храм. А во времена Александра его строгие формы из сияющего на солнце белого известняка потрясали воображение. Одна могучая глава собора, золочёный крест которой виден был в хорошую погоду на десятки верст, символизировала единодержавие. Один Бог на небе — один князь на земле, утверждали предки Александра: его прапрадед Юрий Долгорукий, прадед Андрей Боголюбский и дед — Всеволод Большое Гнездо, в 1179 г. сделавший Переяславльскую крепость центром своего княжества, из которого он шагнул затем на владимирский престол.

С высокой галереи княжьего терема, стоявшего посреди крепости, рядом с собором, мама показывала маленьким княжичам Фёдору и Александру просторы их прекрасной земли. С трёх сторон от крепости лежали возделанные поля и огороды зажиточных усадеб, на тучных лугах паслись стада коров и табуны коней. Простор озера покрывали лодки рыбаков, забрасывавших сети. Целые артели с трудом вытаскивали сети по мелководью на берег, чтобы порадовать переяславльцев славящейся до сих пор озёрной рыбой. На озеро садилось великое множество птиц. В густых, охраняемых княжьими законами лесах, в изобилии водились дичь и пушной зверь. Бортники везли из лесов дикий мёд и воск.

Переяславльское княжество всем обеспечивало себя само, но людям этого было мало: караваны мелкосидящих судов летом, длинные обозы саней доставляли каждую зиму запасы и товары

со всей Руси и из-за её пределов. Богатые люди, а их в княжестве становилось всё больше и больше, любили одеваться в восточные шелка и украшаться чудесными киевскими и новгородскими драгоценностями. На стол они ставили солёную или мороженую морскую рыбу с Белого моря и Каспия — ведь речную-то и озёрную мог позволить себе каждый! Клинки мечей у княжеских воинов-дружиников были немецкие, а парадные наряды и шелковые боевые плащи они носили по византийскому образцу.

Красочно разодетые дружинники были главными людьми в крепости и раскинувшемся вокруг неё городе. Княжич Александр с малолетства наблюдал, как они, скинув кафтаны и подоткнув за украшенные серебром и золотом пояса полы длинных ярких рубах, тренируются во дворе или, гордо заломив отороченные дорогим мехом шапки, разгуливают по мощёным деревом улицам. Время от времени, сияя ярко начищенной бронёй, дружинники во главе с отцом улетали на лихих конях на манёвры или далёкую, неведомую войну.

Александрова гора в Переславле — Залесском

В самом Переяславле война казалась делом далёким и почти что нереальным. Хотя княжий город мыслями о боях жил, и все видные люди в нём носили оружие, никакой внешней угрозы ни могучей крепости, ни уходившим от неё всё дальше посадским дворам с их обширными садами и огородами не было. Вокруг лежали принадлежавшие отцу Александра обширные земли и крепкие города: Тверь, Дмитров, Зубцов, Коснятин, Кашин, Нерехта и другие. Везде стояли княжеские воины. Да и, если подумать: кто мог на этот мирный край напасть?

Переяславль был центром одного из девяти княжеств, принадлежащих одной семье. Вместе они составляли Великое княжение Владимирское, которым правил, пока его слушались сыновья, братья и дядья, старший в роду князь. Земля эта, как заметил историк В.Т. Пашуто, была больше Англии. Её покрывали

десятки больших городов и крепостей. Богатые, густонаселённые торговые города диктовали свои условия на рынках Руси и отдалённых частей Европы.

Ещё бы! Великое княжество Владимирское лежало на стратегическом пересечении главных торговых путей между Европой и Азией. Великий Волжский путь, состоявший из Каспийской, Волжской и Волго-Балтийской водных систем, во времена Александра давно уже затмил прежде знаменитый торговый путь по Днепру и Чёрному морю. Когда фактически пала разграбленная крестоносцами Византия, международная торговля Евразии это едва заметила. Ведь по Волге и Каспию купцы выходили на Великий Шелковый путь, соединявший Китай, Среднюю Азию, Индию, Персию и арабский Восток с Европой гораздо удобнее, чем через Царьград!

Самые богатые города великого княжества, древнейший Ростов, Суздаль и Владимир, контролировали потоки товаров вверх и вниз по Волге и по водным артериям Руси, выходившим в Балтику. Правда, путь на Балтийское море (как и к Белому морю и Северному ледовитому океану) лежал через владения Великого Новгорода, а на Каспий — через Волжскую Булгарию.

Однако свободолюбивые новгородцы, зависящие от подвоза продовольствия из Владимирской Руси, сами ей никогда не угрожали. Напротив — это владимирские князья шаг за шагом наступали на земли и вольности Новгорода. Княжеские владения вторгались в северные Заволжские земли двумя огромными щупальцами — по бассейну Шексны к реке Онеге и через Сухону к Северной Двине. От Заволжских форпостов, Ярославля и Костромы, власть владимирских князей распространялась на Галич, Устюг, Белоозеро и другие города севера.

С Волжской Булгарией князьям временами приходилось воевать, находя для этого разные веские причины, скрывающие главную: споры о транзите товаров. Однако воинственные булгары сами не совершали походов на Русь и даже не имели с нею общей границы. Соединённые Волгой, русское и булгарское государства оставили между собой широкую полосу независимых мордовских и марийских земель, с которых князья периодически брали дань.

Вообще, финно-угорские племена с юга и востока Владимирской земли не только не представляли военной угрозы, но долго не рассматривались даже как серьёзная цель колонизации. С ними, разумеется, торговали, среди них время от времени селились русские, но земли их по традиции считались "ничьими", вольными. Лишь в 1221 г., при рождении княжича Александра, на невидимой границе с финно-уграми, у слияния

Волги и Оки был заложен Нижний Новгород: город-крепость, от которого много позже пойдёт движение русских войск и поселенцев на восток и юг[9].

Строго на юг от Владимирского княжества лежали земли воинственных и весьма энергичных рязанских князей. Именно по ним, случалось, приходились удары кочевников-половцев, на которых и сами русские князья временами ходили в целях поживы. Однако главные половецкие кочевья располагались далеко-далеко на юге, в Предкавказье, и ни половцы, ни русские никогда не пытались друг друга завоевать. Князья и ханы мирились и роднились (как мы видели на примере отца Александра), вступали в военнополитические союзы и столь же часто их разрывали, братались и совершали друг на друга лихие налёты. Но половцы никогда не угрожали Владимирской Руси.

На запад от Переяславля, через приграничную крепость Москву, купцы ездили в земли смоленских князей. На родине матушки Александра сила горожан стольного града древнего племенного союза кривичей удачно сочеталась с воинской сноровкой не слишком властолюбивых князей, устроивших свои резиденции в городах-крепостях. Самым авторитетным князем этой земли был дед Александра, Мстислав Мстиславич Удатный.

Хотя юный княжич, похоже, ни разу с ним не встречался, рассказы о доблести и честных подвигах деда сопровождали его на всём пути к взрослой жизни. Деда далеко не все любили, но вряд ли был на Руси человек, который его не уважал. С запада городу, где растила своих сыновей княгиня Феодосия-Ростислава, угрозы уж точно не было! А вот помощь, попроси она вдруг батюшку выручить Переяславль, поспела бы незамедлительно. Однако княгине не было нужды обращаться к родным, соперникам рода её мужа. Да ещё к князьям, почти что не имевшим иноплеменников на своих границах (Смоленская земля лежала точно в центре Руси), и потому проявлявших доблесть главным образом во вмешательстве в дела других русских земель.

Удалые смоленские князья, опираясь на экономическую мощь стольного града, тысяч купцов, ремесленников и корабелов Смоленской земли, державших водные пути от верховьев Днепра до Западной Двины, почти все побывали на киевском престоле. Именно Киев был призом, из-за которого соперничали владимирские, смоленские, галичские и черниговские князья. Дело в том, что этот богатый, но постепенно уступавший своё экономическое первенство, а к временам Александра уже хиревший город, условно считался столицей Древней Руси. Если в других русских землях правили сильные, связанные родовой порукой княжеские кланы, то Киев считался призом самому

доблестному, сильному и ловкому искателю "чести" хотя бы номинально объявить себя старшим из русских князей.

Занять его стремились князья в поисках чести и славы, неустанно воюя друг с другом. В результате именитые мужи Киева, в основном крепкое боярство, содержавшее большие дружины воинов на доходы со своих обширных земель, все чаще могли принимать или изгонять князей "по всей своей воле", как в древнейших городских республиках — Великом Новгороде и Пскове.

Призовой град Киев

Киевских князей XII–XIII вв. академик Б.А. Рыбаков охарактеризовал словом "незадачливые": одни менее, другие более, вплоть до князя, продержавшегося на престоле веет восемь дней. Этот рекорд был побит: новый князь, пообещав на народном собрании-вече слушать киевлян во всем, не успел сесть пировать, как народ уже громил дворы его тиунов и мечников, а вскоре и самого "самодержца" постригли в монахи. Просто согнанные с киевского престола были счастливцами: по приговору веча князя могли убить, а если он был силен, как, например, прапрадед Александра Юрий Долгорукий, составить против него заговор и тайно отравить.

Потолковав на вече, киевляне завели обычай приглашать сразу двух князей-соправителей. Один сидел в городе и правил Киевом, другой управлял Киевщиной из старинных княжеских крепостей, Вышгорода или Белгорода. Военные и дипломатические вопросы они решали сообща. Воевать Киеву приходилось почти со всеми русскими княжествами, кроме Новгорода и Полоцка, причем взяв город, русские грабили его не хуже половцев. Половецкая опасность, грозившая с юга, из Степи, хоть немного смягчала внутреннюю борьбу, временно объединяя князей.

В 1183 г. князья-соправители Святослав и Рюрик соединили силы в походе на западное объединение половцев во главе с ханом Кобяком. Киевские, переяславские, волынские и галицкие дружины настигли врага на реке Орели близ Днепровских порогов. "Железные великие полки половецкие" были разгромлены, хан убит, кочевья уничтожены до самого моря. С западным половецким союзом было покончено. Но уже на следующий год на Русь двинулся объединитель восточных племен хан Кончак. Он уже давно вступил в союз с князем Игорем Новгород-Северским (героем "Слова о полку Игореве" и оперы

Бородина). Однажды, разбитые киевлянами в сече на р. Альте, Кончак с Игорем бежали вместе в одной лодке. Понятно, что Игорь Сохранял нейтралитет, когда хан устремился на Русь. Но Кончаку не повезло. Киевские князья Святослав и Рюрик с союзниками разбили половцев на р. Хороле, а потом захватили многие их кочевья. Лишь неудачный поход Игоря на половцев ободрил Кончака и позволил его воинам вновь поживиться на Руси.

Новую страницу борьбы со степью открыл славный объединитель Галича и Волыни князь Роман Мстиславич, севший на киевский престол в 1202 г. Немедля грянул он на половецкие кочевья, захватил их и вернул на Русь множество пленных. "… Устремлялся на поганых, как лев, — пишет о Романе летописец, — свиреп был, как рысь, истреблял их, как крокодил, проходил землю их, как орел, храбр был, как тур". Но на следующий год изгнанный Романом из Киева князь Рюрик в союзе с черниговскими князьями привел в город половцев: "от Крещения не было такого зла над Киевом".

Город, храмы и монастыри были разграблены, попы и монахи вырублены, "а юных черниц, жен и дочерей киевлян увели в полон". Роман спас часть пленных, разгромил половецкие станы и пленил Рюрика. Но вскоре сам был убит на охоте. Снова на киевском престоле замелькала череда слабых князей. Даже под угрозой монголо-татарского нашествия ничуть не затихли бои вокруг Киева, доставшегося завоевателям, точно яркий пряник на подносе.

* * *

Александр, как и другие княжичи на Руси, с малолетства, слушая старинные песни и былины о киевских могучих князьях и чудо-богатырях, знал, что когда-нибудь и ему может представиться возможность занять престол древнего Киева. Когда он чуть подрос, и вместо няни получил в воспитатели опытного воина-дядьку, то лучше понял цели, с которыми и его предки не раз пытались взойти на киевский престол. Помимо богатств города, удачливый завоеватель мог рассчитывать на тяготевшие к нему изрядные земли на плодородном Правобережье Днепра, спускавшиеся в южные степи до рек Орели и Самары. Там, на юге, славянских земледельцев сменяли черные клобуки — подвластные русским князьям остатки торков, печенегов и берендеев. Славное своим прошлым и все еще богатое Киевское княжество оставалось церковным центром Руси, а главное —

символическим "златым столом" старшего великого князя из нескольких великих князей, возглавлявших родовые кланы в крупнейших землях Руси.

От князей, которые могли стать его главными соперниками в борьбе за старшинство на Руси, земли рода Александра отделяла р. Ока, а за ней — р. Москва с сильной крепостью, много позже ставшей столицей Русского государства. Это были знаменитые князья черниговские и северские, правившие на левой стороне Днепра и испокон веков соперничавшие с правобережным Киевом.

Земли древнего племенного союза северян со столицей в Новгороде-Северском на Десне, городами Путивлем, Рыльском и Курском, принадлежали Ольговичам — потомкам князя Олега Святославича, двоюродного брата Владимира Мономаха. Они не скоро отделились от соседнего Черниговского княжества, тянувшегося в землях племенных союзов радимичей и вятичей, от границ Смоленщины на севере и далеко-далеко в Степь. Там на юге, отрезанная половецкими кочевьями, лежала на берегу Азовского моря подвластная черниговским князьям Тмутаракань. Хотя Черниговские и Северские земли со временем разделились на мелкие княжения, владело ими одно "хороброе гнездо Ольговичей" — воинственных и довольно бесшабашных князей.

Правда "Слова о полку Игореве"

Когда киевские князья Святослав и Рюрик одолели половецкого хана Кончака, князь Игорь Святославич Новгород-Северский с друзьями и вассалами не мог упустить случая ограбить своего старого приятеля. Войско его полетело на лихих конях от Северского Донца к Азовскому морю, громя половецкие кочевья, и лишь далеко на юге, на берегах реки Каялы, встретилось с воинами Кончака.

В трехдиевном сражении погибли почти все дружинники Игоря, а сам он угодил в плен. Однако князь, как известно, был неплохо принят Кончаком и, погостив у приятеля, удачно *бежал из* полупустых ханских кочевий: все половецкие воины устремились тогда в "ворота, которые он отворил на Русскую землю". Благодаря успешному грабежу Кончак укрепил свою власть над кочевниками и передал ханство сыну Юрию, которого летописец называет "большим всех половцем": его-то дочь и стала первой женой отца княжича Александра.

Печально знаменитый Игорь Святославич стал со временем весьма уважаемым князем Черниговским, который, согласно

летописи, непрестанно думал о благе земли Русской. Династически и в отношении церковном к Чернигову тянулись занятые столь же беспокойными князьями Рязанские земли: лишний повод к столкновению с князьями владимиро-суздальскими, с которыми Ольговичи соперничали также из-за влияния в Новгороде и Киеве.

* * *

Не пуская в свою землю правителей из "чужих" ветвей потомков легендарного Рюрика, Ольговичи часто приводили на Русь половцев: благо их владения клином врезались в остальные русские земли. Они граничили с Рязанскими, Владимирскими, Смоленскими, Полоцкими, Турово-Пинскими и Киевскими землями. И всюду, в том числе в более отдалённых землях Великого Новгорода и Волыни, в политических делах Руси чувствовалось их влияние.

После рождения Александра ситуация изменилась, но никто, кажется, не почувствовал рокового смысла образовавшейся в культурном и политическом пространстве Восточной Европы пустоты. 31 мая 1223 г., через две с половиной недели после того, как княжичу исполнилось два годика, в Южнорусской степи окончательно исчезли половцы! Многие взрослые тогда, наверное, этому втайне обрадовались, а дети не способны были понять: как это, в Степи нет страшных врагов-кочевников?!

Тысячелетие, сколько помнили себя восточные славяне, кочевники в Великой степи были. Со всеми удавалось как-то уживаться, но в народной памяти образ огнедышащего дракона, оставляющего за собой пепел сожженных сёл, лишь прирастал новыми страшными чертами. Пышно убранных золотом скифов сменили женоуправляемые копьеносцы-сарматы, за ними пришли гунны и авары, потом явились болгары, печенеги и хазары. В X в. великий князь Святослав Игоревич "отмстил неразумным хазарам" и одолел болгар, но пал от рук печенегов. Однако и печенегов вместе с торками и берендеями вытеснили половцы — а теперь в Степи не осталось никого, кроме разрозненных мелких кочевых групп, уже не способных объединиться…

К образовавшейся пустоте был непосредственно причастен дедушка Александра, Мстислав Мстиславич. Именно он, бросив свои дела на западе Руси, честно пытался спасти половцев. Но даже он не преуспел в объединении русских сил и, пожалуй, впервые потерпел сокрушительное поражение на поле брани.

Никто в Европе даже не предполагал, с каким страшным и

насколько превосходящим в военной силе и организации врагом пришлось столкнуться объединённому русско-половецкому войску в Степи у р. Калки. Даже опытные дружинники не поняли, что сокрушившая их и тут же покинувшая Южнорусскую степь орда — не очередная волна кочевников, а стандартный передовой отряд — две 10-тысячных "тьмы" — невиданной прежде армии величайшей в мире Монгольской империи. И что за убийство её послов, помощь её врагам и выступление против монголов придётся, по строгим монгольским законам, отвечать.

Битва на Калке

В 1222 г. два тумена монгольских войск под командой нойонов Джэбэ и Субэдэя, преследуя своих врагов через Иран и Закавказье, вышли в половецкую степь. От Каспийского моря до самой границы с Русью гнали Субэдэй и Джэбэ половцев. Хан Котян, спасаясь, прискакал в Галич к своему зятю князю Мстиславу Удатному, рассказал о гибели ханов Юрия Кончаковича и Данилы Кобяковича и попросил помощи: "Нашу землю сегодня взяли, а завтра прийдут и вашу возьмут".

Узнав от половцев о монгольском нашествии, Мстислав созвал князей в Киев и уговаривал: "Если мы им не поможем, то половцы пристанут к врагам и сила их станет больше"[10]. "Лучше встретить врага на чужой земле, чем в своей", — решили князья. Монголы прислали послов с обычной хитростью, желая разделить русских и половцев, но им не поверили и убили. Много ладей пришло к сборному месту русских войск на Днепре у Варяжского острова, однако не было на них ни новгородцев, ни псковичей и полочан, ни владимиро-суздальцев. В Степь вместе с последними войсками половцев выступили полки галицкие и волынские, смоленские, киевские и черниговские. У них не было единого командования, причём самые храбрые князья, начиная с Мстислава, считались в войске "младшими".

Удатный с полками галицко-волынскими, сторожевыми отрядами союзных князей и половцами шел впереди, главного войска. Трижды удальцы схватывались с монголами и побеждали. На девятый день похода, 31 мая 1223 г., перейдя речку Калку (недалеко от Азовского моря), вступил Мстислав со товарищи в бой со всеми неприятельскими полчищами. Храбро сражались молодые князья Олег Курский и Мстислав Немой, а Даниил Романович Волынский не заметил даже, что ранен копьем в грудь.

Но старшие князья послали в бой вместе с этими русскими храбрецами только половцев, а сами держались позади, не

вступая в битву. Опрокинутые тяжелой монголо-татарской конницей, половцы побежали и смяли русские ряды. Войска Мстислава Удатного, а затем стоявшие в тылу полки Мстислава Черниговского были разбиты и бросились в бегство. Началась резня. Монголо-татары преследовали бегущих до самого Днепра, шестеро князей во главе с Мстиславом Черниговским и несчетно дружинников бесславно сложили головы, унося ноги.

В разгар битвы рать Мстислава Киевского, насчитывавшая более 10 тыс. воинов, не поспешила на помощь союзникам, но оградилась кольями на холме над р. Калкой. Там русские отбивались три дня, потом поверили монголо-татарам, пообещавшим отпустить их на родину, сдались и были перебиты. Трое князей подверглись позорной казни: были задавлены досками, поверх которых, постелив ковры, пировали победители. Едва ли десятая часть воинов, выступивших в поход, вернулась домой. С битвой на Калке народные сказания связывали гибель семидесяти русских богатырей во главе с Алешей Поповичем[11].

После битвы монголы повернули на восток, не доходя Переяславля-Южного. На обратном пути они вторглись в пределы Волжской Булгарин, но потерпели на Волге ряд поражений и были вынуждены убраться восвояси. Однако это была лишь разведка боем.

* * *

Историки долго и сурово укоряли родственников Александра, русских князей, за то, что с 1223 по 1237 г., когда одна из четырёх монгольских орд обрушилась на Русь, они за 15 лет не сумели преодолеть распри, объединиться и приготовить немалые русские силы к отражению нашествия. Но правда истории состоит в том, что в глазах современников этой грозной опасности просто не было!

О военных планах, обычаях и организации монгол в годы детства и юности княжича Александра никто не знал. Даже что за народ появился и внезапно исчез в Степи, оставив после себя лишь кости и пепелища, было неведомо: "пришли языки незнаемые, их же хорошо никто не знает, кто такие и откуда вышли, и что за язык у них, и которого они племени, и что за вера у них. А зовут их татары, а иные говорят — таурмены, а другие — печенеги", хотя поговаривают и о неведомом племени, изгнанном библейским Гедеоном в пустыню меж Востоком и Севером. "Бог один ведает, — писал летописец после событий, — кто таковы и откуда вышли; премудрые ведают их хорошо, кто (священные. —

Авт.) книги разумеет; мы же их не ведаем, кто таковы".

Вы спросите: как же так? Почему этих загадочных воинов не сочли крайне опасными, подлежащими хотя бы выяснению — кто таковы?! Если, например, Владимиро-Суздальское великое княжество, которое не приняло участие в походе на Калку, было так заинтересовано в потоках товаров по Великому Волжскому пути, как же его власти не заметили ужасных последствий рейда войск Джэбэ и Субэдэя по южному и западному берегам Каспия, как раз по районам, через которые на Волгу шли товары с Великого Шелкового пути?!

Не говоря уже о том, что с 1219 г. монголы успешно громили и практически стёрли с лица земли богатейшие города Средней Азии, в которых, собственно говоря, и производилась большая часть шелков и других товаров, шедших к Каспию и далее по Великому Шелковому пути. Отрар и Сыгнак, Ходжент и Коканд, Дженд и Ургенч, Самарканд и Бухара являлись, до своего разорения, важнейшими центрами производства и столпами международной торговли Евразии. Так что уже в конце 1220–1222 гг., когда войско Джэбэ и Субэдэя стёрло с лица земли многие города Азербайджана и Грузии, через обойдённый монголами Дербент никакого потока товаров идти не могло: ни предложения товаров Азии, ни спроса на товары с севера просто не было.

Однако ни в одном русском или ином европейском сочинении, начиная с фиксировавших даже не слишком громкие события летописей, сетований на крушение транзитной торговли и дурных предчувствий из-за подминавшей Азию машины завоеваний не было. Очевидно, перебои с движением товаров из-за бесконечных войн местных шахов, ханов и князьков считались делом обычным. Да князья сами постоянно устраивали такие перебои своими сварами на Руси!

По крайней мере, семья Александра в мирном Переяславле никаких неудобств ощутить была не должна. Княгиня Феодосия-Ростислава, как рачительная хозяйка, имела все необходимые для ведения дома продукты и товары, например ремесленные изделия и ткани, с собственного княжеского хозяйства. Украшения она, по тогдашней моде, предпочитала покупать новгородские, а экзотических шелков для пошива парадных одеяний себе, мужу и сыновьям наверняка имела запас, аккуратно сложенный в сундуках.

Не слишком пострадал даже семейный бюджет, немалую часть которого составляли судебные и таможенные сборы. Князь исправно судил (сам или через доверенных лиц), за что летопись его хвалила, а купцы продолжали возить товары. Главным

рынком оставался довольно объёмный внутренний. К тому же русские ремесленные изделия прекрасно шли в необъятные земли финно-угров, а владимирское продовольствие (не только зерно, но и мёд), воск и иные полезные вещи — в Великий Новгород, на Балтику и к булгарам. В конце концов, именно булгары держали "нижнюю" часть Волжского пути, и именно они больше всего общались с купцами из-за Каспия!

От булгар же вскоре после Калки, в 1224 г., на Русь пришли весьма ободряющие известия. Их содержание мы можем представить себе по сообщению арабского историка Ибн-ал-Асира, с удовольствием записавшего подобное известие от болгар. Жители города Булгара, пишет он, при известии о движении монголов (двух туменов Джэбэ и Субэдэя, возвращавшихся в Среднюю Азию), "в нескольких местах устроили на них засады" и перебили множество врагов, из которых уцелели "только немногие"[12].

Возможно, и даже весьма вероятно, победа булгар сильно преувеличена, ведь войско Субэдэя благополучно вернулось к Чингисхану и в 1226 г. участвовало в его последнем походе на тангутское государство Си-Ся. Однако историками было замечено, что имя Джэбэ после боёв с булгарами перестало упоминаться. Возможно, старый нойон великого хана просто умер на пути в Гоби, но нельзя исключить, что он погиб при переправе через Волгу.

Поскольку никто, ни в Булгарин, ни на Руси, не мог даже вообразить, что могучее войско монгол, разгромившее едва ли не самую большое на памяти современников русско-половецкое воинство, могло быть лишь малой частью армии пока неведомой никому Монгольской империи, вопрос с "обидчиками" половцев, наверное, считали исчерпанным. Неведомые злодеи появились ниоткуда, нанесли ужасный урон торговле, многим государствам и народам, и так же внезапно исчезли. Это не раз случалось в истории восточных славян, достаточно вспомнить летописный рассказ о растворившихся без следа аварах, от которых осталась лишь поговорка: "Погибоша, аки обры".

Итак, вокруг Переяславля и рубежей Руси стояла тишина. Ни шведы, ни немцы, с которыми предстояло сражаться Александру Невскому, Русь ни коим образом не беспокоили. С ними даже общей границы не было, если не считать открытой для судоходства Балтики! Но даже и "открытость" моря была условна. Немалая часть земли по берегам Финского залива, через который шли на Русь купеческие суда, а иногда и военные корабли, была поддана Господину Великому Новгороду.

На запад от обширных (да что скрывать — самых больших в

сильно разделённой тогда Европе) владений Новгорода, если верить картам школьных учебников (в том числе и написанных мной), лежали преогромные земли финно-угорских племён, не окрашенные в цвета никаких соседних государств. Самые "политкорректные" издатели эти "ничьи" земли, занимающие большую часть современной Финляндии, вообще срезают — от греха. Хотя, что плохого в том, что захваченная позже шведами, а затем отбитая у них Российской империей Финляндия в древности населялась племенами, которые вместе со славянами образовали Древнерусское государство?!

На самом деле не только воинственные карелы, но и заселявшая большую часть современной Финляндии емь на равных правах входила в Древнерусское государство. Как и многие финно-угорские племена, емяне платили только дань и при нужде выступали в общий воинский поход, имея привилегию не держать на своей земле русской администрации. Их западные соседи — находившиеся на сравнительно низком уровне экономического и культурного развития шведы — долгое время просто не в силах были беспокоить подданных могучей и процветающей Руси.

Славяне и финно-угры

Начальная летопись 1070-х гг., — древнейший из дошедших до нас памятников русского летописания, — рисует обстоятельства зарождения Русского государства так. Привожу перевод со своими комментариями в скобках: "Во времена же Кия, Щека и Хорива новгородские люди, называемые словене, кривичи и меря — словене свою область имели, а кривичи свою, а мери свою, каждый своим родом владея, а чудь — своим родом. И дань давали варягам (морским разбойникам) от мужа по белой веверице (беличьей шкурке?), а когда (варяги) были у них, то те насилие творили словеном, кривичам, и мерям, и чуди. И встали словене, и кривичи, и меря, и чудь на варягов, и изгнали их за море, и начали владеть сами собой, и города ставить. И встали сами на себя воевать, и была между ними рать великая и усобица, и встали город на город, и не было у них правды. И сказали себе: "Князя поищем, который бы владел нами и урядил нас по праву"[13].

Словене и кривичи — союзы славянских племён, меря, весь и чудь — финно-угорских. Меряне имели своим центром город Ростов, весь жила в южном Прионежье, чудь — севернее, по рекам Онеге, Сухоне и Северной Двине до Белого моря. Помимо них и

многих перечисленных в летописи союзов славянских племён, в Древнерусское государство изначально вошли финно-угорские племена муромы с центром в городе Муроме, а также водь, жившая по берегу Финского залива к западу от устья р. Невы, и карелы, занимавшие северо-восточное Приладожье и Прионежье. В устье р. Ижоры жили тяготевшие к Великому Новгороду ижоряне. В Повести временных лет, составленной в начале XII в., эти финно-угорские племена, вместе с емью, перечислены как платящие дань русским князьям.

Емь — "основное этническое ядро, из которого образовался финский народ"[14], в общем списке первоначальных племён не упомянуто, как и мурома, и ижоряне, совершенно точно входившие в состав Древнерусского государства. Однако уже в договоре Руси с Византией 944 г. упомянут с русской стороны дружинник из земли еми Петр Яминдов. В XI–XII вв. земля еми, занимавшая значительную часть современной Финляндии, была поддана киевским князьям[15], а после распада Древнерусского государства осталась во владениях Великого Новгорода.

Пример еми наглядно показывает, что считать славян государствообразующим этносом, а финно-угров — только подданными, потому, что князья брали с них дань, неправильно. Первые князья, вплоть до заключившего договор в 944 г. с Византией Игоря, ограничивались сбором дани со всех, славянских и неславянских, племён. И, как свидетельствует тот же договор, воины этих племён собирались в дальние походы в их большую, общегосударственную дружину (в отличие от собственных, не слишком больших дружин).

Со времён княгини Ольги положение изменилось. На славянских и отдельных финно-угорских землях, где население перемешалось, были введены регулярный сбор налогов и суд княжеских наместников, сначала по устным законам, а затем по зафиксированным в Русской правде. Но мысли навязывать русский закон, администрацию и русскую православную веру финно-угорским племенам даже не возникало! Они сохраняли в составе Древнерусского государства свою веру и обычаи, ими управляли собственные народные собрания, князья и старейшины, оказывавшие влияние и на общегосударственные дела. Большим авторитетом в Новгородской республике пользовался, например, старейшина племени ижорян Пелгусий.

Разумеется, как и представители всех государствообразующих союзов племён, финно-угры могли высоко подниматься на общем военном и административном поприще. Достаточно вспомнить видного киевского боярина Микулу Чудина из эстов или новгородского боярина Ивана

Фёдоровича Валита из карел. А выходец из племени емь Семён Емин в 1218 г. был избран на высшую военную должность в Новгородской республике — стал новгородским тысяцким[16].

* * *

С конца эпохи викингов шведы, лучшие области которых разорялись усобицами, хотя и находились под влиянием более передового и воинственного королевства Дании, не могли предпринять на восточной Балтике ничего заметнее, чем пиратский набег. (Здесь уместно вспомнить, что конец разбойничьей эпохи викингов пришёл вскоре после того, как королевой дикой Норвегии стала просвещённая дочь Ярослава Мудрого Елизавета, дочь которой Ингигерд затем взошла на датский престол. Впрочем, тогда и другие наши девушки жертвовали собой во имя просвещения варварских народов. Королева Анна Ярославна несла культуру во Францию, королева Анастасия — в Венгрию, а сестра Ярослава Доброгнева — в Польшу. В свою очередь, дочь византийского императора принесла не меньшую жертву, выйдя замуж за сына Ярослава и приехав на Русь.)

Но даже в набегах удача шведам не сопутствовала. В 1142 г. какой-то шведский князь с епископом на 60 судах-шнеках атаковал три шедшие из-за моря новгородские торговые ладьи. Мирные купцы-гости возмутились, распаковали тщательно укрытое от влаги вооружение, вступили в бой и покрошили до полутора сотен пиратов, а три шнека забрали себе в компенсацию ущерба. В том же году отчего-то взялась за оружие емь: 400 воинов устроили в новгородских владениях грабежи, но были настигнуты и до единого истреблены ратниками из крепости Ладоги[17].

Как оказалось, эти дурные знаки появились не зря. Вскоре король Эрик Эдвардсон выступил в крестовый поход на независимые прежде ни от кого земли суми — племени, владевшего берегом Ботнического залива в районе современного г. Або. Легко закрепившись среди мирных финнов юго-западной части страны и заложив крепость, шведы быстро возмутили их насилиями, поборами и особенно принудительной христианизацией. Сумяне, как все финно-угры, оставались весьма веротерпимыми язычниками, но покушение на свои древние святыни восприняли очень остро. Прибывший из Англии энергичный епископ Генрих в 1158 г. был убит, за ним последовали ещё двое епископов. Стоявший за крестоносными

зверствами папа римский Иннокентий III даже мрачно пошутил, что епископы в страну финнов посылаются "не столько для почётной кафедры, сколько для мученического венца".

Шведы, между тем, построив замки на подступах к Финскому заливу, совершили в 1164 г. отважный рейд по Неве на саму Ладогу. Её взятием они мечтали разом отрезать карело-финские земли за Невой и Ладожским озером от Руси, чтобы продолжить грабёж Финляндии без помех. Однако ладожане сожгли свои дворы вне стен крепости и во главе с посадником Нежатой пять дней отбивались от врага, заставив шведов отступить. 28 мая, в день священномученика Елладия, подоспевшее новгородское войско князя Святослава и посадника Захария "с Божиею помощию" разбило их на голову, уничтожив большую часть вражеских воинов. 43 шнека были захвачены. Чудом спасшиеся израненные шведы бежали, уместившись всего в 12 шнек.

Ответный поход готовился долго, и совершили его не новгородцы, а союзные им язычники-карелы. Это можно понять: удар пришёлся на Сигтуну — самый большой, богатый и укреплённый город Швеции, в котором, помимо прочего, новгородцы имели немалый интерес и держали свой торговый двор с каменной церковью святого Николая. Расположенная в центре страны Сигтуна стояла на озере Меларен, соединённом длинным проливом с Балтийским морем. Летом 1187 г. целый флот карел (возможно, при неофициальном участии русских) незамеченным прошел около 60 км по проливу, так же скрытно преодолел изрезанное шхерами озеро и внезапно обрушился на политический центр Швеции.

Ни замки, ни валы, пройти по которым "можно было не менее чем в 6 часов", ни протянутая через залив цепь не остановили нападающих. Огромный город был стёрт с лица земли так основательно, что уже никогда не мог быть восстановлен. Новой столицей Швеции стал заложенный после сигтунской катастрофы Стокгольм (превратившийся в город лишь в 1252 г.). Но мстителям этого было мало. Резиденция главы шведской католической церкви в те времена была уже перенесена из Сигтуны в Упсалу. Однако нападавшие одновременно с взятием города нашли и убили епископа Иоанна в Альмарстеке — мощном каменном замке недалеко от Сигтуны. Замысел операции, как и её исполнение, были поразительны. А новгородцы оказались "ни при чём"… За исключением того факта, что великолепные железные врата Сигтуны, несмотря на изрядный вес и габариты, были аккуратно доставлены в Новгород и украсили портал Софийского собора[18].

С крушением столицы вся Швеция долго лежала в обломках,

на которых грызлись между собой претенденты на власть. Мысль о крестовых походах там занимала лишь отдельных романтиков, а идея вторжения в пределы Руси долго воспринималась как признак явного безумия. Новгородцы постарались укрепить эти настроения, в 1198 г. "пожаром опустошив Або"[19]. Примерно к такой мысли приходили и немцы, потихоньку двигавшиеся в сторону Руси по южному побережью Балтики.

Drang nach Osten

Поход вдоль Балтийского моря на восток к моменту рождения князя Александра был освящённой веками традицией немецких воинов, колонистов и миссионеров. С X в., ещё со времён легендарного основателя Саксонской династии Генриха I Птицелова (919–936), немецкие дружины одна за другой уходили за р. Лабу (Эльбу), в земли воинственных, но крайне разобщённых славян. В отличие от русских, немцы всюду насильственно вводили свой язык, веру и закон, уничтожая на завоёванных землях любые следы самобытности, нередкопросто истребляя всех иноплеменных.

В жестокой борьбе одно за другим были покорены или уничтожены жившие по южному побережью Балтики от современной Дании до Польши и рекам от Эльбы до Одера и Вислы племенные союзы славян: лютичей, вагров, поморян, лужичей, шпреян и др. На их землях возвысились Саксония, маркграфство Бранденбург, герцогства Мекленбург, Силезия и Померания, архиепископства Майнц, Кёльн и Трир. На славянской земле вырос Берлин, крепость лютичей Бранибор превратилась в Бранденбург, город ободритов Великиград стал немецким Мекленбургом, Любеч — Любеком.

Однако "натиск на Восток", в котором за воинами двигались немецкие колонисты, шёл крайне медленно. Славяне упорно сопротивлялись, а временами, объединившись, давали сдачи. В середине XII в. князь бодричей (ободритов) Никлот отразил наступление 60 тыс. немецких крестоносцев, выбил со своей земли их союзников-датчан и изгнал иноплеменных колонистов. Лишь его сыновья признали себя вассалами германского императора на правах герцогов и положили начало Мекленбургской династии. Но против онемечивания они не смогли устоять, как и слезане, образовавшие при императоре Фридрихе Барбароссе герцогство Силезия, где уже во времена Александра Невского знать верила и говорила по-немецки.

Там, где славяне успели создать свои государства, немецкий

"натиск на восток" встретил непреодолимое препятствие. Путь вдоль Балтийского моря рыцарям перекрыла Польша, а южнее её, в Центральной Европе, — Чехия. Вассальные присяги славянских князей далёкому и, в общем-то, бессильному императору Священной Римской империи германской нации, распространение среди местной знати католичества, постепенное проникновение немецких колонистов (в основном в города) — все эти шаги немецкого наступления не могли изменить факта, что здесь славяне устояли, а Drang nach Osten захлебнулся. Оставалось обойти славянские земли по морю.

* * *

Лет за 50 до рождения Александра заинтересованным в новых землях немцам было уже понятно, что к востоку от р. Вислы до владений Великого Новгорода, державшего в своих руках значительную часть торговли на Балтике, лежат бескрайние и довольно заманчивые пространства, населённые языческими племенами. Торгуя с ними, основывая тут и там фактории и засылая католических миссионеров, немцы довольно быстро выяснили, что за Вислу им не пройти. Сразу за владениями преградивших им путь на восток гордых и непокорных ляхов лежали владения воинственных славян-пруссов и ятвягов, а дальше, между Неманом и Западной Двиной, жили многочисленные балтские племена — прародители литовцев. Купцов здесь принимали, но воинские отряды и слишком ретивые миссионеры просто пропадали. По рассказам новгородских купцов можно было понять, что уж коли лихие дружины древнерусских князей, полтора века совершавшие походы на лихую литву и ее соседей ятвягов, не смогли их усмирить, то десантом с моря занять эти земли и вовсе дело безнадёжное.

Зато на Западной Двине — внешнеторговой артерии русского города Полоцка — и за ней колонизация казалась более перспективной. Часть живших здесь балтских племён (земгалы, курши, ливы), согласно Повести временных лет начала XII в., состояла в подданстве Руси, и, как было известно немцам, в конце столетия платила дань Полоцку. До своей смерти в 1212 г. монах из г. Любека Арнольд в "Славянской хронике", охватывающей 1171–1209 гг., записал, что "Король Руссии из Полоцка имел обыкновение время от времени собирать дань с этих ливов"[20]. Однако сам торговый город и князья Полоцкого княжества, кажется, не слишком держались за эти владения. Возможно, потому, что, как свидетельствует "Слово о полку Игореве", в конце

XII в. торговый путь на Балтику по Двине перекрыла воинственная литва, да так, что река превратилась в непроходимое "болото".

Крестоносный гамбит

Полоцкие власти никак не отреагировали на высадку немецкого миссионера Мейнарда в 1184 г. в устье Двины, в земле ливов. А чего русским было опасаться? Сами они были веротерпимы, а посланный архиепископом г. Бремена монах приехал и поселился в местечке Икшкиле тихо, вместе с купцами, которые появлялись здесь и раньше.

Далее крестоносный гамбит был разыгран, как по нотам. Скромная миссия Мейнарда была объявлена в Бремене целым Ливонским епископством, монах стал обижать ливов, покушаясь на их богов и требуя себе церковной десятины с их земель. Не удивительно, что вскоре Мейнард передал в Бремен истеричное письмо, что ливы едва не принесли в жертву своим богам его помощника Теодориха, а самого епископа не опускают домой, опасаясь, "что потом придёт христианское войско".

И машина завоевания завертелась. Вскоре папа Целестин III провозгласил крестовый поход на безбожных ливов, давая отпущение грехов "всем тем, кто, приняв крест, пойдёт для восстановления первой церкви в Ливонии" (так утвердилось на Западе название новой страны)[1]. Мейнард нервничал зря: ливы его преспокойно отпустили, как и его преемника епископа Бертольда. Тот и оправдал их мрачные предвидения: в 1198 г. вернулся в Икшкиле с бандой крестоносцев.

Ливам пришлось взяться за оружие. Участвовавший в резне Бертольд был убит (вообще восточная Прибалтика становилась кузницей католических мучеников). Оставшихся в живых ливов обложили данью в пользу церкви — по мере зерна с "плуга" (индивидуального распахиваемого участка). Но стоило крестоносцам уйти, как монахам вновь пришлось бежать.

Теперь все основания для "праведной" колонизации у немцев были. Бременский каноник Альберт фон Аппельдерн (с XV в. его стали именовать Бугсгевден, по соседней с Аппельдерном деревушке), получив сан епископа ливонского (рижского), по благословению папы Иннокентия III собрал в Германии сильное войско и в 1200 г. высадился в устье Двины с 23 кораблей. Ливы были разбиты, а епископ на следующий год основал в Земгальской гавани крепость Ригу.

Хитрый Альберт, с одной стороны, сговорился с лидерами

племён ливов и куршей, а с другой — учредил в 1202 г. орден меченосцев (официально утверждённый папой Иннокентием III[21] в 1210 г.), чтобы постоянно иметь под рукой вооруженные крестоносные силы. Рыцари с отрядами солдат обходились епископу недёшево — им отходила треть всех завоёванных земель. С другой стороны, именно они, а не епископ, их завоёвывали…

К сожалению Альберта, убыль личного состава крестоносцев в борьбе с аборигенами была велика. Епископу приходилось каждый второй год ездить в Германию, чтобы уговаривать новых рыцарей вступать в "братство" ордена и надевать красивые белые плащи с изображением красного меча и креста[22]. Усиленно вербовал епископ и колонистов на свои земли, прежде всего в Ригу и другие строившиеся в Ливонии города, привлекая их богатством края и самоуправлением. Колонизация была кровавой, но развивалась поразительно успешно.

* * *

В 1201 г. немцы основали в устье Западной Двины крепость Ригу. В 1205 г., поднимаясь от Рижского залива по Двине и сжигая брошенные жителями города, крестоносцы подошли уже к полоцкой крепости Кокнесе в среднем течении реки. Правивший здесь князь Вячко (Вячеслав Борисович, внук смоленского князя Давыда Ростиславича) выехал к ним навстречу на одном корабле. "После рукопожатий и взаимных приветствий он тут же заключил… — сообщает немецкий свидетель событий, — прочный мир… По заключении мира, простившись со всеми, он радостно возвратился к себе"[23].

В следующем году епископ рижский Альберт, по словам его приближенного, "желая снискать дружбу и расположение Владимира (Всеславича. — *Авт.)*, короля Полоцкого, какие тот проявлял к его предшественнику, епископу Мейнарду, послал ему через аббата Теодериха боевого коня с вооружением, но по дороге литовцы-разбойники ограбили аббата. И он и спутники его потеряли все, что у них было, но сами остались здравы и невредимы и прибыли к королю. Вступив в город, они застали там ливов, тайно посланных их старейшинами, которые, стараясь склонить короля к изгнанию тевтонов (немцев. — *Авт.)* Ливонии, в льстивых и лживых словах сообщали ему все, что только могли коварно придумать или сказать против епископа и его людей. Они утверждали, что епископ с его сторонниками для них великая тягость, а бремя веры нестерпимо. Относясь к их словам

с излишней доверчивостью, король велел всем находящимся в его королевстве как можно скорее готовиться к походу, чтобы, взяв необходимое на дорогу, на корабле или на плотах из бревен по течению реки Двины быстро и удобно подойти к Риге".

Доброе пожелание князя Владимира Всеславича избавить своих языческих подданных от крестоносного ярма столкнулось с тем, что племена Ливонии вовсе не стремились помочь друг другу в освободительной войне с завоевателями. Часть племён устранилась от борьбы, думая пересидеть опасность в сторонке, а отдельные вожди рьяно служили новым немецким хозяевам. Один из них, лив Кауп, после поездки в Рим стал преданным псом епископа Альберта. Во главе крестоносного войска из немцев и враждебных ливам земгалов он сжег собственный замок Дабрел, "где были его родные и друзья, язычники", которых Кауп, как это в обычае у предателей, люто ненавидел.

В такой обстановке немцам, под прикрытием мирных переговоров с Полоцком, удалось внезапным броском взять ливскую крепость Гольм и обезглавить сопротивление ещё до подхода русской дружины. Отрубленная голова вождя повстанцев, старейшины Ако, была торжественно доставлена епископу Альберту. "Радуясь со всеми, кто оставался дома, епископ возблагодарил бога, даровавшего церкви своей спасение силами немногих защитников". Получив поддержку лишь части ливонских язычников, князь Полоцкий после 11-дневной осады не смог взять Гольм и пойти на Ригу. После ухода русских войск немцы устроили террор, а Альберт, "взяв заложниками сыновей лучших людей по всей Ливонии", принудил большинство племён к крещению. Партизанская война против немцев и таких предателей, как Кауп, у которого повстанцы уничтожили всё имущество и стада, продолжалась, но в целом дело свободы было проиграно.

В 1207 г. князь Вячко вынужден был приехать в Ригу и "добровольно" уступить епископу "половину своей земли и своего замка" Кокнесе на условии совместной обороны от набегов литвы. Безопасно подошедшие к крепости немцы прокрались в неё на рассвете, когда все еще спали, перевязали русскую дружину и доставили князя Вячко в Ригу. Епископ "с почетом принял его, подарил ему коней и много пар драгоценной одежды; во время праздника пасхи (6 апреля 1208 года) самым ласковым образом угощал его и всех его людей и, усыпив всякую вражду… с радостью отпустил его домой" — в сопровождении отряда немцев для закрепления замка за крестоносцами. В Кокнесе Вячко почти всех их перебил. Так и не дождавшись помощи из Полоцка, князь сжёг город и ушёл с дружиной на Русь. Не поддержавшие его

племена леттов и селов, которых Вячко защищал, были крестоносцами "преданы жестокой смерти", как "изменники". Убиты были и многие русские поселенцы в Подвинье.

В том же 1208 г. немцы захватили у селов их главную крепость Селспилс. Продолжая движение вверх по Двине, они в следующем году нежданно атаковали русский город Ерсике — политический центр южной Латгалии. Правивший здесь православный "король Всеволод… — как считали крестоносцы, — всегда был врагом христианского рода, а более всего латинян. Он был женат на дочери одного из наиболее могущественных литовцев (князя Даугерутэ. — *Авт.)* будучи, как зять его, для них почти своим, связанный с ними сверх того и дружбой, часто предводительствовал их войсками, облегчал им переправу через Двину и снабжал их съестными припасами, шли ли они на Русь, Ливонию или Эстонию".

Всеволод об этих обвинениях не знал и был захвачен врасплох. После беспорядочного боя князь прыгнул в лодку и спасся, переправившись через Двину, но его "королева была захвачена и представлена епископу с ее девушками, женщинами и всем имуществом. Тот день, — с обычным для крестоносцев бесстыдством хвастает автор немецкой хроники, — все войско оставалось в городе, собрало по всем его углам большую добычу, захватило одежду, серебро и пурпур, много скота, а из церквей колокола (в Ерсике было несколько православных храмов. — Авт.), иконы, прочее убранство, деньги и много добра, и все это увезли с собой, благословляя бога за то, что так внезапно он дал им победу над врагами и позволил без урона проникнуть в город. На следующий день, растащив все, приготовились к возвращению, а город подожгли… После этого епископ и все войско, разделив между собой добычу, с королевой и всеми пленными возвратились в свою область, а королю было предложено прийти в Ригу, если только он еще хочет заключить мир и получить пленных обратно".

Чтобы вырвать жену из лап разбойников, Всеволод вынужден был приехать в Ригу и принять самые унизительные условия, принеся "свое королевство в вечный дар церкви пресвятой Марии" и став вассалом епископа рижского. Полоцкий князь не признал этот "дар", тем более что крестоносцы уже довели порабощённых балтов "до нужной кондиции" и всю страну сотрясали восстания. К нападениям на владения епископа и ордена присоединились жители Готланда и отразившие нашествие завоевателей эсты. Не удивительно, что епископ Альберт поспешил послать в Полоцк посольство с просьбой о мире.

В 1210 г. именно в Ерсике состоялись переговоры русских с

епископом Альбертом. Стороны едва не взялись за оружие, но вдруг князь Владимир Полоцкий согласился на условия немцев и подписал "вечный мир". Его владения в Ливонии переходили крестоносцам, а Полоцк вместо этого получал от немцев ежегодную дань вместо той, что собирал прежде с Ливонии. Коварный Альберт признал полоцкого князя своим сюзереном, а главное — обещал русским купцам "свободный путь по Двине". Не удивительно, что к этому договору, как полагают исследователи, присоединился и Смоленск[24]. С помощью немцев русские купцы хотели восстановить перекрытое Литвой судоходство на Двине.

Уже в 1212 г., немного уладив свои проблемы, Альберт сделал вид, что никогда не признавал себя вассалом Полоцка, а лишь "иногда платил за ливов". В 1215 г. последняя русская крепость на Двине Ерсике была стёрта крестоносцами с лица земли. Правда, двинской торговый путь оставался для русских открытым. Возможно, поэтому Владимир Полоцкий и не спешил с карательным походом на крестопреступников. Собрав войска лишь через несколько лет после нарушения немцами договора, князь внезапно умер. Его ещё более нерешительные преемники довольствовались шатким миром с немцами, а те, в свою очередь, не трогали владений Полоцка и старались, по мере сил, защищать от лихих литовских набегов торговый путь по Двине.

"Странный мир" крестоносцев с Полоцким княжеством и Смоленском можно понять. У епископа Альберта было довольно хлопот с орденом и призванными им на помощь датчанами, не говоря уже о войнах с литовцами, эстами и покровительствовавшими последним русскими из Пскова и Новгорода. Уже один орден создавал ему огромную головную боль.

Меченосцы и Рига

Рыцарей, которым пришлось противостоять Александру Невскому, обычно называют меченосцами. Однако название "меченосцы" (gladiferi, ensiferi) — позднейшее, при жизни их ордена не употребительное. Ливонское братство воинов Христа (Fratres militiae Christi Livoniae), по-немецки — орден братьев меча (Schwertbruderorden), просуществовало недолго, всего 35 лет, с 1202 по 1237 г., когда официально превратилось в наместничество (ландмейстерство) Тевтонского ордена. Его возглавляли лишь два магистра: таинственно убитый братом-рыцарем Винно фон Рорбах (1202–1209) и павший в битве с литвой под Шауляем Волквин фон Винтерштайн (1209–1236).

Братство состояло из братьев-рыцарей, братьев-священников и "служащих братьев" из простонародья — простых воинов и работников, строивших и обслуживавших рыцарские замки, центры военных округов-командорий. Знатнейшие рыцари служили командорами и фогтами, управлявшими и судившими на завоёванных землях. Они составляли при магистре совет-капитул.

"Братьев-рыцарей" всегда было очень мало, несколько десятков, но за каждым из них, по немецкому обычаю, стояли сотни воинов (а не десятки, как, например, во Франции). По существу немецкий рыцарь у себя на родине, прежде всего на завоёванных славянских, венгерских или французских землях, был командиром сильного воинского отряда и начальником большого военного округа. Даже один брат мог совершить карательную экспедицию или начать строительство замка, которым орден закреплял завоёванные территории.

"Для кого завоёванные?" — таков был главный вопрос, отражавший изначально двойственную природу ордена братьев меча. Призванные в Ливонию епископом рижским, рыцари и священники, солдаты и работники ордена формально имели цель защитить в его лице католическую церковь среди буйных и, если верить самому Альберту фон Аппельдерну, упорных в своих заблуждениях язычников. Проще говоря, орден должен был служить епископу.

При этом в структуре ордена существовало своё священство. Он не хуже епископа мог представлять церковь, т. е. выступать субъектом католической экспансии под рукой папы римского. Однако на дворе стояли Средние века, и даже папа не мог отменить вассальные отношения, обозначающие, от кого феодал "держит" землю, т. е. кому он служит. Завоёванные земли жаловал братьям под управление епископ Альберт, считавший, что меченосцы служат ему и вроде бы не имеют "своей" земли, — несмотря на то, что они мигом построили собственную крепость Вейден.

В 1209 г., когда епископ выехал в Германию, конфликт из-за земельной собственности и подчинённости (что было в те времена одно и то же) крайне обострился. Брат-рыцарь из Вестфалии Викберт, по сообщению Рифмованной хроники Ливонии, отстранённый магистром от управления землями вокруг Вендена, пытался перейти на службу епископу, но был схвачен братьями и заточён. Возвращение Альберта вынудило братьев отпустить "повинившегося" Викберта в Ригу, где под присмотром епископа вынужден был жить и сам магистр Венно. Заманив магистра в свой дом, Викберт секирой, с которой

никогда не расставался, отрубил голову Венно и главному брату-священнику Иоанну.

Замок Венден (Цесис) — резиденция Верховных магистров Тевтонского ордена в Ливонии (Лифляндии)

Орден был буквально обезглавлен, но находившиеся в Риге братья лишь теснее сомкнули ряды. Они взялись за оружие, захватили Викберта в епископской капелле, где он искал спасения, "и, осудив гражданским судом… предали жестокой смерти", — сообщает хронист епископа Генрих Латвийский. Рыцарская Рифмованная хроника Ливонии уточняет, что Викберт был четвертован. А спешно избранный магистр Волквин возглавил борьбу за овладение орденом своей землёй.

Спор рассматривал не император, которому рыцари приносили вассальную присягу на владения в Германии и на завоёванных землях Франции, Венгрии, Италии и западных славян, а папа римский, как сюзерен епископа рижского. Современник событий монах Арнольд из Любека рассказал об этом так (в переводе С.А. Аннинского): "Братья говорили, что им принадлежит третья часть всех языческих земель, какие господин епископ сумеет приобрести либо словом проповеди, либо военной силой. Так как епископ решительно отказал им в этом, возник между ними тяжкий спор: рыцари много усилий употребили в курии римской, действуя против епископа, но он, тем не менее, подтвердил свое решение".

Если Арнольд ничего не напутал и Альберт временно победил, то не надолго. Уже 20 октября 1210 г. плачевной памяти вдохновитель крестоносной резни папа Иннокентий III издал буллу о разделе Ливонии, адресованную епископу рижскому и магистру Волквину. Булла высочайше утверждала существование ордена, подчинённого епископу лишь в лице магистра, а в массе его сочленов подчинённого лишь магистру.

Что это означало? Для людей XIII в. смысл буллы был вполне

ясен, а нашим современникам его можно объяснить на простом примере. Завоеванными немцами порубежными землями (например, на Эльбе) руководили воинственные графы и маркграфы. Первые передавали власть по наследству, вторые служили лишь назначаемыми чиновниками сюзерена. Магистр был вассалом епископа, но избирался независимыми от него братьями ордена, то есть положение Братства меча уподоблялось графству.

Соответственно, по воле папы за воинскую защиту епископства братья получали треть захваченных крестоносцами земель: "чтобы, следовательно, братья держали от рижского епископа третью часть тех земель, то есть Лэттии и Ливонии". Но они получили право на дальнейшие самостоятельные завоевания, делясь землями с их утверждёнными папой (в будущем) новыми епископами: "По землям, которые после того приобретут названные братья с помощью божьей вне Ливонии и Лэттии, они ни в чем не будут ответственны перед епископом рижским, и он ни в какой мере не будет их тревожить в этом отношении, а будут они договариваться разумным образом с будущими там епископами и соблюдать то, что апостольский престол сочтет нужным решить об этом".

Мечта Альберта фон Аппельдерна создать в Ливонии церковное княжество наподобие Майнцкого, Кёльнского или Трирского провалилась, хотя он так и не оставил своих претензий на полную власть. А братья-рыцари, как и хотелось папе, ещё энергичнее бросились на завоевание новых языческих земель, где тоже не получали бесконтрольной со стороны Рима власти, деля её (как и собственность) с епископами. Таким образом, при любой ситуации в выигрыше оказывался Рим.

* * *

Как только земли современных латышей были с грехом пополам поделены, братья-рыцари (при поддержке епископа Альберта!) в поисках "своих" новых земель ринулись на восток, во владения многочисленных и довольно воинственных эстов. Любопытно, что серьёзную поддержку немцам оказывали предки латышей, увидевших возможность отмстить соседям за старые обиды.

Но племена финно-угров, в отличие от балтов, оказалось сложнее расколоть и покорить. Тем более что за спиной у них стоял Господин Великий Новгород. Уже в 1209–1210 гг. новгородцы, вопреки традиции, предприняли масштабную акцию

крещения населения (скорее всего — знати) в южной Эстонии. Видимо, русские надеялись отнять у крестоносцев главный мотив "натиска на восток", ещё не понимая, что идея борьбы с язычеством была для крестоносцев лишь удобным предлогом для завоеваний. К тому же католики считали богомерзким всякое христианство, непокорное папе римскому. Если в 1204 г. они не моргнув глазом разорили центр православного мира — Константинополь — и разграбили храмы почти во всех европейских владениях Византии, то крещение эстов тем более не могло их остановить.

В 1211 г. крестоносцы штурмом взяли крепость Вильянди (переименовав её в Феллин) и залили кровью эстонскую область Саккала. В ответ против них поднялось множество племён. Пока немцы вели с ними тяжёлые бои, в 1212 г. Новгород при поддержке Пскова двинул в землю эстов сильную армию под командованием Мстислава Удатного — по словам немецкого хрониста, она насчитывала 15 тысяч воинов[25]. Русские повоевали землю эстов до самого моря и восстановили подданство местного населения Новгороду.

Такой простой и внятный аргумент, как меч, сильно затормозил продвижение крестоносцев, действовавших в Эстонии грабительскими набегами. В 1216 г., когда эсты умоляли князя Владимира Полоцкого двинуться на Ригу, псковичи прислали войско в захваченную немцами землю Уганда со стольным градом Отепяа и восстановили здесь своё налогообложение. В ответ, как только русские ушли, немцы построили здесь замок. На этот раз вся Эстония, включая даже жителей острова Сааремаа, откликнулась на призыв русских глашатаев к освобождению Отепяа.

В 1217 г. под городом развернулись ожесточённые бои новгородских, псковских и эстонских воинов с крестоносцами. Через 20 дней братья-рыцари капитулировали и покинули замок, заключив с Новгородом мир. Ободренные победой эсты под водительством князя Лембиту попытались освободить и город Вильянди в земле Саккала. Но их 6-тысячное войско было истреблено 3-тысячным отрядом магистра Волквина, сопровождаемым толпами ливов и латталов.

Новгородцы под командой князя Всеволода Мстиславича, псковичи и эсты выставили 16 тысяч воинов для взятия крепости Венден — немецкого форпоста в Восточной Эстонии. Они сокрушили передовые отряды рыцарей, но после двухнедельной осады вынуждены были отступить. И русские, и немцы чувствовали, что в войне наступило равновесие сил.

В 1219 г. епископ Альберт и братья ордена решительно его

нарушили, призвав на северные земли эстов датчан. Захватив крепость эстов Линданисе, они назвали её Ревель (современный Таллинн). С этой базы войска датского короля Вальдемара в 1220 г. захватили почти весь север Эстонии и… столкнулись с немцами. Потомки викингов действовали решительно. Язычников они крестили, а тех, кто уже принял крещение у Братьев меча, перекрещивали, считая факт принятия христианства актом признания подданства. Немцы не сдавались и где могли — перекрещивали эстов вновь. Датчане таких выкрестов ловили и вешали как государственных преступников[26].

К моменту рождения княжича Александра в 1221 г. Альберт жестоко пожалел о выходке с призванием датчан. Король Вальдемар (помимо прочего — сюзерен части Померании и о. Рюген) попросту запретил гражданам Любека возить людей и товары в Ригу. Скрепя сердце, епископ признал датского короля сюзереном всей Ливонии и Эстонии. А тот "даровал" часть земли, которую предстояло завоевать, только Братьям меча! (В Риге по этому поводу даже случился бунт, который братья-рыцари безжалостно подавилию.)

Интересно, что в том же 1221 г. в прибалтийские события вмешался дядя Александра, владимиро-суздальский великий князь Юрий Всеволодович. Он направил в Новгород княжить своего сына Всеволода[27]и войско под предводительством брата — Святослава Всеволодовича. Русские решительно двинулись на Венден, выжгли городские посады, даже разорили (в союзе с литовцами) окрестности Риги, и ушли восвояси с немалой добычей. В отместку немцы совершили набег в принадлежавшую Новгороду область Ингрию.

В 1222 г. Прибалтика обратила на себя внимание ещё более знаменитого государя — императора Священной Римской империи германской нации Фридриха II Штауфена. Утомлённый бесчисленными жалобами епископа Альберта на датчан, просвещённый государь жалует "право" на земли к востоку от Ливонии… ордену, как своему (а не папскому) вассалу[28]. Этот небольшой, казалось бы, штрих в процессе "натиска на восток", как отдалённый раскат грома, предупреждает о надвигающейся грозе: жесточайшей войне императора и папы друг против друга.

Действия русских в 1223 г. — в год трагичной для нас битвы на Калке — показывают православного великого князя Владимиро-Суздальского как вполне возможного союзника императора. Почти год эсты, поднявшие всеобщее восстание против захватчиков, с помощью денег и даров пытались "призвать королей русских на помощь против тевтонов и всех латинян". Юрий Всеволодович на этот раз послал в бой своего лучшего

полководца — Ярослава Всеволодовича, отца Александра, которого новгородцы призвали на "стол"[29]. С "низовыми" (великокняжескими, — "низом" новгородцы называли земли ниже их владений по течению р. Волги), новгородскими и псковскими полками тот занял в Эстонии города Юрьев и Отепяа, а затем, к изумлению позднейших историков, двинулся не на ослабленную распрями немецкую Ригу, а на полный датскими войсками Ревель!

Даже с 20 тысячами воинов, не считая отрядов эстов, с баллистами и прочим осадным снаряжением князь Ярослав за месяц осады не преуспел в штурме крепости. Разорив датские владения, он ушёл. В результате датский король отказался от своих прав на южную Эстонию и "вернул" их немцам, с условием совместной борьбы против русских и язычников[30].

Александру Ярославичу было три года, и он ещё находился "под юбкой" матери, живя в женском тереме Переяславльского дворца, когда положение в Прибалтике угрожающе изменилось.

Устрашённые всеобщим восстанием финно-угорских племён, немецкие и датские крестоносцы примирились. Епископ Альберт пошёл на компромисс с магистром Волквином[31]и смог выехать на Риги, чтобы набрать в Германии большое войско "пилигримов". В 1224 г. объединённое немецкое войско с многочисленными отрядами порабощённых ливов вторглось в подданные Руси земли эстов.

Подвиг и предательство: оборона Юрьева

Основной удар крестоносцев был нацелен на основанный Ярославом Мудрым в 1030 г. Юрьев (переименованный немцами в Дорпат или Дерпт, а позже эстонцами — в Тарту). Этот старинный центр новгородской власти в землях эстов управлялся уже знакомым нам князем Вячеславом Борисовичем — из смоленских Рюриковичей.

Потеряв в 1208 г. Кокнес в землях ливов, но отмстив коварному епископу, этот небогатый и не обременённый значительной дружиной князь, которого новгородский летописец и германский хронист уменьшительно именуют Вячко (как простого горожанина), служил теперь Великому Новгороду.

Немецкие шпионы знали, что Новгородская республика, сочтя усиление власти владимиро-суздальских князей слишком большой ценой за владение подданными ей землями эстов, наняла для их обороны подчёркнуто не влиятельного князя. В противном случае "низовые" князья могли столкнуться здесь со

смоленскими или черниговскими (как уже бывало), и защита эстов обошлась бы Новгороду ещё дороже!

"После того (похода князя Ярослава на Ревель. — *Авт.),* — пишет немецкий свидетель событий, — новгородцы послали короля Вячко, некогда перебившего людей епископа рижского в Кукенойсе, дали ему денег и двести человек с собой, поручив господство в Дорпате и других областях, какие он сумеет подчинить себе. И явился этот король с людьми своими в Дорпат, и приняли его жители замка с радостью, чтобы стать сильнее в борьбе против тевтонов, и отдали ему подати с окружающих областей".

Подняв финно-угров на освободительную борьбу, Вячко энергично поражал крестоносцев всюду, где бы они не появились. По словам немецкого хрониста, русский князь "был ловушкой и великим искусителем для… эстов", — ведь он вновь нёс им свободу! Вскоре под его властью оказались области Уганди, Вайга, Вирумаа, Ярвамаа и Саккала, т. е. большая часть племён эстов. Вторгнувшиеся в эстонские земли отряды лэттов и ливов были разбиты. 14 апреля 1224 г. на Юрьев внезапно налетели рыцари ордена, но после 5-дневной осады вынуждены были ретироваться.

Интересно читать, как хронист, многословно прославлявший грабежи и убийства, чинимые крестоносцами, обличает князя Вячко и эстонских повстанцев: "И отправили епископы послов к королю в Дорпат, прося отступиться от тех мятежников, что были в замке (отбитом у крестоносцев. — *Авт.*), так как они оскорбили таинство крещения; бросив веру христову, вернулись к язычеству; братьев-рыцарей, собратьев и господ своих, одних перебили, других взяли в плен и таким образом вовсе извели в своих пределах, а все соседние области, перешедшие в веру христову, ежедневно грабили и опустошали".

"И не захотел, — с гневом пишет хронист о храбром Вячко, — король отступиться от них, так как, давши ему этот замок с прилегающими землями в вечное владение, новгородцы и русские короли обещали избавить его от нападений тевтонов. И собрались в тот замок к королю все злодеи из соседних областей и Саккалы, изменники, братоубийцы, убийцы братьев-рыцарей и купцов, зачинщики злых замыслов против церкви ливонской".

Удар на Юрьев епископ Альберт подготовил очень хорошо. Он договорился с датским королём (как раз попавшим в плен в Саксонии) и помог датчанам в Прибалтике, а ордену предложил треть завоёванных земель эстов (оставляя треть себе, а треть — новому епископу Эстонии, которым стал… его брат Герман). Но главное, о чём прямо нигде не говорилось, Альберт сделал ставку

на нейтралитет Руси в лице властей Великого Новгорода.

Сама Новгородская республика вовсе не хотела воевать, т. к. для этого привыкла использовать войска не слишком любимых ею князей, и, одновременно с посылкой Вячко в Юрьев, направила мирное посольство в Ригу. О результатах этого посольства, в котором, по словам немецкого хрониста, принимали участие представители "королей русских", источники не сообщают, но факт налицо: республика и князья не поспешили помочь Вячко против объединённого похода крестоносцев.

15 августа 1224 г. войска ордена, епископа рижского и целая свора жадных до добычи "пилигримов" осадили Юрьев. Их сопровождали толпы не слишком храбрых, но взявших у своих новых хозяев уроки жестокости ливов и лэтов. Немецкий хронист Генрих рассказывает об этих событиях настолько подробно и, в общем-то, без прикрас, что не грех процитировать его рассказ полностью. Он прекрасно передаёт дух той далёкой эпохи.

"Итак, — писал Генрих не более чем через год после событий, — поля покрылись шатрами, началась осада замка. Стали строить малые осадные машины и патерэллы (большие камнемёты. — *Авт.*), наготовили множество военных орудий, подняли крепкую осадную башню из бревен, которую восемь дней искусно строили из крупных и высоких деревьев в уровень с замком, затем надвинули поверх рва, а внизу тотчас начали вести подкоп. Для рытья земли днем и ночью отрядили половину войска, так чтобы одни рыли, а другие выносили осыпающуюся землю.

Поэтому с наступлением утра значительная часть подкопанного обрушилась с вала, и вскоре можно было продвинуть осадную башню ближе к замку. Между тем к королю (Вячко. — Ав*т.)* посылали для переговоров знатных людей, священников и рыцарей. Ему предлагали свободный путь для выхода с его людьми, конями и имуществом, лишь бы он ушел из замка и оставил этот народ отступников. Но король, в ожидании помощи от новгородцев, упорно отказывался покинуть замок.

В это время пришли русские разорять область; слухи об этом распространились по шатрам. Тотчас явились в полной готовности тевтоны, желавшие с ними сразиться, и выступили в поле, оставивши других осаждать замок, но так как русских не оказалось (наши дружины на самом деле так и не выступили из Пскова. — Ав*т.),* они снова вернулись к осаде замка.

Многих на верху вала ранили стрелами из баллист, других перебили камнями метательных орудий, бросали в замок из патерэллов железо с огнем и огненные горшки. Одни готовили орудия, называемые ежом и свиньей, другие складывали костры

из бревен, третьи подкладывали огонь, наводя всем этим великий страх на осажденных. И бились так много дней.

Точно также и бывшие в замке построили свои машины и патерэллы против христианских орудий, а против стрел христиан направили своих лучников и балистариев. Подкоп велся день и ночь без отдыха, и башня все более приближалась к замку.

Не было отдыха усталым. Днем бились, ночью устраивали игры с криками: ливы и лэтты кричали, ударяя мечами о щиты; тевтоны били в литавры, играли на дудках и других музыкальных инструментах; русские играли на своих инструментах и кричали; все ночи проходили без сна.

И собрались вновь все христиане, ища совета у бога. Были среди них вождь Фридрих, и вождь Фредегельм, и судья пилигримов, человек знатный и богатый, который говорил: "Надо взять этот замок приступом, с бою, и отомстить злодеям на страх другим. Ведь во всех замках, доныне взятых ливонским войском, осажденные всегда получали жизнь и свободу: оттого другие и вовсе перестали бояться (это неправда — согласно хронике, крестоносцы нередко вырезали даже стариков, женщин и детей. — *Авт.)*. Так теперь, мы всякого, кто из наших первый взберется на вал и вступит в замок, превознесем великими почестями, дадим ему лучших коней и лучшего пленника из взятых в замке, за исключением короля, которого вознесем надо всеми, повесив на самом высоком дереве".

Эта мысль веем понравилась, люди стали приносить обеты господу и пресвятой деве, и тотчас по наступлении утра, после торжественной мессы, началась битва. Стали подносить бревна, но весь труд был напрасен, так как не пришло еще время возмездию божьему. В девятом часу эсты в замке зажгли большие огни, открыли широкое отверстие в вале и стали через него скатывать вниз колеса, полные огня, направляя их на башню и подбрасывая сверху кучи дров. Но сильные христианские воины в доспехах разбросали огонь, разломали колеса, сбили силу пламени и защитили свою башню. Между тем другие нанесли дров и подожгли мост, а русские все сбежались к воротам для отпора.

Иоанн из Аппельдерина, брат епископа, славный рыцарь, взяв факел в руку, первый стал подниматься на вал. Вторым за ним тотчас пошел его слуга Петр, и они без всякого промедления сразу добрались до самого верха вала. Увидев это, и другие в войске побежали вслед за ними.

Что же сказать дальше? Каждый спешил взойти первым ради вящей славы и чести Иисуса Христа и матери его Марии, а также, чтобы и самому получить честь и награду за свой подвиг. И

взошел кто-то первый, а кому это удалось, не знаю, знает бог; за ним последовала вся масса.

Каждый помогал товарищу подняться в замок, а иные проникли в отверстие, через которое осажденные катили колеса с огнем; вошедшие первыми приготовляли место следующим, гоня эстов мечами и копьями с вала. Когда уже много тевтонов вошло в замок, за ними двинулись лэтты и некоторые из ливов.

И тотчас стали избивать народ, и мужчин и даже некоторых женщин, не щадя никого, так что число убитых доходило уже до тысячи. Русские, оборонявшиеся дольше всего, наконец, были побеждены и побежали сверху внутрь укрепления; их вытащили оттуда и перебили, всего вместе с королем около двухсот человек.

Другие же из войска, окружив замок со всех сторон, не давали никому бежать. Всякий, кто, выйдя из замка, пытался пробраться наружу, попадал в их руки. Таким образом, изо всех бывших в замке мужчин остался в живых только один — вассал великого короля суздальского (Юрия Всеволодовича. — *Авт.),* посланный своим господином вместе с другими русскими в этот замок. Братья-рыцари снабдили его потом одеждой и отправили на хорошем коне домой в Новгород и Суздаль сообщить о происшедшем его господам.

Когда все мужчины были перебиты, началось у христиан великое торжество; били в литавры, играли на свирелях и других музыкальных инструментах, потому что отомстили наконец злодеям и истребили всех вероломных, собравшихся туда из Ливонии (т. е. повстанцы шли к князю Вячко со всех завоёванных крестоносцами земель. — *Авт.)* и Эстонии.

После того собрали оружие русских, одежду, коней и всю добычу, бывшую в замке, а также оставшихся еще в живых женщин и детей, подожгли замок и на следующий день с великой радостью пошли назад в Ливонию, славя бога на небе за дарованную победу, ибо благ он и милостив во веки.

Новгородцы же пришли было во Псков с многочисленным войском, собираясь освобождать замок от тевтонской осады, но услышав, что замок уже взят, а их люди перебиты, с большим горем и негодованием возвратились в свой город"[32].

Последнее сообщение сильно преувеличено. Новгород и его младший союзник Псков не собирались начинать большую войну с крестоносцами. Для войны они неизменно приглашали профессиональные войска князей. Ведь оплата дружинников обходилась городским республикам много дешевле, чем кровь своих воинов во главе со своими же боярами. Владимиро-сузальское летописание ничего о подготовке к войне не сообщает. Новгородский летописец отметил коротко: "В лето 6732 (1224).

Пришёл князь Всеволод Юрьевич в Новгород. Того же лета убили князя Вячка немцы в Юрьеве, а город взяли"[33].

Зато послы Новгорода и Пскова были наготове. В том же году они заключили мир с немцами, сдав им всю Эстонию, но оговорив возвращение себе права собирать дань в части Ливонии, Талаве. Крестоносцы с правом завоевателей учинили в Юрьеве епископство для Германа, брата Альберта, и стали энергично покрывать страну своими замками, продержавшимися более 300 лет.

* * *

"Уступка" городскими республиками большей части Прибалтики на время умиротворила крестоносцев, занятых любимым ими делом усмирения и онемечивания язычников. Но "золотые пояса", руководившие политикой Новгорода и Пскова, допустили к границам русских земель крайне опасного соседа, понимавшего лишь один аргумент — острый меч.

На западных, крайне далёких от тихого Переяславля рубежах Руси обстановка, вследствие княжеских и боярских усобиц, была столь же неустойчивой. Поляки, венгры, чехи и даже немцы участвовали в грабежах, которые вели в ходе борьбы между собою русские власти. Ни один западный сосед не мог оспорить силу западнорусских княжеств, но все они отхватывали себе добычу на востоке как союзники, родственники и "друзья" самих русских!

Когда Александр Невский сядет на боевого коня, проблемы Западной Руси придётся решать его столь же молодому современнику — князю Даниилу Романовичу Галицкому. Александр увидит, кто стоит за объединёнными усилиями западных рыцарей, поднимет меч за православную веру и станет святым спасителем Руси. Даниил, в надежде на "помощь Запада", примет королевскую корону от католиков и потеряет своё государство — самые богатые и цветущие земли Руси, которые будут разодраны на части и поделены соседями.

Корни исторического решения не покоряться папству, которое принял князь Александр, лежали, конечно, в его воспитании, начатом с самого малолетства матерью, продолженном духовными наставниками, отцом и его боевыми товарищами. Вы скажете, что в 1220-х г. вера у обоих юных княжичей Даниила и Александра была одна. Это так. Но если Западная Русь не делала различий между союзниками, то Восточная выдвигала на первый план домашние, семейные и родственные связи.

Глава 3. ВОСПИТАНИЕ

Образованная, как и все Мстиславны, княгиня Феодосия-Ростислава оказала большое влияние на развитие своих детей, особенно первенцев, Фёдора и Александра, прославленных среди русских святых.

Как примерная жена, княгиня всюду, кроме военных походов, следовала за мужем туда, куда звали его государственные дела. Зимой 1222/23 г. новгородцы чем-то обидели сына великого князя Юрия, ещё недавно, когда они просили владимиро-суздальское войско для защиты русских владений в Эстонии, принятого ими ласково (особенно после того, как новый князь "владыку и всех мужей одарил без числа"). Не говоря ему, как обычно делали: "не хотим тебя; пойди, куда хочешь", буйные и вольнолюбивые хозяева городской республики напугали Всеволода Юрьевича так, что он "побежал в ночь, утаившись, из Новгорода, со всем двором своим".

Сделав вид, что они здесь ни при чём, знатные новгородцы послали старейших мужей во Владимир к великому князю Юрию: "Если тебе не угодно держать Новагорода сыном, то дай нам брага". Так они и заполучили себе воинственного Ярослава Всеволодовича, прибывшего в Новгороде семьёй и великокняжескими "низовыми" полками.

Очевидно, княгиня знала, что Ярослав призван на север именно для большого военного похода. Едва она с мужем и сыновьями, Фёдором и Александром, прибыла в Новгород, супруг повёл заранее собиравшиеся войска "низа", Новгорода и Пскова на войну с крестоносцами. Датского Ревеля, как мы помним, князь не взял, но счастливо вернулся без потерь (как говорит летопись, "пришли все здравы"), "привёл полона без числа" и добыл "злата много".

Мужчины-воины тогда украшений почти не носили, зато любимых одаривали ими щедро. Украшения русских княгинь, боярынь и знатных горожанок времён детства Александра Невского были, без всякого сомнения, самыми красивыми и богатыми в Европе![34]Глядя на современные музейные коллекции, можно смело сказать, что убранству высокопоставленных русских женщин могли завидовать дамы, а также короли и императоры континента.

Мы не знаем, принадлежало ли Ростиславе Мстиславне что-то из сохранившихся доныне украшений из золота, серебра и драгоценных камений, из золотого шитья и нарядов. Но княгиня, безусловно, должна была выделяться роскошью нарядов и

украшений даже на фоне первых дам Руси того времени. Именно этим семья показывала высоту своей власти, умения и вкус жены, государственные и воинские таланты мужа. Ведь сам Ярослав, кроме обычного золотого воинского пояса, красиво расшитой шёлковой одежды и богатого, но неуместного в мирной жизни вооружения, ничем особенным не мог взгляда современников поразить!

Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском

Однако семейству Ярослава в Новгороде жить не захотелось. Как сообщает новгородская летопись, по возвращении из эстонского похода "пошёл князь Ярослав с княгинею и с детьми (к) Переяславлю. Новгородцы же кланялись ему: "Не ходи, княже"; он же пошёл по своей воле" домой, оставив новгородское княжение своему племяннику Всеволоду Юрьевичу[35].

Именно в Переяславле Александр воспитывался матерью (что вовсе не исключало влияния отца) до 5 лет, когда княжич был, по традиции, передан в руки наставника-"дядьки" для обучения боевым искусствам. С мамой Александр познавал душу своего народа, слушая исторические сказания, фантастические сказки о неизменной победе добра над злом и былины о могучих защитниках Святорусской земли — богатырях. Былины о богатырях, державших на границах Руси заставы от всяких супостатов, в человеческом или демоническом образе (Змеев Горынычей, Соловьёв-разбойников и прочих чудо-юдов), были настолько популярны в княжеской и дружинной среде, что ещё за столетие до рождения Александра попали в русскую летопись.

Исходно единая, эта летопись, на которой основывались первоначальные знания властителей Руси о мире, месте в нём своей страны и князей, к рождению Александра имела множество разных продолжений, выражавших собственные "истории" отдельных княжеств и земель. Но главная идея всего русского

летописания оставалась одна: Русь — единая православная держава, все народы, составившие её, — братья, а каждый, кто посягает на единство Руси — братоубийца и крестопреступник.

Как могла столь сильная и даже опасная для вечно враждующих князей идея выстоять в условиях глубокой раздробленности Руси? Только благодаря Русской православной церкви, сохранявшей единство в любых условиях. Именно Церковь давала книжникам и летописцам убежище за стенами своих монастырей и храмов. Именно она, не без помощи отдельных просвещённых князей и бояр, веками насаждала "книжное учение", давая людям возможность взглянуть на сиюминутную вражду городов и земель с высоты общей для Руси истории. И именно православные монахи стали первыми, самыми прославленными русскими летописцами.

Русское летописание и книжность

Историческая память древних славян, в том числе наших предков, поселившихся на Восточноевропейской равнине, восходила к древним временам великого расселения индоевропейских народов на рубеже III и II тысячелетий до н. э. В русских народных сказаниях смутно отразились даже элементы более ранней эпохи охотников и собирателей каменного века. Однако первые учёные книжники, писавшие в XI в. (с помощью созданной для славян святым Кириллом в IX в. письменности) о происхождении славянских народов и образовании у них государств, в том числе Древнерусского государства, имели крайне мало записей о том, что происходило относительно недавно — до крещения Руси святым Владимиром в конце X в.

Из старинных преданий в первые летописи, рассказывающие о событиях по годам ("летам"), попали представления о расселении, этническом и культурном родстве всех вообще славян, о состоянии их крупных племенных объединений в V–IX вв., о языческой вере и обычаях восточных союзов племён (например, об "игрищах" между селами, на которых юноши и девушки выбирали себе суженых).

Предания об племенных союзах и городах, построенных восточными славянами вместе с финно-угорскими народами, об их контроле над водным путем между Черным и Балтийским морями, были рассказаны в летописи в связи с легендами об образовании Древнерусского государства призванной "из-за моря" династией Рюриковичей: князей, правивших Русью во времена Александра Невского.

Необходимейший с точки зрения летописца процесс государственного строительства на Руси был мотивирован в летописи рассказами о появлении государственности у западных и южных славян, о раздорах среди племён Восточноевропейской равнины, об их грабеже хазарами с юго-востока и скандинавами с северо-запада. Не забыл летописец указать на возможность в результате объединения Руси занять достойное место экономического и политического партнёра Византии.

Необходимым завершением складывания Древнерусского государства летописцы считали "завоевание" у Византии Владимиром Святым православной веры — наряду с политическим признанием империей великого княжения на Руси. Следствием "просвещения" верой было в глазах летописцев просвещение Руси книжными знаниями, особенно в эпоху Ярослава Мудрого. Этот процесс, начатый на Балканах "преложением" (переводом) книг с греческого на славянский язык, был рассмотрен в летописи как важнейший — параллельно с процессом образования Древнерусского государства.

Помимо знаний, полученных из рассказов знатоков истории при княжеском дворе и среди духовенства, составитель Начальной летописи в конце XI в. использовал записи о важных политических, экономических и культурных событиях, сделанные его предшественниками по годам, реже — с указанием месяца и числа или праздников по христианскому календарю, солнечных и лунных "кругов", индикта, иногда даже времени суток.

Такие повременные записи о лично виденном или услышанном упорно продолжались книжниками русских городов и монастырей до XVIII в., а в ряде мест и позже. Объективная форма записей "без гнева и пристрастия" скрывала собственный взгляд автора на события" маскировала оценку их причин и участников в зависимости от исторической концепции" политического заказа и местных пристрастий.

На самом же деле летописцы никогда не были ни лично объективны, ни удалены от политики. Уже в древнейшем летописании столкнулись претензии на первенство между Новгородом и Киевом. По мере усиления раздробленности Руси летописцы все ярче выражали взгляд каждый из своего "стольного града". Но не утратили силу общие идеи, которые позволяли книжникам составлять разные летописи в монументальные общерусские произведения: своды.

Своды включают, помимо целых летописей и летописных статей, массу вписанных по годам литературных произведений: жития канонизированных в XI в. княгини Ольги и князя Владимира, князей Бориса и Глеба и др. русских святых,

церковные (например, о начале Киево-Печерского монастыря) и светские повести (о начале Русской земли, о племени полян, о восстании 1068 г. в Киеве, об ослеплении князя Василька и др.). В текст органично вписывались документы, вроде древнейших договоров Руси с Византией, и народные сказания (о богатыре Кожемяке, белгородском киселе и пр.).

Хотя составляли своды чаще всего учёные монахи, увлекательный и остроумный рассказ был ориентирован на самого разного читателя и ещё более широкого слушателя. Маленьким княжичам Фёдору и Александру Ярославичам летописный свод, включавший исторические знания, необходимые для князей, скорее всего, читала матушка. Но и взрослые люди любили слушать чтение специальных учёных чтецов, умевших разъяснить непонятные места (для этого в Древней Руси существовали специальные руководства по разбору слов и подбору синонимов).

Читали летописные своды князья династии Рюриковичей, которых летописцы прославляли, не забывая наставлять оставить ссоры и служить Русской земле. Сочинения великих князей Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха даже вошли в летопись. Читали бояре и дружинники, зажиточные горожане и просвещённые деятели Церкви. Мы это знаем потому, что они заказывали себе списки сводов (это переписчик отмечал в рукописи), а временами сами переписывали и дополняли их. При этом Церковь воздействовала на процесс летописания не меньше светских властей.

"Слово о законе и благодати" первого русского митрополита Илариона, обращённое к великому князю Ярославу Мудрому в середине XI в., стало краеугольным камнем русского православия и национальной исторической концепции. Она соединила христианство, которое русские приняли позже многих народов, и династическую легенду якобы "призванных" князей с гордостью за Русскую землю, верой в её великую миссию.

Выступив со "Словом" в храме Софии Киевской, Иларион с помощью авторитета Священного писания обосновал идею, что для новой веры потребны новые люди: они превзойдут старые народы в служении Богу, который не зря "спас и в разум истинный привел" россиян. Предрекая русскому народу великую миссию, митрополит восславил Владимира — наследника великих князей, которые "не в худой и не в неведомой земле владычествовали, но в Русской, которая ведома и слышима во все концы земли". Не греки крестили Русь, утверждал Иларион, но славный князь Владимир, не уступающий равноапостольному императору Константину Великому. "Только от благого помысла

и остроумия" принял христианство могучий князь, открыв новую страницу мировой истории, на которой русские являются "новыми людьми", избранным Богом народом.

Колокола у Софийской звонницы

Ярослав Мудрый с полным правом бросил вызов церковному господству Византии, поставив в митрополиты русского священника Илариона вместо греческих монахов, проводивших политику приобщения варваров к империи. Великий князь Ярослав в корне изменил ситуацию, когда при его поддержке Антоний Любечанин положил начало русскому монашеству.

В основанном Антонием Киево-Печерском монастыре в начале XII в. была создана Повесть временных лет — свод летописей с древности до 1110 г., ставший основой почти всех последующих сводов. Составитель Повести временных лет (до последнего времени полагали, что это был монах Нестор, написавший житие Феодосия Печерского) дополнил Начальную летопись сведениями о разных народах из славянского перевода византийской Хроники Георгия Амартола, указав место славян и русских среди потомков Ноя и описав византийский поход князей Аскольда и Дира. Славянский источник дал ему основание изложить библейские события от Сотворения мира, а перевод жития Василия Нового — сведения о походе на Царьград князя Игоря. В рассказе об одолевшем Византию Олеге Вещем монах-летописец припомнил даже предсказавшего его смерть языческого волхва.

Повесть временных лет прославила князей, совершавших лихие набеги на христианскую империю, скорбя о поражениях язычников и превознося правоту сражавшего "греков" Святослава не меньше, чем хитроумие его крещёной матери Ольги, поставившей на место заносчивого императора. Святослав, воитель за ещё языческую Русь, был с любовью описан как

воплощение воинской славы: "Не посрамим земли Русские, но ляжем костьми, мертвые бо срама не имам!" — восклицает он, сражаясь хоть и в бесполезном для Руси походе, но исключительно с внешними врагами. Составитель Повести с гордостью привел заключённые в результате походов Олега и Игоря договоры Руси с Византией, изложил жития построившей единое Древнерусское государство княгини Ольги и успешно воевавшего с греками князя Владимира, только что канонизированных русским духовенством.

Взгляд на историю с позиции единого государства, разодранного князьями на части лишь через столетие после смерти святой равноапостольной княгини Ольги, породил резкое осуждение князей, вступавших в союз с иноземцами в раздиравших Русь усобицах. Уже Повесть временных лет, доработанная игуменом Киевского Выдубицкого монастыря Сильвестром в 1116 г., с огромной убедительностью (фактами страшных разорений при усобицах и блистательных побед при единстве) мотивировала призыв к князьям жить между собой в мире и вместе защищать страну от врагов так, как будто она не разделена на множество самостоятельных, даже враждебных княжеств.

Осуждение княжеской идеи, что "это моё, и это тоже моё", утверждение единства Руси во враждебном мире, странно звучало в условиях её реального разделения в феодальной Европе, когда русские князья часто ощущали себя "братьями" между собой не более, чем с половецкими ханами, польскими герцогами и венгерскими королями. Призыв лучше погибнуть, как святые Борис и Глеб, чем сразиться за власть с соперниками, выглядел и вовсе утопично.

Тем не менее, летописцы, при усилении раздробленности Руси занимавшие всё более частные политические позиции в описании современных событий, упорно хранили общее ядро русской истории, переписывая в начале своих текстов Повесть временных лет и продолжавшие ее своды. "Зачем губим Русскую землю?" — звучат вопрос в Лаврентьевской летописи (рукопись 1377 г.), включившей после Повести временных лет Владимиро-Суздальское летописание XII–XIII вв. Звучал он и в Ипатьевской летописи (XV в.), где Повесть продолжили летописи Киевская (XII в.) и Галицко-Волынская (XIII в.).

Замечательной особенностью последней, столетиями дополнявшейся лихими галицкими воинами и гражданами, было огромное внимание к людям, их характерам и драмам. Здесь мы видим любовь, которая может заставить князя бросить престат. Здесь помещён рассказ о половецком певце, воскликнувшем,

получив с родины траву "евшан": "Лучше на своей земле костьми лечь, нежели на чужой славным быть!" Реальную жизнь людей на Руси раскрывали и другие летописи и вошедшие в историю литературные памятники.

Крупнейшим летописным центром был Великий Новгород, прославленный пятью Новгородскими, двумя Софийскими, Карамзинской и другими летописями, включающими в себя на самом деле огромные своды. В издревле вольном городе летописи писали при дворе архиепископа и в Юрьевом монастыре; в церкви Святого Якова на Добрыниной улице трудились летописцы священник Герман Воята и пономарь Тимофей (он написал также "Лобковский пролог" — сборник сказаний и житий).

Полагают, что древнейшую новгородскую летопись заказал посадник Остромир, для которого было написано и знаменитое красотой Остромирово Евангелие. Лаконичное по форме и чрезвычайно детальное по политико-экономическому содержанию новгородское летописание, хотя и учитывало другие русские летописи, до самого XVII в. велось особняком, с позиции граждан, считавших свой город самым древним и славным "отцом" Руси, а на знаменах писавших: "Кто на Бога и Великий Новгород"!

Основными заказчиками летописей в Чернигове, Ростове, Переяславе Южном и Переяславле-Залесском, Смоленске и Новгороде-Северском были князья и воеводы. Писали их монахи и священнослужители, нарочитые мужи, иногда сами бояре, не чуждые литературного вкуса.

В дружинной среде было создано "Слово о полку Игореве" — одна из величайших героических поэм рыцарских времен. "Поучение" сыновьям Владимира Мономаха раскрывало взгляд на мир с престола княжеского, а "Слово" и "Моление" Даниила Заточника — с позиции человека служилого, который из ссылки объяснял князю: "храброго быстро добудешь, а умный дорог!" Ряд историков полагает, что опустившийся дружинник Даниил творил именно при дворе Ярослава, где росли княжичи Фёдор и Александр, веселя всех своим вечным недовольством: "Кому Переяславль — а мне Гореславль".

Нищий, но честолюбивый Даниил хотел быть в чести именно у князя, понося его бояр: "Конь тучный как враг храпит на господина своего, так и боярин богатый и сильный умышляет на князя зло". Лучше мне, обращался к князю Заточник, "ногу свою видеть в лапте в доме твоём, нежели в сафьянном сапоге в боярском доме". Упоминал Даниил и о бытовых условиях, в которых рос княжич Александр: "Когда веселишься многими яствами, обо мне вспомни, сухой хлеб едящем; или пьёшь сладкое питие (тогда любили подавать на стол простой и хмельной

медовый напиток или сладкое заморское вино. — *Авт.),* а меня вспомни, теплую воду пьющего от места незаветренного; когда лежишь на мягкой постели под собольими одеялами, меня вспомни, под одним платком лежащего и зимой умирающего".

Судя по сетованиям Даниила, на Руси XIII в., как и в Западной Европе, романтика воинских подвигов, проповедуемая в вошедших в моду романах (один из которых, о византийском пограничном воине Дигенисе Акрите, был особенно популярен в среде князя Александра), в реальной жизни была не в чести. Куда важнее было богатство. Чтобы выйти из нищеты, насмешливо пишет Заточник, ему остаётся разве что жениться на злой и безобразной, но богатой женщине.

Сарказм Даниила, явившего своей судьбой традиционную русскую ситуацию "горя от ума", был весьма популярен у читателей. От Заточника доставалось всем, включая монахов с их видениями и чудесами: "Скажешь, князь — постригись в чернецы. Так я не видел мертвеца, ездящего на свинье, ни черта на бабе, не едал смоквы от дубов". Подобной бесовщины в литературе того времени было много — даже в авторитетном Киево-Печерском патерике: важнейшем сборнике древнерусских историй о монахах. Не вошедшее в него Житие Авраамия Смоленского повествует, как обличение плохих пастырей навлекло на священника страшный гнев собратьев: Авраамия требовали заточить, "к стене пригвоздить и сжечь", чуть ли не "живьем сожрать".

Но к "малым и великим, рабам и свободным" проповедовал не только смоленский священник. Епископ Туровский Кирилл призывал к состраданию зависимым людям, а митрополит Климент Смолятич насмехался над жадностью епископов, копящих дома, села и угодья. Климент был мудр не только в богословии: менее образованные собратья упрекали его за цитирование Гомера, Аристотеля и Платона.

Монашеское звание, избавляя от повседневных забот, давало наилучшую возможность читать и писать книги. Недаром Житие Ефросинии Полоцкой повествует, как княжна, постригшись в монахини, "начала писать книги своими руками и полученное за них раздавала нуждающимся". Интерес читателей вызывали переводы: части Библии, византийские жития святых, хроники Георгия Амартола и Иоанна Малалы, летописец патриарха Никифора, собрания-изборники исторических и философских сочинений, рыцарские романы и отечественные "хожения", древнейшее из которых описывает путешествие игумена Даниила в Иерусалим при короле Болдуине в конце XII в.

Связанное с переводами и интересом к человеку развитие

литературного языка выразилось в появлении официальных определений. Во Владимире-Суздальской летописи князь Всеволод Большое Гнездо "милосерд", сын его Константин — "разумен". Киевляне, убившие в 1147 г. князя Игоря Ольговича за описанные в летописи обиды, всё равно "беззаконные и несмысленные". Безумие феодальных войн побуждало чаще ссылаться на высшую волю: "Наводит Бог по гневу своему иноплеменников на землю… междоусобная же брань бывает от соблазнения дьявольского". Однако здравомыслие обычно побеждало, и летописцы считали долгом найти земные причины событий: "Выгнали ростовцы и суздальцы Леона епископа, потому что умножил (свою) церковь, грабя попов".

Летописные своды Ростова Великого, Владимирам Переяславля-Залесского дошли до нас в составе Радзивилловской летописи (ее список XV в. включает 600 миниатюр), начатой с Повести временных лет и доведенной до 1206 г.; "Летописец Переяславля-Залесского" (в списке XV в.), доведенный до 1214 г. (к величайшему сожалению для потомков, его сохранившаяся рукопись не была продолжена до времени Александра Невского), был ярко окрашен в местный колорит, подобно псковскому летописанию XIII–XV вв.

В памятниках, где общерусские сведения менее лаконичны (в связи с более широкими запросами местных властей), в годы детства Александра воздавалась хвала могучим, удачливым и щедрым к воинам князьям, побеждавшим в усобицах. В середине XIII в., когда Александр уже вырос и прославился подвигами, эти князья до крайности подвели своих усердных хвалителей, не сумев оказать сопротивления монгольским завоевателям. Большинство летописцев просто онемело. А те, кто еще был способен писать, лишь мрачно ссылались на Божью волю и надолго прекратили рассуждать.

* * *

Сегодня, благодаря неутомимым стараниям древних книжников и почти трёхсотлетним усилиям учёных, мы очень хорошо понимаем, что юному Александру Ярославичу было, что слушать и читать. Один лишь научный Словарь книжников и книжности, доступной на Руси в его время, насчитывает 500 страниц! Но очень долго считалось, что эта огромная в сумме литература, эти обширнейшие знания как бы ничего не значили, не давали понимания мира в современном значении этого слова. Ведь основу мировоззрения и книжности тогда составляла вера!

Действительно, прежде чем учиться читать и даже слушать чтение книг, юный Александр начинал обучение с домашней молитвы и посещения храма, где фрески и скульптура (исчезнувшая со стен православных церквей позже) знакомили его с христианским взглядом на мир и его Священную историю. И читать ребёнок (в то время ещё независимо от сословия) учился по служебной Библии: переведённым на славянский язык первыми апракосам (недельным, включавшим тексты в отрывках для чтения за один церковный день): Евангелию, Апостолу ("Деяния" и "Послания" апостолов), Паримийнику (из книг Ветхого завета) и наиболее важной для богослужения Псалтири. Последняя стала со временем главной учебной книгой, не только потому, что имелась почти в каждом храме: изучать буквы и слоги было удобнее по хорошо знакомым текстам.

Конечно, в XIII в. княжичу на Руси были доступны и четьи книги Библии: Четвероевангелие и полный Апостол, — и толковые, с внятным разъяснением текста Нового и отчасти Ветхого Завета. Они, прямо или через толковые пересказы просвещённых переяславльских монахов, создавали у ребёнка связную картину мира от его Сотворения до будущего торжества Царствия небесного на земле.

Но чисто религиозным образованием дело в Древней Руси отнюдь не кончалось. Многочисленные книжные сборники, такие как "Пчела", несколько видов "Изборников" и мн. др. были по сути своей домашними библиотеками, хранившими накопленные с античности знания. В них входили и развлекательные притчи, и ценные изречения, и вошедшие в историю шутки, и труды по философии, диалектике, грамматике и риторике, математике и врачеванию. Лишь трудности чтения и понимания старинных текстов мешали учёным уяснить, что на самом деле древнерусская книжность открывала читателю огромный мир науки и культуры Средиземноморья, в том числе эллинистической Африки и Ближнего Востока.

Нередко этот мир был фантастичен. Например, отдельные исторические отрывки об Александре Македонском накладывались в сознании князя Александра на сюжет романа III в. "Александрия", где подвиги древнего тёзки были описаны весьма вольно. Но ведь и мы с вами, строго говоря, представляем себе многих исторических героев и события по романам, а то и голливудским фильмам!

Земля, скорее всего, представлялась княжичу Александру плоской, т. к. выкладки древних греков о её шарообразности было нелегко найти среди массы бытовавших тогда вымыслов. Но географию Руси, соседних стран и Святой земли, куда ходили

русские путешественники, описавшие свои впечатления в "хождениях", он представлял неплохо. Важной для князя наукой было умение пользоваться словом: недаром грамматика, риторика и диалектика составляли тривиум — основу "всеохватывающего" обучения. Правильно понимать слова, символы и притчи своего времени, правильно и "красно" (красиво) говорить, а паче того — убедительно спорить, побеждая соперника силой слова и логикой, — такова была задача "книжного" обучения.

Но, скажете вы, неужели все те книги, о которых мы знаем в результате веков исследований древнерусской литературы, были так уж доступны? Со школьной скамьи у многих сложилось представление, что рукописные книга были чрезвычайно ценны и редки. На самом деле это наши представления о книжном мире Руси до монгольского разорения уступают реальному богатству, по крайней мере, городских, монастырских, епископских и княжеских библиотек.

Мы имеет сообщение источника лишь об одном книголюбе из близких родственников Александра — его дяде Константине Всеволодовиче, князе Ростовском. "Великий был охотник к читанию книг, — говорили о нём, и научён был многим наукам. Того ради имел при себе и людей учёных. Многие древние книги греческие ценою высокою выкупил и велел переводить на русский язык. Многие дела древних князей собрал и сам писал, так же и другие с ним трудились. Он имел одних греческих книг более 1000, которые частью покупал, частью патриархи (восточные — т. е. Константинопольский, Иерусалимский. Александрийский и Антиохийский. — *Авт.),* ведая его любомудрие, в дар присылали"[36]. Тысяча греческих книг, причем отборных — это неплохая и по нашим временам частная библиотека!

Отец Александра, да и ом сам впоследствии, таким сильным увлечением книжностью не страдали, но, несомненно, прочли сотни, а имели в своём распоряжении тысячи книг. Учитывая, что слово в те времена было более ёмким, а множество книг — сборниками энциклопедическими, образование давало им возможность быть лидерами весьма просвещённой по тем временам страны. А их вероисповедание не только пронизывало всю систему знаний, но и давало возможность превосходить разумением своих западных "коллег".

В отличие от Западной Европы, где единственным одобренным католической церковью языком книжности была малопригодная в жизни латынь, Европа православная читала, писала и обучалась на национальных языках. Дело в том, что политикой и практикой православия изначально был перевод

священных книг на языки тех народов, среди которых велась церковная проповедь, чтобы люди не просто верили священникам на слово, а как можно лучше сами понимали Слово Божие и подвиги прославивших Церковь святых.

Конечно, на Западе, где исходной идеей церкви была вера в божественную природу одного человека — папы римского, эта идея казалась опасной и абсурдной. Люди должны были повиноваться папству, а не рассуждать; вымаливать у Рима отпущение грехов, как будто папа — живой Христос, а не просто вести добродетельную христианскую жизнь и творить благие дела. К XIII в. эта центральная идея католицизма привела к страшным последствиям. Чтобы удерживать и распространять свою власть, папы гнали активную часть европейцев в кровавые походы, заранее отпуская крестоносцам все грехи, включая самые страшные.

Вообще-то папы знали, что делали. Именно в XIII в. крестоносцы совершили страшные злодеяния, воюя по папскому указу под знаменем христовым не просто где-то "за морем", а в христианских землях: православных — Византии и Руси, католических — Франции, Голландии, Дании, Германии и Италии. Это время смело можно назвать эпохой, когда, по сознательному решению папства, опробованное на мусульманах и евреях крестоносное зверство решительно "возвращалось домой", чтобы установить безраздельную власть пап в самой Европе.

Александр Ярославич, как всякий получавший хорошее образование русский мальчик, был вполне подготовлен к тому, чтобы обоснованно отвергнуть расколовшую Христову церковь папскую "схизму" (трещину). К тому же из рассказов учителей и книг, которые он прочёл, Александр извлекал уроки понимания самых разных обычаев и народов. Идея убивать инаковерующих, незримо написанная на знамени католицизма, просто отсутствовала в русской культуре.

В будущем князь будет воспринимать поверженных его мечом врагов как благородных противников, которым гуманизм велит не просто сохранить жизнь, но при первой же возможности отпустить. Он будет защищать взятых в плен крестоносцев даже от своих "нанимателей" новгородцев. Так что любой, кто предложит Александру безоговорочно слушать какого-то папу и по его приказу убивать ни в чём не повинных людей, вызовет у князя одно горькое недоумение.

Глава 4. ОБУЧЕНИЕ

Однако прежде, чем брать крестоносцев в плен, мальчик должен был научиться хорошо воевать. К этому с пелёнок готовили его и отец, и мать, а в 3–5 лет (точнее мы не знаем) пришло время постригов[37], когда княжич становился готовым к воинскому обучению отроком. Обряд над ним совершал в соборном храме Переяславля епископ Симеон — просвещённый игумен Рождественского монастыря, один из составителей Печерского патерика. С чтением молитвы юного княжича посадили на подушку, а епископ ножницами подрезал ему длинные кудри. Затем будущего воина препоясали золотым поясом с подвешенным к нему острым мечом. Выведя под руки из собора, мальчика посадили на коня.

Теперь, по западному обычаю, его можно было бы считать "препоясанным рыцарем". На Руси же считалось, что в княжеском доме появился ещё один мужчина — глава воинов, которых он со временем поведёт в бой. Правда, бывали случаи, когда в бой воинов посылал и князь-мальчик, едва сидевший на коне, однако в битву даже он был обязан выехать. Когда это случится, не знал никто. Поэтому после пира князя и двух княжичей с воинами, длившегося по обычаю неделями, Александр поселился на мужской половине дворца и начал регулярные занятия с "дядькой": учителем воинского ремесла.

Разумеется, Александр не отдалился от матери: деление дома на "мужскую" и "женскую" половины было условным, а русская женщина любого сословия — полноправной хозяйкой во всём доме и дворе. Продолжалось (а может, в этом возрасте только начиналось) книжное учение, никто не лишал княжича и детских игр. Просто у мальчиков это были всё больше игры в войну со своими сверстниками, сыновьями бояр и дружинников, которые со временем составят костяк его, Александра, личной дружины. По более поздним источникам, касающимся воспитания детей в царской семье в XVII в., мы знаем, что это были игры настоящим, стальным, только маленьким и на первых порах тупым оружием.

Главное оружие знатного воина — меч — должен был стать частью княжеской руки. Меч не снимали с пояса нигде, кроме храма и дома, и упражнялись с ним постоянно. Руку без меча Александр должен был ощущать "пустой", непривычно и неудобно лёгкой. А игры с мечом шли отроку только на пользу. В те времена о фехтовании кистью ещё не знали, как не приняты были и уколы мечом (они входят в практику только со второй половины XIII в.). Им следовало рубить, причём как минимум

взмахом локтя, а лучше — и всего плеча.

Ударом "с плеча" опытный воин прорубал железную кольчугу, а иногда и шлем. Хотя меч был сравнительно небольшим (длиной с рукоятью до 1–1,1 м) и лёгким (до 1,5 кг)[38], в умелых руках профессионала это страшное оружие могло развалить надвое вражеского воина "до седла" или снести с плеч голову, невзирая на защиту шеи свисающей со шлема кольчужной полосой — бармицей.

Лучшими мечами Европы тогда считались немецкие (изготовленные в мастерских Священной Римской империи германской нации). Именно ими, судя по находкам, преимущественно пользовались воины на Руси. Одновременно с относительно большими на Руси и вообще в Восточной Европе применяли в XIII в. более короткие и лёгкие мечи, удобные в бою с не закованным в латы противником. Возможно, именно с такими мечами тренировались отроки вроде княжича Александра.

Распространённой в русской дружине была и длинная, слабоизогнутая, довольно узкая (шириной в среднем 3,5–3,8 см) степная сабля с небольшим, в отличие от меча, не предназначавшимся для отражения ударов эфесом. Ей на всём скаку наносили один сокрушительный удар, после чего кони разносили всадников в стороны. Сабли, как и мечи, различались по длине и весу, но всё же были значительно легче, чем принято представлять оружие богатырей. Вес сабли редко превышал 1,5 кг. Зато её размер намного превосходил длину, удобную для пешего ратника (1,1–1,17 м).

Очень длинным и очень лёгким был и боевой топор. Его узкое, вытянутое, нередко поставленное под углом к тонкой (2–3 см) рукояти лезвие пробивало броню за счёт скорости удара, а не веса, колебавшегося от 200 до 450 г (тогда как рабочий топор весил 600–800 г).

Сражаться мечом или иным оружием пешим — это была не наука воина. Князь и его дружинник, подобно своим западным собратьям-рыцарям, сражались на коне. Поэтому вручение юному княжичу меча и коня происходили одновременно.

Александр Невский. Художник П.Д. Корин

Прежде чем дать седло, а тем более стремена, княжича заставляли ездить на лошадиной спине, застеленной лишь попоной. Это обучало держать равновесие, не полагаясь на дополнительную опору, и сидеть на коне глубоко, как положено воину. Глубокая посадка не позволяла, конечно же, красиво "облегчаться", двигаясь вдоль по седлу, как делают современные нам всадники. Правильно в глубоком, с высокими резными луками седле следовало сидеть "как влитому", не шевелясь относительно коня. Ещё бы! Главным средством атаки конного воины был таранный копейный удар — более 600 кг суммарного веса лошади и слившегося с нею всадника умноженные на квадрат скорости на галопе! Удар наносили длинным (примерно 3,5 м) и крепким копьём со стальным наконечником, закреплённым в прочной втулке.

Умению носить доспехи так, чтобы они совершенно не стесняли движений, князей и будущих знатных воинов-дружинников тоже учили с малолетства. Прежде всего, отроки должны были их быстро и правильно надевать, а при необходимости (возникавшей, например, в бегстве) — и стремительно снимать. Бегство для спасения жизни в те времена бесконечных войн и внутренних распрей не считалось позором. Как ни дороги были оружие и доспехи, жизни и князя, и дружинника ценились значительно выше. Нельзя было бросать *князя* и знамя в бою, но уж коли полк бежит — спасаться следовало во всю прыть.

Отрок Александр, как все знатные мужчины на Руси, носил

две рубахи и двойные порты (как тогда называли штаны). Нижняя рубаха и порты шились из простой льняной или привозной хлопковой ткани.

Верхняя рубаха у знатных мужчин была цветной (красной, синей, зелёной, жёлтой или коричневой), очень длинной, ниже колен, и совершенно закрывала бы их красивые штаны, если бы её не поддергивали под пояс. Узкие рукава верхней рубахи украшали запястьями из шёлка или бархата, расшитыми золотом, серебром, жемчугом, бисером и цветными нитками. Чтобы узкий рукав не мешал взмахнуть рукой, под мышкой вставлялась специальная ластовица. По очень широкому подолу рубахи (полученному путём вставки боковых клиньев) тоже шла богато расшитая полоса дорогой ткани.

В торжественном облачении из-под рубахи виднелись лишь узкие, буквально "в облип", богато расшитые сапожки на мягкой подошве, без каблука, на которые для хождения вне дома можно было надеть кожаные башмачки или что-то вроде галошиков. Однако перед тем как надеть доспехи, княжич подтыкал рубаху под пояс, чтобы она едва достигала колен, образуя красивые складки.

Сомневаюсь, чтобы княгиня Ростислава одевала Александра для воинских тренировок в рубаху из яркого шёлка, с отделкой и воротником-стоечкой из драгоценной парчи или богато разукрашенной шитьём. Но в бой князья и дружинники носили самое лучшее, ведь сражения были главным смыслом воинской жизни. По крайней мере, на изображениях фрагменты одежды, видимые из-под доспехов, выглядят очень богатыми.

Даже в суровом XIII в., когда война для князей и дружинников была чуть ли не повседневным делом, доспехи украшались: у кого рядом блестящих бронзовых колечек или заклёпочек, а у кого-то — серебром и золотом. Русские островерхие шлемы в XIII в. сидели глубоко, до ушей, а то и до шеи (с вырезом впереди), и почти всегда имели прочную защиту лица. Обычно её основой служил крепкий, профилированный центральным ребром и сильно выдающийся вперёд "орлиный" наносник, спускавшиеся вниз до подбородка (как шлем был больше головы, так и его "нос" был длиннее носа). К нему, оставляя только отверстия для глаз, крепилась кольчужная полоса, лущённая вокруг всего шлема — бармица. Расширяясь, она спускалась на плечи и покрывала их, образуя дополнительную защиту там, куда, помимо шлема, чаще всего прилетал вражеский меч.

Шлем Александра Невского. Художник Ф.Г. Солнцев

Но такой шлем, скажет внимательный читатель, не защитил бы нашего отрока от таранного удара копьём, которому он сам и учился! Зачем перетяжелять шлем, увеличивая его толщину (и умножая нагрузку на шею во время скачки), если копьё всё равно пробьёт бармицу? И даже удар тупым копьём сломает кости лица?! Ответ прост: в атаке воин обязательно защищал нижнюю часть лица верхним краем толстого, до 3 см, щита. Небольшой круглый или миндалевидный щит из крепко сбитых, иногда покрытых кожей и нередко расписанных красками досок крепился к левой руке. На специальном ремне он вешался на шею так, чтобы закрыть грудь, левое плечо и шею воина.

Чуть пригнув голову в атаке, отрок Александр учился прятать от вражеского копья лицо, хотя у него наверняка был (хотя бы для тренировок) и более закрытый шлем с личиной: толстым железным забралом. Личина в те времена точно, иногда очень красиво воспроизводила человеческое лицо, со всеми его чертами, но отверстия имела только для глаз. Благодаря сложному профилю, она была прочнее европейского забрала (представлявшего собой просто выгнутый лист железа с прорезанными дырочками) и лучше держала копейный удар.

Европейский рыцарский шлем во времена Александра представлял собой простой железный колпак, надетый на кольчужный капюшон, с которого на лицо спускалась намертво закреплённая пластина забрала. Русский же шлем с личиной (скорее всего, заимствованный из Степи) был глубоким, с большим вырезом для лица, на которое и опускалась маска, закреплённая прочным шарниром на лбу.

Маска была соразмерна шлему, т. е. больше реального лица, так что всадник, опустив голову в атаке, клал её край на грудную броню. В результате прямой удар копья не ломал шею, как легко могло случиться с европейским рыцарем, а рассеивался на лоб, скулы и грудь дружинника. Сверкающая полированная, а то и

позолоченная, маска с застывшим выражением лица (на одной из личин оно улыбается!) производила, должно быть, сильное впечатление на противников.

Мы не знаем, насколько часто личина применялась в бою, где русские воины предпочитали пассивным средствам безопасности подвижность и хороший обзор. Но можно не сомневаться, что княгиня Феодосия-Ростислава позаботилась о таком шлеме для отроческих тренировок своих сыновей Фёдора и Александра. Особенно если учесть, что подготовка воинов на Руси включала и очень модный тогда на западе конный турнир, в котором у нас использовалось боевое оружие, а жертвы бывали именно от попадания копья в лицо[39].

В соответствии с общей идеей "поворотливости", кольчуга, как и в седую старину, составляла основу защиты тела воина. Она, как и прежде, изготовлялась из железных колец диаметром в 6, 8 мм и более, вырубленных из листа металла. Половина их оставалась целыми, другая половина рассекалась и, после переплетения, заклёпывалась маленьким железным гвоздочком. Рукава уже не были однозначно коротки, до локтя, а могли простираться до запястья.

Кольчуги удлинялись, почти целиком закрывая бёдра, под них знатные воины временами надевали кольчужные чулки.

Однако этот универсальный доспех недостаточно защищал воина, не только от тяжёлого рыцарской) копья, но и от стрелы. Считается, что стрелы пробивали кольчугу почти всегда. Но пока стрелки стояли на земле, а доспешные воины стремительно скакали и маневрировали, прикрываясь щитами, опасность была не слишком велика. Иное дело во времена Александра, когда обучение стрельбе прочно вошло в практику конных дружинников.

По наблюдениям историка древнерусского оружия А.Н. Кирпичникова, сделавшего этот вывод, конные лучники представляли собой сравнительно молодую и лёгкую часть дружины. Они были не столь отягощёны доспехами, как составлявшие ядро войска тяжело бронированные, укрытые прочными щитами копейщики, в решительный момент таранным ударом сметавшие врага с поля боя. Манёвренные лучники действовали впереди, опираясь на копейщиков, как на прочный "город", за которым они могли укрыться[40]. Но боевая эффективность "стрельцов" была очень высока.

Чтобы стать воином, отрок должен был учиться на полном скаку стрелять с коня вперёд, в обе стороны и даже назад (что в доспехах делать не так уж легко и опытному лучнику). На то, что этот вид боя пришёл из Степи, указывает форма древнерусского

лука[41]. Он не прямой, как на Западе, а рекурсивный (обратновыгнутый): при спущенной тетиве его дуги и жесткие рожки на концах, к которым крепилась тетива, изгибаются вперёд, в сторону выстрела. Его дуги выклеивались из разных пород дерева и укреплялись сухожилиями. Это сильно повышало упругость. В результате при одной и той же силе натяжения русский лук выпускал стрелу с гораздо большей скоростью, чем, например, английский. Он был точнее, мобильнее и обладал более высокой пробойной силой.

Казалось бы, что может пробить стрела весом около 50 г с наконечником всего 8—10 г? Однако благодаря высокой скорости полёта, стрела обретала воистину страшную силу удара. Сделанная по старинным образцам стрела из современной модели древнерусского лука силой в 20 кг (а у воинов XIII в. она доходила до 80 кг) легко пробивает насквозь еловый брус толщиной 7 см. Трудно даже представить себе пробивную способность стрелы ратника Александра Невского!

Если стрелы имели наконечники с жалом из закалённой стали, они могли насквозь пробить железную пластину толщиной в 1,5 мм (вот один из ответов на вопрос, почему после вооружения конной дружины луками даже шлемы стали толще). При этом речь шла нетолько о "шиловидных" наконечниках, прокалывавших защиту своим узким лезвием, а о солидных конических, долотовидных или гранёных остриях с острыми режущими кромками, которые распарывали железо, выворачивая его "розочной" внутрь и пропуская в отверстие древко стрелы. Когда древко было сделано правильно — более толстым у наконечника и сужающимся к оперенью, стрела пролетала однослойную броню и её содержимое навылет.

Стреляя из лука на скаку сначала тренировочными, а потом и боевыми стрелами, княжичи Фёдор и Александр убеждались не только в силе этого оружия конной дружины, но и в необходимости надеть на свои отроческие кольчужки что-то более солидное, Тем более что повешенную на чучело кольчугу их рыцарские копья тоже вскоре начали пробивать насквозь.

Для защиты от мощного наступательного оружия своего времени у Александра не было ни сплошных железных лат (они ещё не появились), ни популярной у художников и кинематографистов "рыбьей чешуи" (этот византийский доспех вышел из моды и вернулся только в эпоху Возрождения). Оружейные мастера XIII в. были большими буквалистами: они изготовляли "дощатый" доспех из тоненьких (до 1 мм) железных дощечек[42].

Поверх кольчуги грудь Александра прикрывали изогнутые

железные пластинки с множеством дырочек, связанные между собой ремешками так, чтобы они заходили одна на другую, удваивая, а то и утраивая толщину брони[43]. Именно такой доспех, амортизировавший страшный удар копья и успешно тормозивший стрелу, был много веков распространён и в Степи (откуда он пришёл), и в Византии, и на Руси с IX до конца XV в. Его детально изображали на святых воинах иконописцы, но деятели искусства XIX–XX вв. им упорно не верили!

Другим вариантом доспеха, известным по археологическим находкам примерно с 1250 г., были выгнутые прямоугольные пластинки, пришитые к кожаной рубахе через дырочки в верхнем крае так, чтобы пластины заходили одна на другую. В середине каждая пластинка имела отверстие под заклёпку, которой она крепилась к проходящему под горизонтальным рядом пластин кожаному ремешку.

Пластинчатый доспех Александра мог быть усилен на груди крупной выпуклой бляхой (например, с изображением креста). Вероятно, он имел короткие, до локтей, пластинчатые рукава, — не широкими "лопастями", как в Степи, а подвязанными по византийскому обычаю ремешками вокруг бицепсов. Локти воина прикрывали стальные наручи. Они состояли из двух глубоких полуцилиндрических створок, соединённых с одной стороны металлическими петлями, а с другой — застёгивающимися ремешками. Одна створка, защищавшая снаружи сам локоть, была длиннее, а створка с внутренней стороны руки была короче, чтобы рука хорошо сгибалась.

На поясе тяжёлого всадника застёгивалась ремнём и, возможно, поддерживалась чем-то вроде ременных подтяжек пластинчатая юбка. Она изготавливалась из более крупных выпуклых железных пластин, прикреплённых на кожаную основу. Юбка не соединялась с доспехом на груди: это мешало бы ратнику поворачиваться в талии, — очень важное движение в манёвренном конном бою! Древние иконописцы нередко изображали стоящих на земле воинов с такой юбкой, отвисающей на животе. Она вставала на место, когда воин садился на коня.

Ноги Александра ниже колен могли быть защищены железными поножами, а колени — наколенниками. Но вполне вероятно, что поножи, закреплённые ремнями и обмотанные сверху обмотками, имели выступы выше колен. До сих пор не найдены в Древней Руси пластинчатые или хотя бы кольчужные варежки или перчатки.

Историки просто не знают, считали ли предки защиту кистей рук неудобством, мешающим стрелять и держать оружие, или такая защита была, но не сохранилась. На иконах и фресках

защиты кистей рук нет — но на них нет и шлемов: таков был иконографический канон.

Византия, откуда пришли к нам основные правила иконописи, железные варежки знала: их ещё в VI в. рекомендовал тяжёлым конникам авторитетный военный трактат "Стратегикон"[44]. Стрелять из лука в них, конечно, нельзя, но держать в руках длинное и тяжёлое копьё они ни византийцам, ни западным рыцарям не мешали. Вполне вероятно, что железные рукавицы, а в XIII в. уже известные на Руси перчатки, дополняли защитное вооружение копьеносца, бронированного, таким образом, полностью, с головы до ног. Причём шлем был из одинарной, но толстой, а остальная защита — из двойной брони, усиленной покатостью форм и амортизирующими свойствами.

В сумме этот доспех весил немало — до 20 кг, но был очень гибок. Вообще истории про рыцарей, которые "не могли подняться без посторонней помощи", не относятся к боевым доспехам. Даже во второй половине XV — первой воловине XVI в., когда доспехи в Западной Европе достигли максимального веса, они сохраняли достаточную гибкость, чтобы тренированный воин мог подняться с земли. Исключение составляли лишь игровые, турнирные доспехи, в позднейшие века сильно перегруженные защитой и непригодные в бою.

Надев полный, т. е. двойной доспех, княжич должен был освоить и оружие тяжёлого всадника: длинное копьё, которым нельзя было действовать рывком, но следовало плавно наводить на противника, и тяжёлую, с гранёной шипастой головкой булаву, острый клевец или шестопёр, предназначенные для сокрушения столь же тяжко закованных противников. Новомодную усиленную броню было почти невозможно пробить, но, оглушив противника, воин добивался большего — он мог взять знатного человека в плен и отпустить за выкуп.

В стиле своего времени, Александр не любил убивать знатных врагов. Но действовал он своеобразно: брал противников в плен без корыстных соображений и, победив в бою, просто отпускал! То, что было в обычае у всей "благородной" Европы, в том числе на Руси, не казалось князю соответствующим воинской чести и задачам войны…

Когда Фёдор и Александр освоились с конями и основными видами оружия, которое им предстояло применять, Ярославу и Ростиславе настал черёд подбирать сыновьям настоящих княжеских коней. По данным остеологов, изучающих найденные археологами останки костей, кони на Руси в XIII в., как и прежде, были в основном низкорослыми. Однако потребности князей и бояр заставили уже к XII в., когда дружина окончательно

сформировалась как элитное конное воинство, вывести особую породу крупных и быстрых ("борзых") боевых коней. Ещё до рождения отца Александра русские боевые кони славились в Германии и лестно упоминались поэтами во Франции[45].

Лучшие кони были не только "борзы", но и "горазды играти". Чтобы на них скакать, отмечают летописцы, требовалась "храбрость". Своё мастерство владения волшебными конями Фёдор и Александр показывали на княжьем дворе, перед высокой дворцовой галереей-гульбищем, с которой смотрели на них батюшка с матушкой. В отличие от современных нам родителей, Ярослав и Ростислава не пугались за детей, а лишь радовались, когда сыновья "всяким оружием играли и храбро скакали". Они хвалили того сына, который выбирал самого лихого коня и "был хитёр на нём сидети". Ведь в этом был залог безопасности сына на войне!

Лучшие кони давали княжичам преимущества и в мирной жизни. Например, они могли обскакать соперников на любимых русскими людьми того времени конских ристаниях, посмотреть на которые собирались толпы горожан. Победы на ристаниях и турнирах — "игрушках" знатных воинов, обеспечивали юношам авторитет среди сверстников и воинов, которых им предстояло повести за собой. За слабым и неумелым князем дружина, сколько ей ни плати, на смертный бой бы не пошла. А именно такие бои на пределе человеческих возможностей предстояли Александру.

Оставшийся в народной памяти образ юного князя в сверкающих доспехах, на играющем от избытка сил боевом коне, с развевающемся за плечами алым шелковым плащом, вполне соответствовал действительности. Но его никто бы не запомнил, если бы у святого князя не было ещё одной, невидимой брони и всепобеждающего оружия — правды. Не просто искренняя вера (она наверняка была и у многих его врагов), но сознание правоты княжьего дела вело за Александром его победоносных воинов.

Именно служение правде было главным, что получил от воспитания и обучения Александр. И именно оно подверглось самым серьёзным испытаниям после вступления отрока в суровую взрослую жизнь.

Часть II. ИСПЫТАНИЯ

Глава 1. КНЯЗЬ НОВГОРОДСКИЙ

Александр Ярославич вступил в политическую жизнь, превратившись из княжича в князя, в конце лета 1228 г., ещё далеко не закончив ни книжного, ни воинского обучения. В это время семья Ярослава, не желая упускать из рук доходов с Великого Новгорода, оставила 8-летнего Фёдора и 7-летнего Александра княжить в величайшей республике Европы, в то время как их отец с матерью уехали в Переяславль.

Разумеется, с отроками остался их "дядька" Фёдор Данилович, а практические заботы княжения взял на себя отцовский управляющий — тиун Яким, которому подчинялась группа чиновников и дворян. И всё же решение Ярослава и Ростиславы оставить детей в чужом городе требует разъяснения.

Ещё в 1225 г. новгородцы послали к Ярославу в Переяславль посольство с приглашением прийти к ним княжить. Князь понимал, что предложение сделано новгородцами не от хорошей жизни, и наверняка обсуждал на семейном совете все подводные камни, связанные с походом в Новгород. Там рьяно боролись между собой "золотые пояса" — примерно 300 знатнейших и богатейших граждан.

Именно они определяли судьбу республики, выступая от имени её главного государственного органа — веча (пока народ не бунтовал), решая важнейшие вопросы экономики и политики и проводя своих ставленников на княжение и выборные посты.

Господин Великий Новгород

На обоих берегах реки Волхова раскинулся величайший из средневековых городов-республик Европы. Берега реки, поделенные на пристани, были густо уставлены кораблями разных стран и народов. Временами они покрывали Волхов так, что пожар с одного берега по судам перебрасывался на другой. Город был обнесен могучими стенами, а вокруг него располагались кольцом укрепленные монастыри. В центральной части высился кремль, защищавший гордость новгородцев — собор Софии, символ государственного суверенитета. "Где святая София — тут и Новгород!" — говаривали граждане, свысока смотревшие на подвластные князьям города.

Сами-то они издревле не допускали, чтобы в Новгород "сажали" князей из стольного града Киева, но только "вводили" к себе князя (и при нужде изгоняли), а еще лучше —

"выкармливали" с малолетства. Когда в 1118 г. Владимир Мономах вызвал новгородских бояр в Киев, чтобы заставить присягнуть на верность своему внуку, князю Всеволоду, некоторых из них пришлось за непокорство заточить. Вот как, по рассказу былины, говорил один из узников, сотник Ставр (которого потом молода жена еле вызволила из "погребов глубоких"):

"Ой, глупые бояре, неразумные,
Они хвалятся градом Киевом…
А что за ограда во Киеве
У ласкова князя Володимера?
У меня ли, у Ставра, широкий двор
Не хуже будет города Киева!"

Конечно же, былинный герой несколько преувеличивает. Но во времена Александра Новгород, застроенный как скромными домами бедноты, так и преобширнейшими дворами знати, был воистину огромен. Одна окружность его укреплённого вала составляла б км! За этими укреплениями жило 40 тыс. горожан, в городе и вокруг него стояло 40 монастырей (вдвое больше, чем во Владимире, и в 40 раз больше, чем в Переяславле). Ни Владимир, ни Венеция, ни Киев, ни Любек, ни Чернигов, ни Бремен, ни даже разорённый крестоносцами Царьград не могли с ним сравниться! Населённости, богатству и властолюбию Новгорода уступали даже Смоленск и Галич, не то, что такие мелкие селения, как Париж и Лондон. Так что пафос сказителей былины был оправдан. Не ошиблись былинники и в итогах конфликта Ставра Годиновича со товарищи с великим князем киевским.

В 1136 г., как писал в летописи знаменитый новгородский математик Кирик, "не восхотели люди Всеволода". Горожане восстали и изгнали князя с его приспешниками, конфисковав имущество сторонников княжеской власти. С той поры новгородцы управлялись сами, нанимая князей главным образом для военных нужд и ставя власть города выше всех земных правителей. Если почти все воины Европы писали на знаменах: "С нами Бог!", то новгородцы шли в бой с кличем: "Кто на Бога и Великий Новгород!"

Источником власти в республике было народное собрание — вече. Оно избирало главного управителя — посадника, а также воеводу — тысяцкого, в мирное время ведавшего торговыми делами вместе с архиепископом и руководством купеческих корпораций. Архиепископа новгородцы именовали владыкой и гордились, что по рангу он был на Руси вторым духовным лицом

после митрополита Киевскою. Софийскому дому — резиденции владыки в Новгородском кремле — принадлежали огромные земельные владения, а вместе с духовными властями (архимандритами и игуменами, священниками крупнейших соборов — протопопами) архиепископ играл очень важную роль в решении судеб республики.

Боярские роды и их политические объединения, купеческие корпорации, кончане (выборные главы пяти районов города — концов) и уличане (предводители свободного населения улиц) обычно оказывали определяющее влияние на вечевые постановления. Случалось, однако, что народ — "простая чадь" — приходил в сильное негодование от деяний властей и закулисных сделок сильных мира сего. Тогда мятеж обрушивался на видных деятелей республики. В 1209 г. несметные богатства посадника Дмитра Мирошкинича были разделены восставшими "по зубу, по 3 гривны по всему граду". Через 20 лет, уже при Александре Ярославиче, "взмятеся весь град" против архиепископа Арсения и тысяцкого Вячеслава, оружие погуляло и по боярским дворам. В результате был поставлен другой архиепископ, а одним из его помощников сделали мастера Микифора-щитника.

Стоя на перекрестке мировых торговых путей, Новгород вел обширную торговлю с русскими княжествами, с Востоком и Византией. Он тесно сотрудничал с купечеством балтийского острова Готланд, Дании и Швеции. В немецком граде Любеке, который со временем возглавил Ганзейский торговый союз, новгородские купцы держали торговый двор еще с XII в., как и в Киеве. В свою очередь, западные купцы имели Немецкий и Готский дворы в Новгороде. Договоры с торговыми городами Балтийского берега, а позднее — с Ганзейским союзом, охраняли интересы русского купечества, дозволяя иноземцам только оптовую торговлю с новгородскими посредниками.

Отличием Новгорода от западных городов-республик, даже таких могучих, как Венеция и Генуя, была его огромная государственная территория, простиравшаяся от Балтики до Ледовитого океана и Урала. Она не только являлась неистощимым источником пушнины, моржовой кости, охотничьих соколов и прочего драгоценного товара. Хозяйственное освоение Севера и большей частью мирное включение тамошних народов в орбиту русской цивилизации давало ремесленно-торговому Новгороду и его форпостам-пригородам прочную экономическую базу.

* * *

За огромные доходы, которые давал наёмным князьям Новгород, боролись три основные группировки Рюриковичей: князья владимирские, черниговские и смоленские. Но в описываемый момент лидер смоленских князей, Мстислав Удатный, лихо воевал в Западной Руси, предоставив свои шансы на правление и партию сторонников в Новгороде зятю Ярославу и его родичам. В свою очередь, новгородцы явно не хотели приглашать к себе властолюбивого Ярослава, предпочитая его более смирных братьев и племянников, а то и хуже — князей черниговских.

Новгородский куш для князей был велик. Они не имели права заводить в новгородских землях свои владения, но получали дани с подданных республике земель, долю таможенных сборов и немалые судебные пошлины. Творить суд, как и защищать город своей дружиной, князья обязывались изначально, со времён легендарного Рюрика. Собственно, они и приглашались как третейские судьи и "третья сила", помогавшая новгородцам не перебить друг-друга в междоусобной борьбе "золотых поясов" за власть, владения и доходы.

Гражданам было не жалко отдавать за это князю 2–3 тыс. гривен в год (в среднем около 1 тыс. кг серебра). Доходы республики, денежный запас которой хранился архиепископом (во избежание расхищения враждующими кланами), были гораздо выше! Но для князей, как бы ни обширны были их владения и сильны дружины, получить такие деньги иначе, чем с крупного торгового города (по доходности после Новгорода следовали Галич и Смоленск), было невозможно ни данями, ни удачным военным походом. Новгородский стол был воистину лакомым куском!

Однако любому князю жилось в Новгороде неспокойно. Далеко не всем удавалось продержаться в нём хотя бы один "финансовый год". В 1225 г. князь Михаил Всеволодович, при котором было "легко" Новгороду, вернувшись из похода, неожиданно заявил: "Не хочу у вас княжить, иду к Чернигову". Новгородцы, согласно местной летописи, молили князя остаться, но не смогли умолить и проводили с честью[46]. Обычно это формулировка лукаво прикрывает факт, что одна группа "золотых поясов" насолила князю так, что он решил уйти, а другая была недовольна его уходом. Но в данном случае, похоже, новгородцы всерьёз опечалились.

Дело в том, что в прошлом году (год новгородцы считали с 1 марта) владимирские князья, в том числе Ярослав, во главе с великим князем Юрием Всеволодовичем двинулись на Новгород большой войной, требуя выдать им на расправу лидеров

ненавистной "черниговской" партии во главе с посадником Иваном Дмитровичем. Но, вопреки ожиданиям, военная угроза южан лишь объединила Новгород. Летопись повествует, что республика собрала войска со всех земель, оградила город полевыми крепостями, а дороги — заставами. Граждане (конечно, не все, по многие) "хотели умереть за святую Софию о посаднике о Иване о Дмитровиче".

Узнав об этих сборах, владимирские князья дрогнули, памятуя о том, как страшны новгородские "пешцы" даже против лучшей дружины. Юрий Всеволодович сам пошёл на компромисс, предложив гражданам в князья черниговца, но всё-таки своего шурина, князя Михаила Всеволодовича. А вскоре Михаилу пришлось идти с дружиной на Юрия, отнимать у него награбленное в Торжке! Не мудрено, что после этого похода, закончившегося, к счастью, мирно, даже горы новгородского серебра его не прельщали…

А новгородцам до зарезу нужен был князь: с запада их владениям всерьёз грозила воинственная Литва. Напрягши свои великие умы, бояре и купчины пришли к соломонову решению. Так и быть, постановили они, призовём на стол знатного ратоборца Ярослава. Но в противовес ему сделаем владыкой могучую личность — самого Антония! Уж этот архиепископ найдёт укорот властолюбию Всеволодовича…

Владыка Антоний

Крупный новгородский дипломат, боярин Добрыня Ядрейкович, был богомолен. В начале XII в. он отправился в Царьград, помолиться в знаменитых храмах и поклониться свезённым туда со всей империи православным святыням. Их он и описал в своей "Книге Паломник". Видимо, уже на обратном пути, везя с собою частицу Гроба Господня, боярин получил ужасающие известия о разорении Царьграда крестоносцами, и написал вторую редакцию "Книги" с рассуждением о пагубности для государства борьбы за власть, "свады императоров".

По возвращении из странствий (1211) Добрыня постригся в Хутынском монастыре (в десяти км от города по р. Волхов) и в тот же год стал новгородским архиепископом. Но в 1219 г. победила противная партия: архиепископом был поставлен изгнанный прежде владыка Митрофан, а Антоний, в свою очередь, бежал и стал епископом в Перемышле. Вернувшись в 1225 г. вновь и заняв владычный престол, архиепископ употребил своё немалое влияние, чтобы оградить республику от

властолюбия князя Ярослава, не позволяя его сторонникам во главе с новым посадником и тысяцким проводить решения в пользу князя в правительстве и на вече.

Лишь через два года, в 1228 г., владыка в ходе споров потерял дар речи, "онеме", и "по своей воле" удалился в Хутынский монастырь. На его место Ярослав провёл владыку Арсения: по словам злоязычных новгородцев, за "мзду князю"[47]. По мнению историка В.Т. Пашуто, "мзда" за посвящение в епископы стоила тогда 1000 гривен, а в архиепископы — и того больше[48]. Во время случившегося в что же год народного восстания, изгнавшего Арсения (он заперся в храме Св. Софии, а затем ушёл в Хутынский монастырь), Антония "введоша опять" на престол. Верно, от того, что он не мог говорить, с ним "посадили" двух мужей: Якуна Моисеевича и Микифора Щитника. Этих народных представителей не потерпел в следующем году вернувшийся в город князь Михаил Всеволодович. "Бог казнь свою возложил на Антония", — сказал он новгородцам, — а не лепо быть городу сему без владыки". Старец был, наконец, отпущен в Хутынский монастырь, где и скончался в 1232 г.

* * *

Противодействие новгородских властей ими же приглашённому князю Ярославу привело к весьма опасному результату. Той же зимой, как князь с дружиной вступил в город, во владения республики ворвалось сильное литовское войско: 7 тысяч конников! Грабя и убивая, враги разорили Торопецкую область и земли возле Торжка, т. е. прошли гораздо западнее Новгорода! Несмотря на явную опасность и огромные убытки (литва убила многих богатых купцов), республика не стала собирать войско: это де дело князя.

Не в силах отразить опасность один, Ярослав Всеволодович соединился с князем Владимиром Псковским и его сыном. Их сила всё равно была мала — даже из Нового Торжка под знамя Ярослава встали лишь люди с его княжеского двора, а "новгородцев мало". Зато к войску присоединились граждане Тороица во главе с храбрым князем Давыдом (братом Владимира Псковского: они были сыновьями Мстислава Храброго).

Уступая врагу в числе воинов, рать Ярослава сумела обратить литву вспять от Старой Руссы и, преследуя врага, разгромить его наголову близ Усвята. О жестокости сечи, в которой полегло 2 тысячи литовцев, говорит то, что, помимо рядовых русских воинов, в бою пали князь Давыд Торопецкий и меченосец

Ярослава Василий. Зато русским удалось освободить весь взятый в набеге полон.

Видимо, после этого Ярослав Всеволодович не очень желал возвращаться в Новгород. Его вступление в города "следующем", т. е. начавшемся с марта году, летописец описал так, как будто князь занимал "стол" заново: "Пришёл князь Ярослав в Новгород и не положи того в гнев, что не пошли за ним"[49]. Это означало мир, временный, но от этого особенно драгоценный для новгородцев.

Отвлекшись от описания войн и распрей, летописец Великого Новгорода открыл нам одну из страниц быта республики. 16 апреля 1227 г., пишет он, преставился игумен Юрьевского монастыря Саватий, "архимандрит новгородский". Монастырь был вторым по старшинству на Руси (после Киево-Печерского), а его игумен — вторым после архиепископа священным лицом в Новгороде. Явно понимая, что борьба за его пост вновь перессорит сограждан, Саватий призвал владыку Антония, посадника Ивана Дмитровича и "всех новгородцев" (т. е. "золотых поясов") решать вопрос о своём преемнике. Никто не решился вступить в борьбу при умирающем; все решили поставить игуменом того, кого он благословит. Саватий выбрал грека, попа храма Святых Константина и Елены. Он принадлежал к белому духовенству, но не колебался в выборе: 2 марта постригся в монахи, а уже 8-го принял сан игумена. В том же году новгородцы на радостях заложили каменную церковь Святого Иакова в Неревском конце (одном из пяти районов) города.

Казалось бы, мирная церковная жизнь, описанная в летописи, далека от политических и военных событий. Увы, это было не так. Укрепление православия крайне беспокоило окопавшихся на восточных берегах Балтики крестоносцев и самого папу римского. В том же 1227 г. специально присланный папой легат объединил крестоносцев из Риги и Готланда в походе на непокорных язычников острова Сааремаа. Продолжавшееся не один год вооруженное сопротивление было подавлено. В связи с миссией легата папа Гонорий III обратился с посланием к тем, кого он считал стоящими за спиной непокорных его власти северных народов. В булле "ко всем королям Руссии"[50]папа требовал не чинить препятствий крестоносцам и недвусмысленно грозил Руси крестовым походом[51].

В том же году у Великого Новгорода возникли серьёзнейшие проблемы в землях финского племени емь. Судя по всему, проникшие туда со стороны Швеции миссионеры достигли больших успехов в пропаганде отпадения финнов от республики[52]. В начале 1227 г. Ярослав Всеволодович с

дружиной и новгородцами (т. е. с большим войском) совершил стремительный поход по льду Финского залива до самых отдалённых земель еми, где, по сообщению Лаврентьевской летописи, ещё ни один из князей русских не бывал. Согласно новгородской летописи, он привёл множество пленных (видимо, крещёную католиками племенную знать)[53].

Более того, князь предпринял чрезвычайные меры по укреплению русского влияния среди финно-угров, в первый и единственный раз в средневековой истории Отечества массово крестив население зависимой территории. Если в 1210 г. новгородцы окрестили небольшую часть эстов вокруг Медвежьей Головы с целью защитить их от крестоносцев, то в 1227 г. "Ярослав Всеволодович, постав (своих людей. — *Авт.*), крестил множество корел, мало не все люди"[54].

Православие и язычество

В том же 1227 г., рассказывает новгородская летопись, князю Ярославу пришлось разбирать сложное дело о языческих волхвах. Появление в православном Новгороде четырёх волхвов выглядит странно: откуда они взялись через двести с лишним лет после крещения?!

Здесь следует разъяснить, что христианство распространялось на Руси постепенно и, за редкими исключениями, мирно. А главное — оно само усваивало многое из наследия народной культуры. Например, нелегкую борьбу вела церковь с языческими обрядами: хороводами и играми на реках возле костров, скоморохами и гаданиями. Век от века пыталось духовенство обуздать народные гулянья, шутки и смех, музыку и пение не церковное. Люди же, потихоньку новую веру усваивая, находили ей свое применение: например, чтобы вызвать дождь в засуху, стали катать по полю не волхва, а попа. Кончилось все тем, что христианство лишь постольку народом усвоилось, поскольку слилось с язычеством, вобрало в себя русские традиции.

Мать сыру землю поминали в сказках и бывальщинах, в церкви же молились Богоматери. Перуна заменил скачущий по небу на громовой колеснице Илья-пророк. Доброго Велеса — народный заступник святой Никола. Новогодние языческие святки на 12 дней стали праздноваться в связи с Рождеством и Крещением. Масленицу насилу за пределы Великого поста выдворили. Славление Ярилы 4 июня стало Троицыным днем, праздник Купалы 24 июня (по церковному календарю —

рождество Иоанна Предтечи) — днем Ивана Купалы.

Христианство как вера княжеская утверждалось долго и с трудом. Через полвека после Владимира Святого даже большие города, вроде Ростова и Мурома, оставались в основном языческими, а в деревню новая вера разве чудом забредала. Киевский митрополит Иларион писал в середине XI в., что русские — все еще "малое стадо Христово". Только мирный нрав язычников и их волхвов уберегал христиан от расправы. Но еще через сто лет язычников прижали настолько, что ярославцы восстали во главе с волхвами, и лишь под Белоозером их поход на христиан был остановлен княжескими дружинниками.

Когда в Новгород на место убитого епископа Стефана прибыл святитель Федор, случился у него на площади спор с волхвом. Поднял епископ крест и закричал: "Кто принимает веру волхва, пусть идет за ним. Кто истинно верует — пусть к кресту идет!" Миг — и новгородцы оказались возле волхва, а у креста остался князь с дружинниками. Когда бы не зарубил резвый князь жреца языческого, — быть в Новгороде мятежу велику!

Совсем истребить язычество на просторах страны нашей не удалось. Да и традиционное добродушие к иным богам не сменилось у православных религиозной нетерпимостью. Ничего похожего на крестоносцев и инквизиторов не породила Русская земля. Несмотря на трудности, стало православие опорой власти государственной, какая бы власть Россией ни правила. В тяжкие времена спасала единая вера большинства народа государство Русское, заставляла земли тянуться друг к другу.

Мирный характер христианизации, тот факт, что русское православие стало сплавом греческого христианства с народной культурой, наконец, искренняя проповедь русской церковью мира и добра позволяли язычникам, например, в вятичских лесах вокруг Москвы, отправлять свои обряды не только в XIII, но даже и в XIV веке! Так что появление четырёх волхвов в Новгороде в 1227 г. не слишком удивительно.

Монаха-летописца поразил не этот факт, а суровый приговор, вынесенный князем. Всех четырёх волхвов "сожгли на Ярославовом дворе". Не был уверен летописец и в справедливости приговора. Говорили, пишет он, что эти волхвы колдовали, "а Бог весть"! (Сегодня бы сказали: "А Бог их знает!") Действительно, в те времена нелегко было отличить неодобряемые церковью, но общепринятые мистические действа, восходящие к язычеству, от собственно злого колдовства по наущению и в союзе с врагом рода человеческого — дьяволом.

Софийский собор в Новгороде

Судя по всему, князь Ярослав, крайне обеспокоенный отношениями с архиепископом и раздосадованный проблемами с настоящими — при этом воинственными — язычниками, просто выплеснул гнев на обвинённых кем-то четырёх новгородцев. И граждане, в лице летописца, эту несправедливость и несдержанность отметили[55].

Ни военным походом, ни крещением Ярославу Всеволодовичу не удалось восстановить спокойствие на севере. Пока князь боролся с архиепископом Антонием (и всё же заставил его уйти в Хутынский монастырь), распропагандированная против Руси емь собирала силы. В июле 1228 г. очень сильное финское войско — более двух тысяч воинов — на лодках вышло воевать на Ладожское озеро. В Новгород весть о нашествии пришла 1 августа ("на Спасов день"). На этот раз в поход заторопились сами новгородцы: Ладога лежала в центре их владений.

Но пока они во главе с Ярославом гребли в больших ладьях-насадах по р. Волхову, посадник стоявшей в её низовьях крепости Ладоги Володислав атаковал пришельцев силами ладожан и гарнизона. Ладожские ладьи настигли врага на восточном берегу озера, у Олонца. Жестокая сеча на воде никому не принесла победы. Русские отступили на островок, а емь — на берег, где уже было собрано много пленных. Не желая повторять столь страшный бой, финны просили мира, но посадник с ладожанами его не дал. Емь дрогнула и, изрубив пленных, бежала в леса. Ладожане сожгли их лодки и (видимо, имея на ладьях коней), истребили в преследовании "много пеших".

Тем временем новгородский флот блокировал Неву. Стоя в бездействии, граждане стали искать виновника столь разорительного набега и избрали им знатного новгородца Судимира. Князь уберег его, спрятав у себя на насаде. Тогда, не дожидаясь ладожан, новгородцы ушли восвояси. Однако даже это не позволило еми спастись. Оставшись без плавсредств, они были

настигнуты и разгромлены жившим на левом берегу Невы союзным Новгороду финно-угорским племенем ижора. Последние беглецы были убиты, пытаясь прокрасться через земли такого же союзного Руси племени карела, жившего на правом берегу Невы и севернее Ладоги[56].

В этом рассказе новгородской летописи остаётся загадкой, почему же князь Ярослав, при всём своём воинственном нраве, не бросился с дружиной преследовать кровожадного врага, а ушёл с городским ополчением в Новгород? Дело в том, что ещё более серьёзную опасность он видел не на севере, со стороны шведов, а на западе, со стороны немецких крестоносцев.

Ещё перед походом на Неву, рассказывает летопись, князь с новгородским посадником (главой администрации) Иваном Дмитровичем и тысяцким (командующим войском) Вячеславом собирался посетить Псков. Этот богатый новгородский "пригород" (подчинённый город) на западных рубежах республики имел своё вече и обладал определённой автономией (например, имел право самостоятельно основывать свои "пригороды", вроде Изборска). В последние годы он даже приглашал служилых князей, хотя по традиции должен был управляться посадником, присланным из Новгорода.

В 1228 г. псковичи пошли на раскол государства. Был пущен слух, что князь Ярослав везёт на возах цепи, чтобы заковать в них лучших людей города. Псковичи восстали, затворили ворота и не пустили князя к себе. Ярослав вынужден был вернуться в Новгород и ещё оправдываться перед вечем, что никаких оков не вёз, а на возах у него были дары псковичам: дорогие ткани и овощи…

Удивительно, но новгородцы выслушали жалобы князя, но никак не отреагировали на опаснейшее для целостности республики поведение псковичей! Опаснее им казался князь, который вызвал войско из Переяславля, расположив полки как вокруг своей загородной резиденции Городца (в шатрах), так и в самом Новгороде, в домах. Напрасно Ярослав убеждал горожан, что срочно необходим поход на Ригу. Новгородцев гораздо больше беспокоил рост цен на хлеб, мясо и рыбу, взлетевших, как они полагали, из-за появления княжьего войска (в действительности дороговизна осталась и после ухода войск).

А Ярослав-то оказался прав: за действиями псковичей действительно стояли крестоносцы. Не пустив в город князя с новгородским посадником, псковичи заключили союзный Договор с Ригой, разорвав вассальные отношения с Новгородом. Послав сорок своих знатных мужей в заложники к епископу Альберту, Псков сделал ставку на военную помощь от немцев. Новгородцы и

на это не отреагировали! Напротив, они укоризненно говорили: "Князь нас зовёт на Ригу а хочет идти на Псков", — как будто от республики не отпала важнейшая часть территории, населения и воинских сил.

Псковичи же указали послу Ярослава, что княжеские походы на Колывань (Ревель), Кесь (Венден) и Медвежью голову (Оденпе) к победе не привели, князь серебро взял — да ушёл, а немцы из-за этого многих псковичей убили и пленили. С немцами у них мир, а если князь пойдёт на Псков — будет война насмерть. Новгородцы фактически присоединились к этой позиции, явно внушённой епископом Альбертом: "Мы без своих братьев, псковичей не пойдём на Ригу".

Княжич Александр был свидетелем, как отец долго "нудил", пытаясь переубедить новгородцев. Те наотрез отказывались понимать опасность немецкой экспансии, на этот раз уже прямо затронувшей Русь. "Золотые пояса" делали вид, что не знают, насколько продвинулись крестоносцы благодаря своей политике "разделяй и властвуй", не помнят, что те немецкие города, с которыми они теперь налаживают торговые отношения на Балтике, стоят на славянских или прежде покорных славянам землях.

Конечно, было бы немыслимо штурмовать Псков, но, покончив с Ригой, Новгород лишил бы псковичей самой возможности разорвать с ним союз! Всё было напрасно. Ярослав не сумел поднять новгородцев и был вынужден отпустить свои полки по домам. А тем временем в Пскове сторонники немцев изгнали из города симпатизирующих князю со словами: "вы нам не братья". Терпение Ярослава лопнуло, и он с женой покинул Новгород, оставив в нём сыновей.

В этот момент княжичи Фёдор и Александр и превратились в князей. Но надежда Ярослава и Ростиславы, что новгородцы ухватятся на свою традицию "выкармливания" юных князей и Ярославичи станут в городе "своими", не осуществилась. Наступившая летом дороговизна продолжалась осенью, когда на новгородские земли "нашёл дождь великий и день, и ночь", до начала декабря люди не видели ни единого светлого дня, не смогли ни убрать сено, ни возделать поля.

Горожане начинали голодать и спрашивать: кто виновен в Божьем гневе?! Напрасно владыка Арсений, "муж кроткий и смиренный", молился о ниспослании хорошей погоды. Противная ему группа "золотых поясов" пустила слух, что Бог карает город за то, что владыка купил свой пост у князя. Александр впервые увидел народный бунт, когда архиепископа буквально выбили с Софийского двора пинками, "как злодея пихая за ворота". Прямо с

веча вооружённый народ ринулся громить дворы тысяцкого Вячеслава, Судислава и иных знатных людей, поддерживавших князя Ярослава. У тех, кому удалось бежать, хватали жён, "и бысть мятеж в городе велик".

Тем не менее, Фёдор и Александр остались в Новгороде, чтобы стать свидетелями продолжения народных буйств и стихийных бедствий, во время которых буря даже разнесла знаменитый своей прочностью мост через Волхов. Это была катастрофа, ведь река делила город пополам: Людин и Неревский концы (районы) находились на одном берегу, Словенский и Плотницкий — на другом. На одном берегу — кремль с городской администрацией и Софийский собор с общей казной, на другом — Ярославово дворище с большой торговлей и храм Ивана Великого на Опоках с казной главного торгового объединения, "Ивановского ста".

Сторонники одних и тех же политических группировок были теперь разделены, что не мешало им продолжать буйствовать "со умножением". Голод, и вместе с ним мятеж, день ото дня усиливались. Лишь 20 февраля 1229 г., после того как новгородцы послали Ярославу предложение вернуться и править "на всей воле нашей", юные князья с "дядькой" и тиуном ночью бежали из города.

Утром бояре объявили: "Кто зло держал на Святую Софию, тот и бежал, а мы их не гнали, а казнили свою братью, а князю зла не сотворили никакого… А мы себе князя промыслим". Победившая черниговская партия "золотых поясов" послала за князем Михаилом Всеволодовичем. Хотя смоленский князь, благоволя Ярославу, не пропустил посольство через свои земли, Михаил сумел окольными путями получить приглашение и пробраться в Новгород. Переяславльцы же: князь Ярослав с женой, Фёдор и Александр, — были всерьёз изгнаны.

Глава 2. КАТАСТРОФА

Положение республики к тому времени стало ужасающим. "Был мятеж в городе великий", — сообщает летописец, но ещё больший "мятеж" охватил голодающие земли республики. Прибывший в Новгород князь Михаил первым делом вынужден был освободить от даней на 5 лет всех свободных крестьян-смердов, сбежавших в "чужую землю": исход с поражённой недородом земли стал массовым.

В этих условиях борьба за власть только усиливалась. Черниговской партии "золотых поясов" удалось не только сменить владыку и всех выборных чиновников — сторонников Ярослава, но и задавить "ярославлих любовников" поборами. Большие деньги были собраны и с жителей княжеской резиденции, Городца. Разумеется, повод для поборов был святой: по словам бояр-победителей, средства пошли на строительство нового моста.

А бедствия и народное недовольство лишь усиливались. Даже выполняя всё по воле бояр, Михаил на новгородском столе не усидел. В конце 1230 г. князь ушёл в Чернигов, оставив на престоле своего сына Ростислава, который лишь в этом году "стал" отроком и принял в соборе Святой Софии обряд постригов от утверждённого всё-таки в Киеве архиепископа Серапиона. Имея малолетнего князя с несколькими дружинниками, новгородцы сами отразили большой набег литвы, но справиться с внутренними распрями и экономической катастрофой не смогли. Катастрофа эта была усугублена князем Ярославом.

Стольный град Владимир

Фёдор и Александр наверняка были рады вырваться ил буйного Новгорода, тем более что их путь лежал в столицу Северо-Восточной Руси — светлый град Владимир. Именно туда, в крупнейший торговый центр Поволжья и резиденцию великого князя, поехал князь Ярослав со всей семьёй.

Дорога была невесёлая — отец Александра и Фёдора сильно гневался на своего старшего брата Юрия. Новгородцы сумели убедить его, что Михаил Черниговский, как и в прошлый рал, был призван ими по воле Юрия. Ярослав поверил, что старший брат не желает его усиления за счёт доходов с Новгорода. Легко впадающий в гнев князь поссорил с Юрием грех сыновей своего брата Константина — Василька, Всеволода и Владимира. Пылкие

князья чуть было не собрались воевать с братом и дядей, но Юрий вовремя предложил мир.

По призыву великого князя все его родичи поехали в 1229 г. во Владимир на "княжий снем" (совет). Обильными подарками князьям и их боярам Юрий Всеволодович успокоил начавшуюся было распрю. Его братья и племянники вновь назвали Юрия отцом и господином, "весело отпраздновали Рождество Богородицы" и разъехались по домам[57]. Получив поддержку родни, Ярослав стал готовиться к войне с Михаилом и Новгородом, но в 1230 г. вновь прибыл во Владимир — решать с черниговцами дело миром.

На этот раз в столицу Северо-Восточной Руси призвал князей митрополит Киевский и всея Руси Кирилл. Напрасно поставленный новгородцами на место архиепископа Спиридон искал святейшего в Киеве: тот лично прибыл во Владимир, где решалась судьба Руси. С собою Кирилл взял черниговского епископа Порфирия и самого "виновника" княжей распри — Михаила Всеволодовича Черниговского. Мы не знаем, сам ли Кирилл решил помирить главные княжеские дома Руси или его побудил киевский князь Владимир Рюрикович, лично прибывший во Владимир со своей дочерью, которую выдал за сына Юрия, Всеволода. Князья окончательно помирились и решили из-за Новгорода не воевать.

Пока взрослые были захвачены суматохой пиров и приёмов, отроки Фёдор и Александр могли насладиться красотой и величием града Владимира. Окружённый высокими земляными валами и дубовыми стенами город высился над рекой Клязьмой, золотясь шатрами над семью огромными каменными воротами, сияя золотыми куполами соборов и десяткой церквей. В отличие от сурового воинского Переяславля и по-купечески приземистого, утилитарного Новгорода, великокняжеский город поражал современников вызывающей пышностью убранства.

Въезжая по мощёной дороге через Золотые ворота, всадник попадал на длиннейшую, в несколько тысяч шагов главную улицу, проходящую насквозь три линии стен и башен Владимира. Из Нового (всего-то менее столетия построенного) города юные князья через Торговые ворота попадали в древний город Мономаха, над которым высился на холме мощный Детинец с двумя красивейшими на Руси соборами: Успенским и Дмитровским.

Споря с Киевом и Черниговом, великие князья владимирские постарались сделать пятикупольный Успенский собор самым большим и изящным на православном севере. Но могучий и удивительно стройный Дмитровский собор поражал увидевшего

его наповал: его белокаменные стены были, как ковром, покрыты красивейшей резьбой. С первого взгляда бросались в глаза выступающие из стен добродушные, чуть ли не улыбающиеся львы, изумительной грации грифоны, чудные деревья, кажется, оживающие в камне.

Золотые ворота во Владимире. Современный вид

Приглядевшись, Фёдор и Александр видели среди рельефов своего любимого героя Александра Македонского, возносящего с собою на небо маленьких львов. Конечно же, княгиня Ростислава обратила внимание сыновей на портрет великого князя Всеволода Большое Гнездо, восседающего на троне, у подножия которого стоят его сыновья, в том числе их отец — Ярослав, одетый, как и мальчики, в короткий, до колен, узорчатый кафтанчик.

Дивный собор как бы продолжался в сторону великокняжеского двора двухэтажным каменным дворцом с башней. А сам двор, занимавший немалую часть Детинца, был наполнен сказочными резными и расписными теремами, соединёнными сенями, галереями и гульбищами, построенными на уровне разных этажей. Мы не можем описать внутреннего убранства этого комплекса дворцов, — они не сохранились. Но всё, чем богата была Русь, чем наполнены ныне музеи — золотая филигрань, зернь и скань, драгоценные каменья и дивное шитьё, — всё здесь было. В интерьере использовались ковры и ткани из Византии, Средней Азии и Китая, лучшее оружие, резная мебель, яркие изразцы, многоцветно расписанная глазурованная посуда и самое тонкое узорочье, какое только можно было на свете сыскать.

С высоких переходов и дворцовых галерей было видно, что с противоположной от торговой стороны город Мономаха продолжался ещё на огромное расстояние. Пройдя через Ивановские ворота, путник попадал в длинный-предлинный Ветчаный город, вытянувшийся, в обрамлении могучих стен, в

треугольнике между реками Клязьмой и Лыбедью. В самом его конце, на острие городских укреплений высились белокаменные Серебряные ворота, через которые торная дорога уходила на великокняжескую резиденцию Боголюбове и в богатый торговый град Суздаль.

Как и Великий Новгород, Владимир был переполнен высокими домами бояр и ведущих заморскую торговлю купцов. Но все они, вместо того чтобы бунтовать, верно служили великому князю, получая от него привилегии и вотчины, возможность успешно воевать и выгодно торговать. Здешний владыка ставился по воле князя, а священники во множестве приходских церквей учили православный люд чтить земную власть, данную князю от Бога. Во Владимире юный Александр нашёл идеал княжеской власти и подчинённого ей общества.

* * *

Оставленный Михаилом Черниговским, отказавшимся прислать на помощь дружину, Великий Новгород не смог противостоять Ярославу, взявшему Волок Ламский и перерезавшему торговые пути на Смоленск, Чернигов и в Понизовье (как новгородцы звали Владимиро-Суздальскую Русь). На земле продолжался недород; без подвоза продовольствия из плодородных районов Руси голод принял воистину ужасающие размеры.

Новгородский летописец пономарь Тимофей связал 1230 г. с катастрофами. Знамением Божьим, ниспосланным людям для покаяния, представлялось ему и землетрясение, и солнечное затмение. Но ещё более затмил ись, не имея воздержателя в лице малолетнего князя Ростислава, умы граждан республики.

Как происходили распри, заканчивавшиеся нередко погромами и кровопролитием? Да очень просто — так же, как в других республиках, например во Флоренции. Знатный новгородец Степан Твердиславич был в неладах с посадником Внездом Воловиком. Вот ребята ("паробки") Водивика, встретив на улице, и побили Ивана Тимошкинца — известного сторонника Степана. Это было в городе; одновременно люди посадника побили кого-то из партии Степана на Городце. Твердиславич принял эти обиды как объявление войны. Наутро он собрал своих сторонников на вече на Ярославовом дворе (на другую сторону Волхова, в кремль, где обычно проходило вече, он людей вести не рискнул). Толпа новгородских мужей поддержала обвинения Степана против посадника. Прямо с веча люди ринулись на двор

Воловика и разграбили его.

Тогда уже посадник собрал вече и поднял "весь город" на сторонников Твердиславича. Участники разграбления его двора были обвинены; один, признанный виновным в попытке поджечь двор Внезда Воловика, был прямо на вече убит, дворы других разграбили. Из обвинённых Яким Влункович бежал к князю Ярославу, — отсюда мы узнаём, что распря Твердиславича с Воловиком имела политическую подоплёку: борьбу сторонников князя Ярослава с "черниговцами". С других вдобавок взяли штрафы. А злосчастный Иван Тимошкинец, с которого началась распря, был пойман Внездом и утоплен в Волхове.

Это "беззаконие, и братоненавидение, и непокорность друг к другу, и зависть, и лживые клятвы на кресте" были нестерпимы пономарю Тимофею. "Кого и ангелы не могут видеть многоочие — крыльями закрываются, — образно писал летописец, — того мы, в руках держа (т. е. обнимая. — *Авт.),* в осквернённые уста целуем"! За это и Бог нас наказал, и сами мы "без милости растеряли свою власть, и стала она пуста". Действительно, действия властей Новгорода в страшные неурожайные года вызывают, мягко говоря, недоумение.

Недород и голод, особенно на севере Руси, в полосе неустойчивого земледелия, были не в диковинку. В среднем летописи описывают голод раз в восемь лет. Народ страдал, но, судя по тому, что население быстро росло, с голодом всё-таки умели бороться, например внешними закупками. Для новгородских заморских купцов-гостей, имевших свои торговые дворы в больших городах по всей Балтике, крупные торговые операции были вполне обычным делом. С немцами и датчанами, окопавшимися поблизости, в Риге и Дерпте, был мир, а с немцами и датчанами дальними он вообще не нарушался. И, тем не менее, сведений о подвозе зерна гостями в летописи нет! Гостей пономарь Тимофей упоминает лишь в одном контексте: отцы и матери отдавали им своих детей "ис хлеба", т. е. продавали в рабство за еду.

Только люди, никогда не переживавшие "экономических кризисов", скажут, что им незнакома такая картина событий. Вместо того, чтобы бороться с голодом, ввозя зерно, богатейшие купцы республики взвинчивали на него цены, заставляя не столь богатых людей распродавать всё своё имущество: дома, лавки, мастерские. Уже в сентябре кадь (бочка, вмещавшая несколько пудов) ржи стоила 20 гривен, пшеницы — 40 гривен (16 кг 380 г серебра), пшена — 50, а овса — 13 гривен (всего-то около 5 кг 300 г серебра)[58]. Результат был предсказуем. "Золотые пояса" Новгорода перерубили сук, на котором сидели. Зачем им были

чужие дома, лавки и мастерские, в которых некому стало жить и работать, внося арендную плату новым хозяевам?

"И разошелся град наш и волость наша" и полны были чужие города и страны братии нашей и сестёр" а остаток начал вымирать", — пишет Тимофей. Мёртвые лежали на улицах, псы поедали младенцев. Архиепископ Спиридон, вместо того чтобы побудить власти использовать хранимые им богатства города для борьбы с голодом, а многочисленные и экономически сильные монастыри — поделиться своими запасами с голодающими, нашел смиренного мужа Станилу, который на своём коне даром стаскивал мертвецов в большую яму-скудельницу между Чудинцевой и аристократической Прусской улицами.

Предвидя восстание, посадник Внезд Водовик ушёл с малолетним князем Ростиславом в Торжок. Сторонники Ярослава из "золотых поясов", естественно, направили гнев народа на "черниговскую партию". Её глава Семён Борисович (бывший посадник) был убит, его двор и сёла разграблены, жена арестована. Затем разгрому подверглись дворы посадника, тысяцкого и их родни. Новым посадником был избран (как вы уже догадались) Степан Твердиславич, тысяцким — Никита Петрилович (тоже сторонник Ярослава). Княжичу Ростиславу с издёвкой "указали путь" в Чернигов, куда бежали сторонники его партии. Их имущество новые власти разделили по сотням — корпорациям граждан. 30 декабря получивший приглашение на "стол" Ярослав "вборзе" прискакал в Новгород, принял власть и уже через две недели уехал.

Княжить в Новгороде остались Фёдор и Александр. Они наблюдали, как знатные новгородцы меняли церковную власть, а бедные — "простая чадь" — "резали людей живых и ели; а иные мёртвых мясо и трупы обрезая ели, а другие конину, псину, кошек". Таких юные князья приказывали казнить: жечь, сечь и вешать. Ничего не грозило тем, кто пытался есть мох, сосну, липовую кору и листья. Не могли справиться князья и с толпами, поджигавшими и грабившими дома, в которых, по слухам, имелись запасы ржи.

Не сумевшие добыть пищу хотя бы грабежом валялись на улицах мёртвыми. Трупами заполнили вторую, а за ней третью скудельницу, но не могли похоронить всех. Люди ожесточились. "Брат не жалел брата, отец сына, мать дочери, сосед соседу не уламывал хлеба. Не было милости между нами, — пишет Тимофей, — но была туга и печаль, на улице скорбь друг с другом, тома — тоска, зряще детей, плачущих хлеба, а других — умирающих".

Летописец понимал, что князья Фёдор и Александр не

виноваты в этом страшном торжестве голода: "Это же горе было не в одной нашей земле, но во всей области Русской, кроме Киева одного". Лишь весной 1231 г., когда по Новгороду, вдобавок ко всем бедам, прокатился страшный пожар ("казалось, по воде огонь горел, ходя через весь Волхов"), наступило облегчение. Эту фразу летописца я процитирую в оригинале, ибо она, при всей своей неожиданности, того заслуживает:

"Того же лета откры Бог милосердие своё на нас, грешных, сотвори милость свою вскоре: прибегоша немци и(з) замория с житом и мукою, и сотвориша много добра; а уже бяше при конци город сей"[59].

Короче говоря, немцы из сотрудничавших с Новгородом торговых городов, вроде Любека, привезли продовольствие тем, кто, будучи богаче и имея более сильный флот, не пожелал обеспечить собственный город! Аналогичная ситуация сложилась и в Пскове, "был глад зол гю всей земле, какого никогда не было", — сообщил местный летописец с ужасающими подробностями, не упомянув при том никаких мер городских гостей и властей по борьбе с бедствием…[60]

Зато отец князей Фёдора и Александра сумел обеспечить продовольствием свою дружину. Той же осенью 1231 г.[61], Ярослав не повернул с дороги, как старший брат, а тщательно занялся полями противника, "истратив обилия много". Учитывая, какой ценностью в тот год был хлеб, надо полагать, что Ярослав Всеволодович, не вступая в бой, просто собирал вражеский урожай.

Черниговские князья не пошли ответной войной в голодный северо-восточный край, но в 1232 г. нанесли хитро задуманный удар по источнику денежных доходов Ярослава. Давно уже они выкармливали у себя новгородских бояр-изгнанников, рассчитывая взять реванш в республике. Правда, бывший посадник Внезд Водовик не дожил до этого и умер в изгнании в Чернигове. Но его бояре и родичи во главе с бывшим тысяцким Борисом Негочевичем слали с юга шпионов и плели в Новгороде, при юных князьях, хитрую интригу, чтобы вернуться и вновь взять власть.

Внезапный набег отряда пяти бояр-изгнанников на Новгород провалился. Трубчевский князь Святослав, которого они сманили с собой, обещав "стол" в Новгороде, ещё на подступах к городу повернул и ушёл с дружиной назад, получив известия, что власть князей Фёдора и Александра не так слаба, как ему рассказывали (вместо Новгорода он с полоцким войском позже "взял на щит" чуть менее богатый Смоленск). Действительно, молодые князья пользовались поддержкой новгородцев, хотя и заговор имел

глубокие корни. В Новгороде в те дни "был мятеж велик". Однако сторонники Ярослава и его дружинники, оставленные при сыновьях, сумели восстановить контроль над городом.

Не сумев "вскочить" в Новгород и потеряв дружину Святослава, изгнанники со своими воинами "вогнали" в Псков и схватили там Вячеслава, наместника Ярослава. Тот оправдал свое отчество (или прозвище) Гориславич, надолго оказавшись в заточении. Напрасно примчавшийся из Переяславля на помощь сыновьям князь Ярослав требовал у псковичей: "мужа моего отпустите, а тем (новгородским боярам-изгнанникам. — *Авт.)* путь покажите прочь, откуда пришли"[62]. Псковичи встали за бояр крепко.

Ярослав, переволновавшийся за сыновей, пошёл на редкий, но не беспрецедентный на Руси шаг: захватил жен и товары бояр-изгнанников. (То, что их семьи и бизнес до этого не пострадали, многое говорит нам о нравах в республике.) Ситуации это не изменило. Александр Ярославин вновь получил урок от отца: вместо того чтобы идти на Псков войной, Ярослав запретил купцам с ним торговать. Когда цены на соль в Пскове взлетели до небес (она ввозилась из новгородских и владимиро-суздальских земель), противоборствующие стороны вернулись к тому, с чего начали: псковичи отпустили наместника Вячеслава, а Ярослав — семьи изгнанников.

После года противостояния псковичи, посовещавшись, решили покориться князю и просили себе на "стол" его старшего сына Фёдора. Тем самым они хотели показать Новгороду свою независимость от республики и чуть ли не равенство с нею. Ярослав дал им в наместники своего шурина князя Юрия: ни обидеть новгородцев, ни тем более рисковать своим любимым первенцем, своей надеждой, он не желал.

Псков покорился, однако победа не была полной. Новгородские изгнанники и их сторонники из местных бояр ушли со своими семьями к немцам, в орденскую крепость Медвежья голова (Одение). А вскоре, 5 июня 1233 г., умер юный князь Фёдор Ярославич.

Для семьи Ярослава и Ростиславы это было страшным ударом. 13-летний Фёдор уже показал свой "возраст", участвуя в походе отца и родни на мордву, и готовился к свадьбе с юной княжной Евфросинией, дочерью князя Михаила Всеволодовича Черниговского. Этим браком родители мечтали не только утвердить мир со старыми соперниками черниговцами, но и возвысить свою ветвь рода Всеволода Большое Гнездо над сородичами.

Несчастье было не только семейным: оно опечалило многих

на Руси. "И кто не пожалеет о сём, — писал новгородский летописец, — свадьба пристроена, меды сварены, невеста приведена, князья позваны — и были вместо веселья плач и сетования"[63]. Юный Фёдор был похоронен в Юрьевском монастыре Великого Новгорода и со временем причислен к лику святых. Тело его было найдено нетленным и положено святыми мощами поверх земли в Рождество-Богородицком приделе новгородского Софийского собора в 1614 г. Память святого князя празднуется 5 (18) июня. Ещё более прославлена Церковью его невеста Евфросиния.

Святая Евфросиния Суздальская

12-летняя невеста скоропостижно скончавшегося князя Фёдора испытала страшное потрясение. Она приняла постриг в женском монастыре прямо в Суздале, куда приехала на свадьбу. Отказаться от радостей светской жизни юной и хорошо образованной девушке, превосходящей своих сверстниц в красоте, было нелегко. Отец, святой князь Михаил Всеволодович Черниговский, и наставник княжны боярин Фёдор, преподали ей не только Священное Писание. В Житии Евфросинии монах суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Григорий передал дошедшие до него предания о великой любви княжны к книгам. "Она познала все книги Вергилия и витийски (других поэтов. — *Авт.),* сведуща была в книгах Эскулапа и Галена, Аристотеля, и Гомера, и Платона".

Не удивительно, что, по рассказу Жития, Евфросиния много лет выдерживала жестокую борьбу с искушениями; она постоянно терпела нападения бесов и молилась о своём укреплении в этой "брани" (войне). Игуменья, которой жаловалась святая дева, сказала ей: "Без нападения врага не было бы твердых воинов царских, и Господь попускает любящим Его терпеть искушения, дабы явились добродетели их". Свои знания Евфросиния несла на благо людям. Она успешно занималась врачеванием, сначала сестёр, а когда на Русь накатил мор, — всех принимаемых в обители больных тяжкими недугами. Легенды ходили о чудесных исцелениях неизлечимых больных от её рук.

Евфросиния не занимала начальственной должности в обители, но своей жизнью и подвигами она так возвысила ее значение, что обитель стала лучшим женским монастырем на Руси. С годами святая отказалась от принятого с момента пострижения безмолвия. Сестры ее почитали, а игуменья обращалась за советом. По предложению святой монастырь был

разделён на две половины: девичью и вдовью. Суздальские жены посещали церковь Троицы на половине вдов, а девицы — главную монастырскую Ризоположенскую церковь на половине дев.

По всей Руси прошла молва о мудрости Евфросинии. Люди приходили из дальних мест послушать её поучения о любви, молитве, послушании и смирении. Полагают, что она обладала даром пророчества. Она предсказала разорение Суздаля и мученическую смерть отца в Орде. Передавали, что преподобная видела двух ангелов, охранявших обитель с натянутыми луками в руках. Они сказали, что инокини, которые будут искать спасения вне стен обители, или вернутся в нее, или пострадают. Когда в 1238 году воины Батыя опустошили Суздаль, Евфросиния с сестрами дни и ночи молилась о спасении обители. Предание гласит, что враги не смогли подойти к монастырю, а Батый узнав об этом, пытался с холма разглядеть святую обитель, но та сокрылась от него.

Когда отец отправлялся в Орду, где его ждало мученичество. Евфросиния в письме к нему просила твердо стоять за веру, "… не склоняться на волю цареву" и слушаться боярина Феодора, "философа из философов". В день казни отца и боярина Феодора 20 сентября 1346 года оба в видении предстали перед ней, поведали о своей кончине и благодарили за молитвенную помощь в смертный час.

После смерти отца святая облеклась в рубище и много дней провела в посте и молитве. Один из граждан Суздаля удивился, узрев ее ветхое одеяние. Евфросиния сказала: "Рыба на морозе, засыпанная снегом, не портится и не воняет, и даже становится вкусна. Так и мы иноки, если переносим холод, становимся крепче и будем приятны Христу в жизни нетленной".

Ровно 17 лет, до своей кончины 25 сентября 1250 г., несла Евфросиния монашеский подвиг. Житие сохранило одно из наставлений святой: "Счастлив дом, в котором господа благочестивые, счастлив корабль, который управляется искусным кормчим, блажей и монастырь, в котором обитают воздержанные иноки. Но горе дому, в котором обитают нечестивые господа; горе кораблю, на котором нет искусного кормчего; горе монастырю, на котором нет воздержания; дом обнищает, корабль разобьется, а монастырь опустеет. Ты же, боголюбезный человек, твори милостыню, прежде всего домашним слугам твоим, и если хочешь дать от щедрот твоих нам в монастырь, то пришли только деревянного масла, свечей и ладану. Этого нам достаточно!"[64].

* * *

Князю Фёдору не суждено было стать искусным кормчим Северо-Восточной Руси. Но у Ярослава был ещё Александр. Теперь все надежды отца были на него. Вернувшись с несчастной свадьбы в Новгород, 12-летний князь (по возрасту он был уже готов к военному походу) подоспел к началу необъявленной пока войны с немцами. Вместе с рыцарями Ордена новгородские изгнанники Борис Негочевич со товарищи и сын беглого псковского князя Владимира Ярослав внезапно атаковали Изборск. Обманом эта пограничная крепость была захвачена. Но псковичи во главе с посадником Ярослава отбили Изборск, много немцев и изменников порубили, а князя и часть бояр взяли в плен и отправили в заточение в Переяславль.

Озлобленные неудачей, немцы перестали скрываться за новгородско-псковскими "диссидентами". Крестоносцы напали на Тесов в земле новгородской, захватили знатного человека Кирилла Синкинича и держали его в оковах в Медвежьей голове. Сильной дружины у Александра ещё не было: пришлось звать на помощь отца с переяславльскими полками.

Зимой 1234 г. войско Ярослава расположилось в Новгороде. К нему присоединились ополчения республики из города и всей области. Сила, в рядах которой выступил со своей молодой дружиной Александр, двинулась на Юрьев — резиденцию епископа, который, как справедливо полагали на Руси, руководил атаками крестоносцев. Целью русского похода было нанести немцам экономический ущерб, который заставил бы епископа отказаться от враждебных действий.

Став лагерем у Юрьева, Ярослав распустил часть войск "в зажитие воевать"; проще говоря — грабить и уничтожать имущество противника. Епископские рыцари из Юрьева и орденские братья из Медвежьей головы этого вынести не смогли. Покинув крепости, немцы атаковали русские сторожевые посты и гнали их до самого лагеря князя. Русские полки были наготове и ударили навстречу врагу.

По сигналу боевых труб и литавр блистающая сталью стена русских всадников ударила в бока лошадей шпорами и с места, одним прыжком выслала их в галоп[65]. Первыми, на лучших конях, во главе своих дружин скакали под знамёнами с золотыми львами великого княжества Владимирского князья Ярослав и Александр, наставив длинные копья и прижав к плечу и колену ярко расписанные щиты. Мы не знаем, какой именно знак видели немцы в последние мгновения своей жизни на щите Александра. Но, скорее всего, это было изображение его патронального снятого Феодора Стратилата, которое он потом использовал на своих печатях.

Впервые Александр не в учении, а на поле боя нанёс противнику таранный удар копьём. Отвыкшая и землях язычников от правильного копейного боя рыцарская кавалерия была смята; выбитые из седел, но еще живые всадники растоптаны лапиной русских дружинников, за которой поспешала подобрать и пленить выживших новгородская пехота. Уцелевшие рыцари, сержанты и кнехты в беспорядке скакали прочь, до реки Омовжи (Эмайыги); немалая их часть в попытке спастись от русской конницы вылетела на хрупкий весенний лёд.

С глубоким сожалением смотрели Ярослав и Александр на проваливающихся с конями под лёд и бесславно тонущих рыцарей. Князьям не в радость была такая гибель людей, тем более их собратьев-воинов. Подобрав несколько своих павших дружинников и завершив разорение окрестностей Юрьева, князья двинулись восвояси с радостными новгородцами, не потерявшими ни одного человека.

Немцы "поклонились" князю Ярославу, а он "взял с ними мир на всей правде своей"[66]. Со времён С.М. Соловьёва историки понимают это так, что именно в результате похода 1234 г. Ярослав выговорил для себя и потомков своих Юрьевскую дань, которую немцы платили князьям как арендаторы эстонских земель их законным владельцам, русским, и за невыплату которой царь Иван Грозный потребовал Ливонию назад[67].

Едва успел Ярослав, прозорливо решивший задержаться в Новгороде и помочь сыну, отпустить большие полки в Переяславль, как на владения республики налетела литва. Лихие конники внезапно атаковали Старую Руссу и влетели через укреплённый посад до самого торга. Но рушане, как называет жителей Руссы летописец, были тертыми калачами. Гарнизон во главе с княжеским наместником, Ярославов управитель-огнищанин с помощниками-гриднями, купцы и гости немедля схватили оружие и выбили врага из посада в паче. В полевом сражении враг был отброшен, но рушане потеряли четырёх знатных горожан, в том числе попа Петрилу.

По этим вестям Александр вместе с отцом вскочил на коня и бросился вдогон литве, послав городское ополчение на ладьях по р. Ловати. В пути пехоту пришлось отпустить — новгородцы в спешке не взяли необходимых запасов еды. (Я тоже удивляюсь, но, по крайней мере, такова была их официальная версия.) Княжеская и новгородская конница настигла лёгких и неуловимых литовских всадников в Торопецкой волости у селения Дубровны. Здесь, в 120 км от Старой Руссы, произошёл решительный бой.

Александр увидел в деле иную тактику боевых действий,

отразившуюся, между прочим, и в двойственности русского вооружения. Нагнать и навязать бой лёгкой кавалерии литовцев в полном доспехе для таранного удара было невозможно. Ни двойная броня, ни тяжелые шлемы с личинами, весом в 3 кг и более, для такого стремительного преследования не были предназначены. Дружинники в кольчугах и шлемах с открытыми лицами применяли в высокоманёвренном бою лёгкие копья и мечи (существовавшие на Руси наравне с тяжёлыми), луки и метательные копья-сулицы.

В сече русские воины не имели явного преимущества, но "тут помог Бог, и крест честной, и святая София Премудрость Божия". Язычники были наголову разбиты. Немногие спасшиеся с поля боя бежали в леса, побросав добычу, защитное вооружение, щиты, совни (копья с рубящим наконечником) "и всё с себя", даже 300 своих коней! О жестокости сражения говорит то, что среди новгородцев было убито десять знатных мужей, в том числе тысяцкий, Гавриил щитник, Нежила серебряник и др. Среди павших новгородцев летописец записал имя Федора Ума, "княжа децка", т. е. воспитателя княжих детей. Это говорит о том, что новгородцы наконец признали семью Ярослава "своей", настолько, что ближайший к Александру дружинник оплакан ими вместе с согражданами[68].

В 1235 г., по словам новгородского летописца, на нашу землю была наведена дьяволом новая беда: восстала "крамола между русскими князьями". А владимиро-суздальский летописец отметил этот год по-другому: "мирно было"[69]. Мирно было в Северо-Восточной Руси, но новгородцы и князь Александр смотрели гораздо дальше на юг, где земля опустошалась раздорами.

Ещё за год до этого Михаил Черниговский пошёл войной на Киев. Отразив нападение, князь Владимир Рюрикович с киевлянами и доблестный князь Даниил Романович (который станет вскоре антагонистом Александра) с галичанами ринулись разорять Черниговское княжество. Они опустошили много сёл, взяли на р. Десне несколько городов. Враги уже били тараном во врата Чернигова и метали в него из камнемёта ядра, каждое из которых могли поднять лишь четверо сильных мужчин. Михаил Черниговский, как считает новгородский летописец, обманно заключил с соперниками мир.

На обратном пути к Киеву изнемогшее от долгих грабежей и насилий войско Владимира и Даниила было атаковано у Торческа дружиной князя Изяслава с наёмными половцами. Хотя последние исчезли с карты как политическая сила, половецкие всадники всё ещё оставались отличными воинами. В жестокой

сече Даниил Галицкий копьём и мечом гнал половцев, пока под ним не убили гнедого коня. Его войско бежало, сам князь едва утёк в Галич.

Войска Изяслава и Михаила Черниговского взяли и опустошили Киев; князь Владимир и его жена попали в половецкий плен; для выкупа они должны были занимать денег у немцев. Михаил стал княжить в Галиче, а Владимир — в Киеве, Но их кровавая власть была недолгой. В 1236 г. на Киев двинулся с низовыми и новгородскими полками Ярослав, отец Александра. Он взял город и одарил из богатой добычи новгородцев[70].

По Руси гуляли наёмники-половцы. Её грабили союзные князья, венгры и поляки. А князья продолжали неистово биться друг с другом, опустошая землю ещё хуже, чем иноземцы. В 1237 г., после новых битв и разорений, Михаил Черниговский изгнал из Киева Ярослава, а в Галиче посадил своего сына Ростислава. Татары уже шли на Русь, и когда дошли — обнаружили её в развалинах, вымоpенную голодом, с истреблёнными в усобицах княжьими дружинами и озлобленным до предела народом.

Святой князь Александр был свидетелем этой катастрофы, но тогда ещё не имел сил и не знал, что можно сделать для спасения Руси.

Глава 3. НАШЕСТВИЕ

Князья учинили усобицу на фоне признаков надвигавшейся погибели, по сравнению с которой бледнел даже случившийся недавно страшный голод. Безвестно ушедшие в 1223 г. на восток татары никуда не пропали: их войска продолжали завоёвывать, а чиновники — строить величайшую в средневековом мире империю. В 1227 г. Чингисхан, умирая, оставил наследникам хорошо организованное государство с налаженными путями сообщения, протянувшееся через центральную часть Азии от Тихого океана до Каспия и от Афганистана до средней части Сибири.

Дисциплинированное и мобильное профессиональное воинство во главе с опытными и авторитетными командирами, организованный тыл, отличная разведка и чёткое стратегическое планирование — всё это было на стороне татар и напрочь отсутствовало в Европе. Хотя объединённые европейские войска могли многократно превзойти татар численностью и качеством вооружений, владыки и воинства небольшой западной оконечности Евразии напоминали стайку капризно ссорящихся детей перед лавиной татарской конницы.

Шпионы монголо-татар с любопытством наблюдали, как под угрозой нашествия русские князья продолжают колошматить друг-друга. Они уже знали по богатому опыту, что народы, гордящиеся своей цивилизованностью, не могут противостоять натиску значительно меньших по численности, но хорошо организованных кочевников.

В Орде почти каждый мужчина был воином, один конный скотовод почти в любом деле мог заменить другого. Глубокое разделение труда в богатых странах, подлежащих завоеванию и ограблению, сделало военное дело профессией незначительного меньшинства населения. Сравнительно малочисленные дружины местных владык временами могли превосходить монголо-татар своим оружием и выучкой, но не настолько, чтобы надеяться на победу над значительно большим количеством воинов. К тому же те, кому суждено было стать добычей завоевателей, никогда не объединяли сил, чтобы выставить сколько-нибудь приличное случаю войско.

Непобедимая Орда

В отличие от земледельцев, способных прокормить

профессиональное войско, но мало склонных покидать свои поля, конные скотоводы легко соединялись и перемещались большими массами. Со времен расселения индоевропейцев их завоевания потрясали мир. Много измышлено причин, заставлявших конные орды мчаться по свету, уничтожая все на своем пути. Но на деле тайны в монголо-татарском нашествии не больше, чем в возникновении лавины в горах.

Кочевники так же от природы склонны сталкиваться с соседями, как камень — падать и задевать другие. Необходимо лишь, чтобы среди множества неудачливых вождей нашелся лидер, способный объединить племена в силу, которая увлечет за собой скотоводов-соседей и вырвется за пределы кочевий, круша все, что способна сокрушить. Когда в 1206 г. некий Темучин был провозглашен всемонгольским владыкой под именем Чингисхана, племена кочевников получили организатора, сковавшего их железной дисциплиной.

Способные носить оружие мужчины были объединены в десятки, десятки — в сотни, сотни — в тысячи, тысячи — в тумены ("тьмы", т. е. 10 тыс.). Круговая порука (если из боя бежал один, казнили десяток, не выполнил приказ десяток, казнили сотню) и жесточайшие наказания за малейшее неповиновение превратили племена в дисциплинированную армию. Монголо-татарское войско было сильно единством. У воинов была одна цель — победа, одна семья — свой отряд. Подчиняясь суровой дисциплине, кочевники-воины получали возможность покорять и грабить всех, кто оказался слабее, и с каждым походом увеличивать численность войска за счет присоединенных племен.

Чингисхан. Китайский портрет на шелке

Монголы и татары подчинили бурят, якутов, ойратов, киргизов и уйгуров. После этого они хлынули в Северный Китай, где облачились в шелка и сталь. В Среднюю Азию, во владения

хорезмшахов, вторглось уже 15–20 туменов воинов с саблями, копьями и луками, в металлических и кожаных латах, надежно защищавших всадников и коней. В распоряжении Чингисхана были лучшие мастера и самая совершенная по тем временам техника для взятия крепостей: разбивающие ворота и стены тараны, мечущие огромные камни и стрелы баллисты и катапульты, передвижные башни, с которых удобно было расстреливать защитников, и т. п.

Двукратно превосходившие монголо-татар силы владыки Хорезма были рассредоточены по городам и провинциям. Подлежащие порабощению государства Средней Азии и Закавказья не прекращали враждовать между собой. Ненавистные кочевникам города и крепости Чингисхан разрушал, всех, кто мог представлять опасность или был бесполезен, истреблял. Потери завоевателей с лихвой восполнялись отличными конниками из покоренных народов. В столицу Чингисхана Каракорум была угнана целая армия ремесленников из Самарканда, Бухары, Ургенча, Ходжента, Мерва, Нахичевани, Шемахи, Тебриза, Тбилиси и множества других, некогда богатых и славных городов.

Чингисхан заботился, чтобы его армия не потонула в непривычной роскоши. Даже когда в распоряжении татар оказались лучшие ремесленники от Китая до Кавказа и Персидского залива, степные воины по-прежнему носили традиционные в Степи (и на Руси) доспехи из перекрывающих друг друга металлических пластинок, связанных ремешками. В отличие от кольчуг и другой хитрой среднеазиатской брони, такие доспехи мог починить каждый воин. Города, взятые татарами, археологи узнают по грубым кованым наконечникам стрел, трехлопастным или игловидным (для пробивания кольчуг). Благодаря своей простоте они изготовлялись в немыслимых количествах и часто даже не подбирались победителями.

Но дикая сила завоевателей не была подавляющей, и победа далеко не всегда им сопутствовала. Упорно сражался с татарами Тимур-мелик, один из хорезмских воевод. Много лет изводил их отважный и жестокий наследник хорезмшахов султан Джелал-ад-Дин. Грузины и армяне, объединившись, сумели отбиться от завоевателей. Даже отдельным крепостям, например Шамхору и Баку, удавалось выстоять против татар и избежать разгрома.

Военачальники Чингисхана, умело используя ужас, бежавший впереди их коней, изображали себя непобедимыми. Но они прекрасно понимали ограниченность своих сил, не спешили ломить стеной без разведки, предпочитая победить хитростью и поберечь воинов, связанных не только своим отрядом, но и кровным родством. Если в дружине павший воин был просто

товарищем, в городском ополчении — соседом, то у татар он был родичем, часто очень близким. Потеря даже одного бойца ощущалась намного острее. Поэтому командиры были готовы на всё, чтобы избежать потерь.

Представления, будто татары воевали, заваливая поля сражений своими бесчисленными телами — просто вздор. Случалось, они гнали на убой толпы людей из покорённых народов, но мысль подставить под удар хоть одного своего воина показалась бы им крамольной. Как и на Руси, девизом татар была победа без своих потерь.

Основу военной доктрины Орды описал летописец, рассказавший, что произошло, когда войско Джэбэ и Субэдэя, огнем и мечем пройдя через Иран и Закавказье, тайными тропами обошло укрепления Дербента и внезапно появилось в верховьях Кубани. Жившие там аланы (предки осетин) и половцы объединились и не давали врагам спуску. Тогда Джэбэ и Субэдэй послали сказать половцам: "Мы и вы — один народ и одного племени, аланы же нам чужие; мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга, и дадим вам столько золота и платья, столько душа пожелает, только предоставьте алан нам".

Половецкие ханы взяли сокровища, татары жестоко расправились с аланами, а затем взялись за половцев, "убивая всякого, кого находили, и отобрали вдвое больше того, что перед тем дали". По закону Чингисхана Джэбэ и Субэдэй были правы. Половцы убивали татар, то есть показали себя явными врагами и просто не могли остаться безнаказанными. Поэтому к ним была применима любая военная хитрость, в том числе заключение обманного мира.

Вот если бы половцы не воевали с татарами, мир с ними был бы для Джэбэ и Субэдэя свят и нерушим. В Степи друг был другом, союзник — союзником, враг — врагом. А партнёр, например, торговый, оберегался законами так же строго, как свой единоплеменник.

Волжские булгары и русские князья показали себя в 1223 г., как враги. Значит, отмщение им было лишь делом времени. В отличие от переменчивых европейцев, правители Орды нанесённых ей обид никогда не забывали. Это означало, что дни Булгарии и Руси были уже сочтены.

* * *

К 1236 г., когда Александр Ярославич остался полновластным, без помощи отца, князем в Новгороде, на Руси

хорошо знали о приближающейся угрозе.

После смерти Чингисхана татары избрали себе нового владыку, Окту (Угэдэя), и поделили мир на части между ханами, подчинёнными главному хану в Каракоруме. Половецкая степь между реками Яиком (Уралом) и Днепром была отведена внуку Чингисхана Бату (в русских источниках — Батыю). Он стал готовиться к походу на ещё непокорённые народы своего удела-улуса, перенеся ставку в низовья р. Яик.

О намерениях татар стало известно уже из письма, захваченного людьми великого князя Юрия Всеволодовича у монгольских послов к венгерскому королю Беле IV и любезно пересланного адресату. От короля требовали принести покорность хану и выдать бежавших в его королевство половцев. Было очевидно, что татары намерены мстить всем, кто поддержал или поддержит половцев.

В 1229 г. разбитая на Яике булгарская степная стража и половецкие отряды с низовьев Волги принесли вести о грозном движении Орды. Об этом знал составитель Лаврентьевского летописного свода, а значит, знали и князья. Попали в летописи и сведения о боях на границе Волжской Булгарин в 1232 г. Известия о курултае — съезде монгольской знати и военачальников в Каракоруме в 1235 г., когда было принято решение о выделении войск всех улусов для похода на запад, к "последнему морю", в летописи не попали: они хранились в тайне.

Но в 1236-м, когда князья неистово воевали между собой, последствия этого решения стали явными. Орда численностью до 7300 тыс. человек (139 тыс. воинов) переправилась через реку Урал и обрушилась на Волжскую Булгарию. Селения булгар, чувашей, мордвы и буртасов были сметены, население перебито. Масса беглецов была принята великим князем Юрием Всеволодовичем и расселена в русских землях. По поведению князей, продолжавших свои усобицы, нельзя сказать, что столь явное выражение опасности их обеспокоило. Отец Александра в это время брал Киев, а Михаил Черниговский планировал, как его оттуда выбить.

Между тем Орда не отдыхала, а планомерно продвигалась по мордовским и буртасским землям, громя все опорные пункты между Булгарией и Русью[71]. Истреблению подверглись и русские крепости на торговых путях, например Сурское городище (рядом с современной Пензой). Город на 10 тыс. жителей с сильным гарнизоном был, судя по раскопкам археологов, забросан ядрами из легких камнемётов и буквально затоплен дождём стрел, оставленных татарами в земле.

В конце 1237 г. войско хана Бату Великолепного, ведомое

старым и опытным полководцем Чингисхана Субэдэем, подошло к границам Руси. Рязанские князья не захотели отдать врагу десятую часть людей и добра и обратились за помощью к великим князьям Владимирскому и Черниговскому. "Ни один из русских князей не пришел другому на помощь, — гласит летопись, — каждый думал собрать отдельно рать против безбожных". Рязанское войско полегло на границе, столица была уничтожена на шестой день осады: русские города оказались неприспособленными к обороне от передовой военной техники.

Субэдэй разорил все княжество, включая сдавшиеся города, и двинулся к Коломне. Он выбрал удобный путь для перекочевки по льду Оки и Москвы-реки. Ведь Орда жила в походе, влача с собой юрты на колесах с семьями и хозяйством, огромный обоз под запасы и награбленное, гоня стада скота и толпы рабов. Конечно, самые тяжелые грузы, большие стада и часть семей татары оставили в Степи под должной охраной, но всё равно для передвижений Орды требовался относительно ровный путь по льду замёрзших рек.

У Коломны татары уничтожили сторожевой отряд великого князя Юрия Владимирского. Москвичи, оборонявшие свой город во главе с воеводой Филиппом Няньком, были перебиты "от старца до младенца". Затем татары осадили Владимир. Огромный город был в считанные дни окружен тыном и осадными башнями, к укреплениям сделана наклонная, защищённая от стрел насыпь — примёт, а стены его разбиты таранами. Часть жителей, включая семью великого князя, погибла под саблями и в огне, других гнали по снегу голыми и босыми. В этом тоже был смысл: Орде не нужны были рабы, не способные переносить особо высоких и низких температур, характерных для степей.

Отряды Батыя разорили Суздаль, Ростов, Ярославль, Переяславец, Юрьев, Волок Ламский, Дмитров, Тверь, Городец, Галич Мерский и другие города. Ни один из них не был приспособлен для обороны от мощной осадной техники и даже от серьезного штурма. До той поры споры за город решались битвами в поле, в лучшем случае перед главными воротами. Только они и строились из камня, играя роль триумфальной арки для победителя. Метательные машины можно было подводить к стенам чуть ли не вплотную, стрелковые галереи легко разрушались, рвы засыпались и даже клети деревянных стен часто не забивались камнем и глиной, а использовались как кладовые.

Еще более не соответствовало обстоятельствам поведение князей. После гибели рязанских князей и своих сыновей, князь Юрий Владимирский с соратниками под предлогом сбора войск скрылся в укрепленном лагере на р. Сити, в северном углу своих

владений, где они вдавались в земли Великого Новгорода. Ни лет, прошедших с битвы на Калке, ни месяцев с начала нашествия великому князю на подготовку не хватило… Потеряв все, когда монголо-татары уже уходили из сожженного и обезлюдевшего княжества, князь Юрий вступил в бой с гнавшимся за ним отрядом воеводы Бурундая, был окружен и погиб 4 марта 1238 г. После него лишь Мстислав Глебович вступил в схватку с татарами под Черниговом прежде, чем бежать в Венгрию. Более ни один русский князь с оружием в руках в поле перед Батыем не вышел.

"Немилосердно истреблял" неприятеля воспетый в народном сказании отряд Евпатия Коловрата — знатного рязанца, вернувшегося из Чернигова, когда от дома его остался один пепел. Он собрал 1700 таких же отчаявшихся людей, готовых биться "один с тысячей, а два с тьмою", и нагнал врага в Суздальской земле. Воеводы Батыя повернули на Коловрата и были поражены, увидав, что русские способны умирать, не отступая. Окруженные храбрецы сражались столь яростно, что их пришлось расстрелять из камнеметных машин.

Вторгнувшись весной 1238 г. в Новгородскую землю, монголо-татары столкнулись с распутицей и сильным сопротивлением населения. Город Торжок держался против всей осадной техники две недели. Ни князь Александр с дружиной, ни новгородские "золотые пояса" не пытались оказать помощь своему торговому форпосту. Все были "в недоумении и страхе", как писал летописец. Однако, возможно, страх был не столь велик, чтобы не отправить в Орду приличествующие случаю дары. Ведь именно богатейшие торговые города Новгород и Смоленск были оставлены в целости прошедшими рядом татарами…

Не дойдя 100 верст до Великого Новгорода, Бату-хан повернул на юг. О его походе через Смоленское княжество сохранилось предание, что один из отрядов появился под столицей, но был отбит, причем отличились не князь или дружинники, а некий "прехрабрый" юноша Меркурий, позже причисленный к лику святых. Мысль, что у татар, расправлявшихся с большими городами отдельными туменами, "не хватило времени" на грабёж Новгорода и Смоленска, следует оставить. Со всеми, кто не приносил им покорности, они бились до конца.

На Черниговщине татары потеряли до 4 тыс. воинов, 7 недель штурмуя героически оборонявшийся Козельск, и нарекли город "злым". Лишь к концу весны Батый ушел в степи и провел там более года. А князь Александр поехал из Новгорода через руины Торжка. Твери и Переяславля в сожженный Владимир, чтобы

принять участие в княжеском съезде, избравшем его отца на великокняжеский престол.

Конкурентов из наследников Юрия у Ярослава не было — все погибли в боях с татарами. Получив власть, энергичный великий князь Ярослав выделил сыну, кроме Новгорода, ещё Дмитров и Тверь, а сам занялся восстановлением разрушенных городов. Всё, что он мог сделать, — это наладить управление и просто латать дыры. Восстановить богатейшие земли Европы в прежнем облике после Батыева нашествия было невозможно. Хозяйство и культура были подкошены не на десятилетия — на века; десятки ремесленных специальностей исчезли, потому что все мастера и ученики были убиты или угнаны в рабство.

Летописи не сообщают, как Ярослав Всеволодович собирал и восстанавливал почти начисто разгромленные военные силы княжества. Опираясь на свою выведенную из-под удара дружину, он заново формировал дружины и городские полки — не столь могучие, как прежде, но всё же достаточные и для обороны от не столь сильных врагов, как татары, и для продолжения усобиц. Их появление на поле брани стало неожиданным для соседей, как увидим ниже, в части 3.

Не стоит думать, что только владимиро-суздальские князья были озабочены в разгар татарского нашествия укреплением своей власти. Уже знакомый нам князь Даниил Романович в том же 1238 г., воспользовавшись отвлечением соперников нашествием, снова овладел богатым Галичем, передав Волынь брату Василько Романовичу.

Не дремал тем временем и Субэдэй. Отдельные его отряды, не встречая организованного сопротивления на Руси, разорили в 1239 г. на севере Муром и Гороховец, — некогда некогда грозный Переяслав Южный, Чернигов и Глухов, Дружины могучих и славных в усобицах черниговских князей свою землю не защитили, а в большинстве — и не пытались. За землю бились бояре, смерды и жители городов. Но у князей и их дружин тоже не было времени спокойно почивать.

Разгром Черниговского княжества побудил Даниила Романовича Галицкого к захвату Киева. Тамошний князь Михаил Всеволодович Черниговский благоразумно сбежал в Венгрию, устрашённый появлением войск племянника Батыя, Менгу-хана. Однако и бежать было нелегко: по пути жену Михаила (сестру Даниила) захватил князь Ярослав Всеволодович; заодно бодрый отец Александра взял и Каменец.

Менгу-хан, однако, не стал брать Киев, ограничившись любованием им с другого берега Днепра. Тогда на свободный "стол" прискакал с дружиной из Смоленска князь Ростислав

Мстиславич, но Даниил Романович налетел в большей силе, схватил его и занял Киев для себя. Конечно, не для того чтобы оборонять. При вести о приближении врага князь ускакал восвояси, оставив в городе воеводу[72].

Осенью 1240 г. Батый из облюбованных им низовьев Волги и Дона двинул Орду на запад. Киевляне под предводительством воеводы Дмитра сутки сражались на разбитых таранами стенах, а наутро продолжили битву у Десятинной церкви. Раненого Дмитра монголо-татары "не убили ради его храбрости". Разрушив город до основания, завоеватели направились в Галицко-Волынскую землю, где им впервые пришлось отступить перед хорошо укрепленным Каменцом. Жители Владимира-Волынского и Галича были истреблены, другие города, "им же нет числа", взяты штурмом или обманом.

Где же были все это время могучие и воинственные князья черниговские, киевские, галицкие и волынские? В Польше и Венгрии, — там же, где несчастный половецкий хан Котян, уже после Калки бившийся в Половецкой степи с Ордой. Но хан просил убежища у короля Белы IV для 40 тыс. своих людей и получил для них земли. Князья же спасали жизнь и дружину, иногда, как Даниил Галицкий, успев позаботиться также о семье.

Впрочем, места для укрытия от татар князья не нашли. В 1241 г. Субэдэй прошел огнем и мечом Венгрию, Польшу, Восточную Чехию, Молдавию, Валахию и Трансильванию, разбив по пути и немецких рыцарей. Как и на Руси, победы давались татарам сравнительно легко: высокое качество их воинов, организованность войск и мудрость командования обеспечивали степнякам решительное превосходство над неповоротливыми и, надо признать, отсталыми в военном деле европейцами, не имевшими представления о тактике большой войны.

Разорявшие Польшу полководцы Байдар и Орду всего с тремя туменами (30 тыс. — только если не считать обыкновенной неполноты состава и потерь за 5 лет войны) порубили 20-тысячное войско мазовецкого князя Генриха Благочестивого на расстоянии дня пути от 40 тыс. союзных чехов. Тевтонские рыцари встали под знамёна Генриха и полегли вокруг своего сюзерена. Не вступая в бой с чехами, татары резко повернули на юг, где 11 апреля Субэдэй приступил к уничтожению 60-тысячной армии венгерского короля Белы IV при р. Сайо.

Тумены, точно в срок собравшись к месту битвы из отдалённых земель, где они выполняли самостоятельные тактические задачи, разделались с могучим войском венгров почти без потерь. В боях они дополняли своё превосходство китайскими военными хитростями и использовали баллисты в

полевом сражении. А чтобы медленно собиравшееся в Германии войско Священной Римской империи германской нации не мешало грабить огромное королевство Венгрию, Субэдей рейдом отряда Петы на Оломоуц (стычка 24 июня) заставил короля Вацлава II стянуть чехов и немцев на оборону Богемии.

К концу 1241 г. все неподвластные германской империи земли в центре Европы были разорены, а выставленные ими в поле войска разбиты[73]. Верный принципу "разделять и побеждать", Субэдэй мог теперь взяться за Священную Римскую империю германской нации. Немцы крепко провинились: они участвовали в боях с татарами, а император Фридрих II даже осмелился принять вассальную присягу непокорного короля Белы. В следующем году татары вторглись в Хорватию и Далмацию, выйдя к границам входившей в империю Италии.

Рассказывали, что Батый осмотрел Адриатическое море, даже въехал в него на коне, и оно ему не понравилось. Эту воду конь отказался пить! Гористая местность на западе также не привлекала кочевников. К тому же хана Бату и Субэдэя гонцы из Каракорума призвали на курултай. Дисциплина для татар была прежде всего. Их конница пошла назад, на Восток, оставив Запад истово благодарить Бога за чудесное избавление.

К тому времени, когда Орда вернулась в южнорусские степи, благодарность за избавление истово возносили Богу и в Новгороде. Но речь шла не о татарах, нашествие которых летописцы сочли Божьей карой за грехи, а о крестоносцах, поспешивших на завоевание разгромленной, как им казалось, Руси. И рукой Бога, остановившей "папёжников", стал князь Александр Ярославич.

Часть III. ПОДВИГИ

Глава 1. РУССКИЙ РУБЕЖ

Подсобив отцу утвердиться на великокняжеском престоле, Александр Ярославич в том же 1238 г. вернулся в Новгород. На семейном совете в разоренном Владимире было решено использовать спасённые во время татарского нашествия дружины для объединения под властью великих князей владимирских других земель Руси (разумеется, не тех, на которые направят следующий удар татары).

Великому князю Ярославу предстояло завоевать Смоленск. Граждане этого богатого торгового города, устрашённые прошедшей мимо Ордой, призвали для своей обороны литовского князя. Пользуясь отсутствием "законных" русских князей, искавших безопасности на западе, Ярослав с дружиной захватил город, взял в плен литовского князя, а с гражданами заключил договор, что княжить у них будет его ставленник[74].

Александр тем временем прибыл в Полоцк — центр второго крупного княжества к западу от их с отцом и родичами объединённых семейных владений. Полоцкий князь Брячеслав, последний из правившего здесь рода Рогволдовичей, нуждался в надёжной опоре, испытывая нарастающее давление со стороны Литвы, епископа Рижского и ордена. Его дочь Александра произвела неизгладимое впечатление на 18-летнего новгородского князя, не желавшего, судя по всему, жениться по воле родителей. Сватовство и свадьба состоялись быстро.

"Старый" по тем временам жених (в роду Александра женились в 12–15 лет) венчался со своей избранницей в суровой пограничной крепости Торопец, в храме Святого Георгия Победоносца. "Там кашу (свадебный пир. — *Авт.)* чинил, а в Новгороде другую", — отмечает летописец[75]. На свадьбе, видимо, присутствовала его мать Ростислава, которая оставалась с сыном и невесткой в Новгороде до изгнания князя и его семьи зимой 1240 г.[76]

О княгине Александре мы ничего не знаем, кроме того, что она стала прародительницей московских князей и царей. Зато очевидно, что в приданое за невестой князь получал войну с грозившей её княжеству и Новгороду Литвой. Потому и первую "кашу" он давал в крепости, защищавшей владения его семьи от Литвы.

Сразу после свадьбы Александр стал сооружать "городцы" — укрепления по р. Шелони, вдоль которой лежал путь в Новгород с запада. Центром активной обороны здесь стал возведённый князем Городец (Старый Порхов). Его гарнизон должен был

усилить линию обороны между Старой Руссой и Великими Луками. Умело используя местность, новгородцы-городовики прикрыли проходы между болотами лесными засеками и полевыми укреплениями.

Сам Городец должен был, при необходимости, легко выдержать атаку литовцев. Для этого он был укреплён трехметровой глубины рвом и такой же высоты валом, по широкому гребню которого шла деревянная стена со стрелковой галереей. Но главной задачей Городецких воинов было не отсиживаться за стенами, а выслеживать и бить крадущиеся на Русь литовские отряды, по тревоге скакать на помощь Старой Руссе или Великим Лукам.

Сохранился документ, свидетельствующий о судебной работе князя в приграничных землях. Совместно с псковским посадником Твердилой Александр Ярославин решил земельный спор со Спасо-Мирожским монастырём в пользу свободных крестьян, утвердив навеки их "смердью грамоту". Князь, хвалимый автором его Жития за справедливость, высоко чтил монастыри, но ещё больше — правду. К тому же каждый смерд на рубеже умел держать в руках оружие, а оно иной раз оказывалось сильнее молитвы[77].

Укреплять границу князю приходилось и на севере, по р. Неве. За рекой, в землях подданной Великому Новгороду еми, уже шла война. Заселявшая всю центральную часть Финляндии емь, как мы помним, не отличалась излишним миролюбием и даже не так давно нападала на земли Великого Новгорода. Несмотря на давние военные, политические и экономические связи с республикой, платить ей дани емяне не очень-то хотели. Но, пустив к себе католических миссионеров, обещавших крестимым язычникам, как водится, "помощь Запада", прародители финнов просчитались гораздо больше. Очень скоро им пришлось восстать, чтобы сбросить католическое иго с помощью Руси. В ответ папа римский Григорий IX в 1237 г. объявил против еми и Руси крестовый поход.

Восстание еми

Руководивший христианизацией Финляндии епископ Томас (он прибыл сюда из Англии в 1220 г.) действовал здесь в самой обычной манере. То есть сначала увлекал часть знати креститься, а затем начинал крушить языческие капища, требовать работников для строительства церквей, а главное — заставлял всех платить церковную десятину. Себя он, как и другие епископы

на христианизируемых католиками землях, считал верховным владыкой во всех духовных и светских делах.

Вы спросите, а почему бы епископу, как представителю папы римского, наместника Бога на земле, не управлять подновластно своею паствой? Дело в том, что Томас и другие католические епископы полагали себя хозяевами всех поголовно душ в своей епархии. А границы епархии они определяли сами: папы, исходя из докладов епископов и своих приблизительных представлений о географии, утверждали их весьма расширительно: "от сего места до границ, которые удалось покорить".

В 1230-е гг. люди обширнейшего союза племён еми, спокойно жившие при власти Новгорода на своих землях в центральной Финляндии, вдруг обнаружили, что у них появился "хозяин", претендующий, помимо прочего, на десятую часть их доходов и имущества, а всех не крестившихся считающий преступниками. Когда непрошенные миссионеры, приходя в селения с отрядами шведских воинов, стали грабить народ, разбивать идолов, принуждать людей к крещению и ни в грош не ставить местных вождей, до финнов медленно, но неотвратимо стало доходить, что "здесь что-то не так".

На гипотетический вопрос любого финского старейшины — а что это вы здесь распоряжаетесь? — Томас мог предъявить копии совершенно законных документов на управление их землёй. 4 апреля 1216 г. папа Иннокентий III в булле на имя шведского короля Эрика Кнутсона подтвердил его права на завоёванные земли западных финнов и те, которые король сам сможет приобрести. А в 1221 г. папа Гонорий III в помощь епископу Томасу настрочил буллу о торговой блокаде "варварских" народов, мешающих окатоличиванию Финляндской епархии в границах, которые определил сам Томас. Но епископ и его представители не вдавались в такие тонкости. Учитывая, что язычники всё равно не умеют читать, они просто кивали страже, и та вынимала из ножен более доступный аргумент: меч.

"Горячим финским парням", ещё недавно, с подачи миссионеров, воевавшим против "злой" Руси, пришлось вновь доставать из кладовых луки, копья и топоры. Им и в голову не могло прийти, как печётся об их "спасении" неведомый им мужчина в далёком Риме. А папа Григорий IX (1227–1241), несмотря на преклонный возраст (он был избран на престол в 80 лет) и страшную вражду с германским императором Фридрихом II, владевшим большей частью Италии, в январе 1229 г. только и думал, что о любезной его сердцу Финляндии.

В течение нескольких дней, крайне обеспокоенный докладом епископа Томаса о жестком сопротивлении финнов его

"священной" власти, папа Григорий написал о положении в Финляндии 7 (семь!) булл, — больше, чем по поводу освобождения Фридрихом II Иерусалима в том же 1229 г. (там-то всё было просто: раз папа уже отлучил императора от церкви, то и сама Святая земля попала под интердикт).

Судя по этим буллам, поход князя Ярослава Всеволодовича в земли еми зимой 1227 г. сильно помог местным язычникам в борьбе с притязаниями епископа Томаса. В своих буллах папа нехорошими словами отзывается о русских и под угрозой отлучения требует прекратить с ними всякую торговлю, особенно оружием, железом, медью, свинцом, лошадьми и продовольствием. Буллы были направлены церковным властям в Риге, на Готланде, в Висбю и Любеке — то есть по важнейшим точкам торговли Новгорода на Балтике. Учитывая, что именно в это время Русь постиг страшный голод, папская идея торговой блокады была эффективна.

Но с самими финнами Григорий IX просчитался жестоко. Достаточно упомянуть, что в одной из булл папа закрепил за епископом владение языческими жертвенными местами и священными рощами, якобы по просьбе самих "новообращённых" финнов. Реакция не слишком быстро, но основательно думающих вождей и старейшин еми была однозначна: финны восстали и обратились за помощью к русским. А те, судя по папской булле 1232 г., им помогли. Иначе зачем папа призвал бы орден меченосцев к походу из Ливонии в Финляндию для защиты "нового насаждения веры" от русских?[78]

Но восстание еми (в латинских текстах — тавастов) не утихало. К 1237 г. их земля, именуемая католиками Тавастланд, была практически освобождена от власти епископа и стоявших за ним шведов. Папе Григорию, не терпевшему ни малейшего сопротивления его "божественной" воле, не оставалось ничего иного, кроме как объявить против еми и Руси крестовый поход. Это он и сделал в булле от 9 декабря 1239 г., постаравшись изобразить язычников кровожадными зверями:

"Как сообщают дошедшие до нас ваши письма (архиепископа Упсальского, управлявшего церковью Швеции. — Авт.), народ, называемый тавастами, который когда-то трудом и заботами вашими и ваших предшественников был обращен в католическую веру, ныне стараниями врагов креста, своих близких соседей (т. е. карел, ижоры и русских. — *Авт.*), снова обращён к заблуждению прежнего неверия и вместе с некоторыми варварами и с помощью дьявола с корнем уничтожает молодое насаждение церкви Божией в Тавастии.

Малолетних, которым при крещении засиял свет Христа, они,

насильно этого света лишая, умерщвляют. Некоторых взрослых, предварительно вынув из них внутренности, приносят в жертву демонам, а других заставляют до потери сознания кружиться вокруг (священных. — *Авт.*) деревьев. Некоторых священников ослепляют, а у других из их числа жесточайшим способом перебивают руки и прочие члены. Остальных, обернув в солому, предают сожжению.

Таким образом, яростью этих язычников владычество шведское ниспровергается, отчего легко может наступить совершенное падение христианства, если не будет прибегнуто к помощи Бога и его апостолического престола.

Но, чтобы с тем большей охотой поднялись бы мужи богобоязненные против наступающих отступников и варваров, которые церковь Божию столь великими потерями привести в упадок жаждут, которые веру католическую с такой отвратительной жестокостью губят, поручаем братству вашему апостолическим посланием: где бы только в означенном государстве или соседних островах ни находились католические мужи, чтобы они против этих отступников и варваров подняли знамя креста и их силой и мужеством изгнали, по побуждению благодетельного учения"[79].

Война против свободы народов и свободы совести, которую защищала православная Русь, была объявлена.

* * *

Принимая одновременные меры по укреплению западных и северных рубежей, в то время как необоримая татарская сила грозила с юга, Александр Ярославич хорошо понимал взаимосвязанность угрозы со стороны католиков: шведов и немцев. То, что в 1240 г. они нанесли по владениям Великого Новгорода согласованный удар, явно не было для князя неожиданностью. Разумеется, материалов княжеской и новгородской разведки до нас не дошло. Мы можем лишь изучать внутренние документы крестоносцев, догадываясь, что из этого и в какой мере было известно Александру.

В 1232 г. папский легат на Восточной Балтике Болдуин Альнский получил от Григория IX распоряжение запрещать католикам вести переговоры или заключать перемирие с русскими и языческими народами. Это Александр мог ощутить по сокращению обычных пограничных переговоров с епископом Юрьевским и орденом. В 1234 г. папа распространил власть своего легата и на Финляндию, где уже полыхало восстание и

шла необъявленная война католиков с русскими. Одновременно в 1234 г. папским легатом был назначен кардинал Вильгельм Сабинский (Моденский) — опытный дипломат, поставивший своей целью объединение всех католических сил в Восточной Прибалтике для покорения язычников и "обращения" в католичество Руси[80].

Деятельность легата Вильгельма было нелегко уловить. Противоречия между орденом, рижским и юрьевским епископами, датчанами и шведами в Прибалтике были настолько велики, что могли казаться непреодолимыми. С немцами, например, после жаркой схватки и мира 1234 г., князь Александр не видел оснований враждовать. Когда рижский епископ в 1236 г. готовил решительный крестовый поход против Литвы, в его войско, помимо братьев и солдат ордена, усиленных великим множеством крестоносцев из Германии и толпами чуди, влились 200 воинов из Пскова (управлявшегося княжьим наместником).

Участие русских воинов в походе на Литву легко понять. Но объяснить нежданную смелость ордена, до этого не решавшегося нападать на внутренние владения воинственных литовцев, может только вмешательство папы римского. Именно Григорий IX объявил 9 февраля 1236 г. крестовый поход в Литву, а его легаты обеспечили невиданно большой приток вооружённых немецких "паломников" в Ригу. Почти всем из них, в том числе братьям-меченосцам и русским, предстояло бесславно пасть под Шяуляем (в немецких текстах — Саулом).

Битва под Шауляем

Летом 1236 г. массы крестоносцев-паломников прибывали в Ригу, наслышавшись о сказочно богатых землях языческой Литвы. Для немецких рыцарей — в основном безземельных младших сыновей — захват новых владений часто был единственным шансом найти достойное место в жизни. Граф Генрих фон Данненберг и рыцарь Теодорик фон Газельдорф возглавили отряды из 500 воинов, прибывших из Любека, Гамбурга и Гольштейна. Рига присоединила к ним своих рыцарей и горожан, жаждущих грабежа. Орден меченосцев во главе с великим магистром Волквином выступил в максимальном составе: 55 братьев-рыцарей с конными сержантами и кнехтами (более 600 опытных воинов). Паломники торопили Вальквина в путь, но он удерживал их до полного завершения сборов, прибытия 200 русских воинов из Пскова и бесчисленного ополчения покорённых народов Латвии и Эстонии:

"В поход вас поведу, и там
добычи будет вдоволь вам",
гонцов на Русь тогда послал,
их помощь вскоре прибыла.
Проворно ополчились эсты,
не медля, прибыли на место;
латгалы, ливы в бой собрались,
в селеньях дома не остались.

— Так рассказывает Ливонская рифмованная хроника. Новгородская же летопись говорит: "Пришли в силе великой немцы из замория в Ригу, и там совокупились все, и рижане, и вся чудьская земля, и псковичи от себя послали помощь — мужей 200, пошли на безбожную Литву"[81]. Выступило конное войско лишь к осени (до Литвы, замечает хронист, им "пришлось скакать"). Преодолев трудности похода,

Они в литовский край пришли.
Здесь грабили они и жгли,
Всей силой край опустошая,
И за собою оставляя
Повсюду ужас разоренья.
На Сауле путь возвращенья
Их шел, среди кустов, болот.

Здесь, под Шауляем, 21 сентября путь разбойникам преградил отряд жителей разграбленной Жемайтии. Храбрецы сумели задержать крестоносцев у реки до следующего дня, когда им на выручку подоспел опытный военачальник Миндовг (что на литовском значит — многомыслящий), сын Рынгольта (ок. 1200–1263). Слава его уже выходила за пределы Литвы — в 1235 г. Даниил Галицкий искал с ним союза против польского герцога Конрада Мазовецкого[82]. Но даже столь знатный воин не смог бы объединить дружины и ополчения разных князей и земель Литвы, если бы крестоносцы не осмелились на столь наглое вторжение в родные земли лихих всадников, которые привыкли вторгаться в чужие земли сами.

Правильно рассчитав, что рыцари (несмотря на призывы магистра Волквина фон Винтерштаттена) не решатся на прорыв всем скопом через реку, талантливый полководец атаковал их среди лесов и болот, максимально используя свойства местности.

С врагами битву завязали.

Но в топях кони увязали,
как женщин, воинов перебили, —

грустно констатировал немецкий хронист. Управление немецким войском было нарушено; отдельные всадники и отряды пытались прорваться на свой страх и риск. В ходе боя покорённые крестоносцами земгалы из соседних с Литвой земель бросились на своих поработителей и "без разбору их рубили". 48 братьев-меченосцев остались с магистром; потеряв коней, они были оттеснены в лес, где литовцы обрушили на них деревья (видимо, заранее подготовив место) и перебили до единого, как и подавляющее большинство "пилигримов". О жестокости битвы говорит тот ещё невиданный в военной истории Новгородской республики факт, что из псковских воинов погибло девять десятых: домой, согласно летописи, вернулись лишь 20 человек!

Прославленный как защитник родной земли, Миндовг был провозглашен великим князем, а вскоре и правителем всей Литвы. Он отбросил орден и рыцарей Риги к западу от Двины чуть ли не к границам 1208 г., восстановив влияние Литвы в землях куршей и земгалов. Ещё многие десятилетия пришлось Миндовгу сражаться с князьями-соперниками за единство Литвы. Но слава победителя при Шауляе помогла ему стать основателем Литовского государства и заложить фундамент будущей великой Литовско-русской державы.

* * *

Военные силы ордена меченосцев были уничтожены. Восстань покорённые народы Прибалтики в этот момент, — и освобождение от немецкой оккупации стало бы вполне предрекаемым. Однако спасение пришло от Тевтонского ордена, угнездившегося западнее, в Восточной Пруссии. Ливонская рифмованная хроника сообщает об этом событии красноречиво, но крайне упрощённо:

В Ливонии печали дни настали,
но братья гонцов послали
к мужу умудренному,
в Зальцахе рожденному,
что возглавлял Немецкий дом (Тевтонов. — *Авт.)*.
он, ознакомившись с письмом,
утешил так послов прибывших:
"Должны мы, как хотел Всевышний,

перенести смиренно горе.
А к вам пришлю я братьев вскоре
во множестве. Вам воины нужны
восполнить рыцарства ряды".
По случаю тому магистр
велел созвать капитул быстро.
Просил сбираться он в дорогу
в страну, возлюбленную Богом,
многих комтуров с людьми,
чтобы они там помогли
исправить в крае положенье.
"Совместно мы нести служенье, —
Сказал он, — Господу должны
вся к час, покуда живы мы:
в том долг духовный наш и право.
И проследим, чтоб к вящей славе
из братьев лучших дать в число
той помощи". Так все произошло.
Средь братьев избран был один,
добродетелью известный им,
магистром в край Ливонский дальний:
Его брат Герман Вальке звали.
Из лучших собран был отряд,
где каждый был той чести рад:
героя пятьдесят четыре.
Их в изобилии снабдили
едой, конями, добрым платьем.
Пора настала выступать им
в Ливонию тогда.
Пришли в край гордо, без стыда,
и были приняты по чести
всеми рыцарями вместе;
утешился край ими в горе.
Христовы рыцари же вскоре
свой знак отличия сменили,
на платье черный крест нашили,
как то велит Немецкий орден.
Магистр был радости исполнен,
и братья все возликовали,
что с ним в краю том пребывали.

На самом деле переговоры об объединении орденов, точнее — о подчинении остатков ордена меченосцев с их красивыми

символами, красными крестом и мечом, Тевтонскому ордену (с унылым чёрным крестом на плащах "братьев"), были далеко не просты. Лишь в результате энергичного участия римской курии представители двух орденов подписали 12 мая 1237 г. договор об объединении в папской резиденции Витербо близ Рима. Только после этого гроссмейстер Тевтонского ордена Герман фон Зальца послал на восток 55 своих комтуров и рыцарей во главе с ландмейстером (заместителем магистра на отдалённых землях) Германом фон Бальке[83].

Не исключено, что фон Зальц вскоре об этой "щедрости" горько пожалел. В том же году тевтонские рыцари под командой брата Бруно захватили город Галицко-Волынской Руси Дрогичин. Это взбесило истомлённого борьбой с соперниками-князьями, поляками, венграми и грабителями-половцами Даниила Романовича Галицкого. "Не лепо держать нашей отчины крестоносцам!" — воскликнул великий князь и "в силе тяжкой" прискакал в марте 1237 г. к Дрогичину. Одним ударом он разгромил рыцарей, взял город, пленил всех немецких воинов со "старейшиной их Бруно" и вернулся с полоном во Владимир-Волынский[84].

Тевтоны или тамплиеры?

В гневе великий князь Даниил, по рассказу Ипатьевской летописи, обозвал врагов-крестоносцев тамплиерами: "Не лепо есть держати наше отчины крижевником Темпличем, рекомым Соломоничем"! Но присутствие тамплиеров (templiers, от "temple" — храм), рыцарей Храма Соломона (лат. Temptique Solomonici), в этом районе не зафиксировано. Можно было предположить, что запальчивый Даниил ошибся, не разобравшись толком, на кого поскакал "в силе тяжце". Однако, взяв в плен "старейшину их Броуна", любознательный князь должен был установить истину. Продолжают эту загадку два бытующих в литературе письма французскому королю Людовику IX от магистров ордена тамплиеров и Тевтонского ордена о битве при Лигнице 1241 г.

В одном магистр ордена Храма во Франции Пон д'Обон сообщал королю: "Знайте, что татары разорили землю, принадлежащую герцогу Генриху Польскому, и убили его с великим количеством его баронов, а также шестью нашими братьями… и пятьюстами нашими воинами. Трое из наших спаслись, и знайте, что все немецкие бароны и духовенство, и все из Венгрии приняли крест, дабы идти против татар. И ежели они будут по воле Бога побеждены, сопротивляться татарам будет

некому вплоть до вашей страны"[85].

В другом магистр Тевтонского ордена написал: "Мы сообщаем вашей милости, что татары землю погибшего герцога Генриха полностью разорили и разграбили, они убили его самого, вместе с многими его баронами; погибло шесть наших братьев, три рыцаря, два сержанта и 500 солдат. Только три наших рыцаря, известные нам поименно, бежали"[86].

Очевидно, что речь идёт об одних и тех же павших, но к какому они принадлежали ордену? Храмовник затем указал и потери "его" братьев в Венгрии, где, как и в Польше, служили не тамплиеры, а тевтоны. Не означает ли это, что Тевтонский орден в те смутные времена относился к ордену Храма Соломона, со всеми его зловещими тайнами? Это было понятно великому князю Даниилу Галицкому и его летописцу, недаром ломавшему язык над всеми этими "темпличами" и "Соломоничами".

* * *

Исходя их этих событий, Александр Ярославич мог заключить, что ему не следует слишком опасаться ордена, хоть Тевтонского, хоть Ливонского (как рыцари в Восточной Прибалтике со временем стали себя называть). Не слишком пугало и то, что благодаря бурной деятельности папского легата Вильгельма Моденского успешно проводилось в жизнь секретное соглашение папы и ордена о передаче датскому королю Северной Эстонии и военном союзе с ним[87].

Долгие переговоры, в ходе которых датчане едва не пустили в дело свой военный флот, закончились именно так, как хотел папа Григорий IX. Север Эстонии получила Дания, но окопавшиеся здесь немецкие рыцари не потеряли своих владений. За это в дальнейших совместных завоеваниях на востоке (где датчане и немцы упёрлись в границу Руси) королю, по благословению папы, обещались две трети, а ордену — треть захваченных земель.

Если даже Александр Ярославич и знал об этом союзе, утверждённом 7 июня 1238 г. в королевском лагере Стенби, то сведения о наличных военных силах датчан и немцев в Прибалтике, которые интересовали его гораздо больше, утешали. С такими силами нечего было и думать о войне с великим Новгородом! Увы, князь не учёл, что папу Григория не волнует степень риска затеваемых им предприятий. Злобным старцем руководила патологическая ненависть ко всем, кто ему не покоряется, и жизни крестоносцев, которым предстояло погибнуть в безнадёжной войне, ничего не стоили в его глазах.

Папа, как это ни смешно звучит, всерьёз считал себя единственным и непогрешимым представителем Бога на земле. А значит, — Бог был всегда на стороне посылаемых им в бой крестоносцев.

На самом деле защищавшие католическую схизму (раскол) рыцари писали на своих мечах и знамёнах "С нами Бог" совершенно напрасно. Бог был не с ними, а с православными новгородцами, шедшими в бой с кличем "Кто на Бога и Великий Новгород"! Однако эту истину князю Александру ещё следовало доказать.

Глава 2. КРЕСТОНОСНЫЙ ЗМЕЙ

Князь Александр Ярославич знал, что политическая ситуация в Швеции, которую пала в 1238 г. обрек на крестовый поход на Русь, была лишь немногим лучше, чем отношения немцев и датчан в Прибалтике. Гражданская война в стране уже не шла — в долгой усобице победили представители влиятельного рода Фолькунгов, — но до реального объединения шведских сил было очень далеко. Страна, разделённая между большими общинами и лидирующими в них семейными кланами, временно вышла из-под господства Дании, однако управлению поддавалась с большим трудом.

Официально правил в Швеции конунг (король) Эрик XI Эриксон по прозвищу Косноязычный (1234–1250). Сын короля Швеции и принцессы Рикиксы Датской был немногим старше князя Александра (родился в 1216 г.). Он провел весьма бурную юность, со своего свержения с престола в 1229 г. и бегства в Данию до победы в гражданской войне, завершенной благодаря миру конунга с сыновьям и внукам богатого помещика из Бъяльбо Фольке Толстого.

Ярлы — военные вожди (сами они в письмах на латинском языке называли себя дюками — герцогами) — из Бъяльбо, что в земле Эстергётланд на юго-востоке Швеции, высоко поднялись в ходе усобиц и не собирались выпускать реальную власть из своих рук. По словам стихотворной "Хроники Эрика", написанной через сто лет после событий с позиции Фолькунгов,

> Конунг нетвердо владел языком,
> был шепеляв, да к тому же и хром[88].

Поскольку кроме "Хроники Эрика" внятных рассказов о той эпохе не сохранилось, конунг так и остался в истории Швеции Шепелявым (в русской литературе его принято называть Косноязычным) и Хромым. Самым славным героем того времени оказался, во многом благодаря "Хронике", Биргер, внук Фольке Толстого, четвёртый сын Магнуса Миннелшельда, позже ставший ярлом и посадивший на престол своего сына (династия Биргера правила затем почти 100 лет).

Не удивительно, что первейшим событием истории Швеции при Эрике в "Хронике" описана женитьба Биргера на дочери короля:

Люди сестру его (Эрика — *Авт.)* Ингеборг звали.
Время пришло, и к ней свататься стали
многие рыцари и господа
(мир ведь на этом держался всегда).
Много достойных руки добивалось.
Конунга слово последним считалось.
Эстергётландцу ее он отдал,
коего Биргер народ называл.
В Бъяльбо Биргер на свет появился.
Ярлом стал прежде, чем с жизнью простился.
Свадьбу сыграли, как полагалось:
правом церковным, что признавалось,
и по закону жизни мирской.
Множество лет в их семье был покой.

Интересно, что средневековые шведы понимали под словом "покой", если следующим же стихом автор "Хроники" начинает рассказ о крестовом походе на Тавастланд под предводительством Биргера! Очевидно, нелады в семье представлялись им более страшными, чем опасности войны.

Но о главном обстоятельстве этого брака "Хроника" умалчивает. Юный помещик Биргер, впервые упомянутый в источниках в 1237 г. именно в связи с женитьбой на дочери конунга, стал зятем короля не за красивые глаза, а благодаря своим семейным связям. Швецией за спиной конунга правил Ульф Фасе (Ваза), двоюродный брат Биргера, бывший ярлом и возглавлявшим клан Фолькунгов уже около 15 лет.

Впоследствии Фолькунги еще более укрепили своё положение, женив конунга Эрика на внучке ярла Фольке Катарине (1243). Это говорит о том, что Биргер, ставший ярлом Швеции после смерти Ульфа Фасе в 1248 г., в начале 1240-х ещё не имел власти и политического веса. Только после смерти Эрика в 1250 г. Биргер добился избрания королем своего несовершеннолетнего сына и правил от его имени, что и позволило ему войти в историю Швеции.

Столь властолюбивый человек, если бы для его честолюбия были основания в 40-е годы, не обрадовался бы свадьбе короля, даже тяжело больного и реально не управлявшего страной. Ведь планы Биргера могли осуществиться, лишь пока наследников у короля не было. При этом само по себе возвышение рода Фолькунгов Биргера не радовало; по крайней мере, среди его наследников стало традицией свергать и казнить ближайших родичей в борьбе за личную власть над Швецией.

Утверждение, что именно Биргер организовал крестовый поход на Русь, к отражению которого готовился с другой стороны границы князь Александр, появилось в начале XV в., более чем через 150 лет после событий. В источниках XIII в. имени предводителя шведов нет. Появилось оно очень интересным образом. Неизвестный новгородский книжник сочинил в начале XV в. завещание потомкам от имени шведского конунга Магнуса — организатора похода на Русь в 1348 г. Поход окончился плачевно для шведов, и "король", советуя своим детям и внукам никогда больше не ходить войной на русские пределы, перечисляет все столь же неудачные попытки предшественников, начиная со сражённого князем Александром Биргера[89].

Автор "Рукописания Магнуша, короля Свейскаго" знал Биргера по последующим событиям, когда тот стал знаменит, и просто-напросто персонифицировал его именем неведомого "короля страны римской", названного предводителем шведов в источниках XIII в. Его сочинение стало весьма популярным: оно попало в Софийскую Первую и Новгородскую Четвертую летописи, в Московский великокняжеский свод 1479 г., в летопись Авраамки, в Вологодско-Пермскую, Никоновскую, Воскресенскую, Ермолинскую и Типографскую летописи. Ничего удивительного, что составитель Новгородской Четвертой летописи, переписав в неё "Рукописание Магнуша", вставил в меру искаженное имя Биргера и в переписанный им текст Жития святого князя Александра[90].

Таким образом, нельзя обвинять замечательного русского историка начала XIX в. Н.М. Карамзина и его последователей за то, что они сочли Биргера организатором крестового похода на Русь в XIII в. Научное исследование истории текстов летописных сводов и других исторических памятников Древней Руси, позволяющее сегодня сказать, когда и как они создавались и что откуда переходило, началось лишь в конце XIX в. Оно продолжается и по сей день. Но сегодня мы, по крайней мере, можем точно сказать, что никакого Биргера в летописном сообщении XIII в. и Житии Александра Невского, написанном человеком, знавшим князя лично, не было.

А кем же тогда был тот загадочный "король страны римской (т. е. католической. — *Авт.)* из северной земли", который, выслушав рассказ о князе Александре от приехавшего из "Западной страны" "именитого мужа Андреаша", "подумал про себя: пойду и завоюю землю Александрову"? Об этом мы можем судить лишь косвенно: "Хроника Эрика", описывающая события того времени со стороны шведов, начинает более-менее последовательный рассказ о событиях лишь с 1250 г., когда ярл

Биргер получил военное командование и реальную власть.

Однако историки смогли многое понять по тому, что рассказывают о шведских предводителях и силах русские источники. Самым подробным и ярким из них является рассказ человека, служившего князю Александру Ярославичу и слышавшего рассказы о Невской битве от ее участников. Он помещён в выдающемся литературном памятнике XIII в. — Житии Александра Невского.

Житие Александра о крестовом походе и Невской битве

Сей князь Александр родился от отца милосердного, и человеколюбивого, и более всего — кроткого, князя великого Ярослава, и от матери Феодосии. Как сказал Исайя-пророк: "Так говорит господь: "Князей я ставлю, священны ибо они, и я их веду"". И воистину — не без Божьего повеления было княжение его.

И красив он был, как никто другой, и голос его — как труба в народе, лицо его — как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона, и дал ему бог премудрость Соломона, храбрость же его — как у царя римского Веспасиана, который покорил всю землю Иудейскую. Однажды приготовился тот к осаде города Иоатапаты, и вышли горожане, и разгромили войско его. И остался один Веспасиан, и повернул выступивших против него к городу, к городским воротам, и посмеялся над дружиною своею, и укорил ее, сказав: "Оставили меня одного".

Так же и князь Александр — побеждал, но был непобедим.

Как-то один из именитых мужей Западной страны, из тех, кто называют себя слугами Божьими, пришел, желая видеть зрелость силы его, как в древности приходила к Соломону царица Савская, желая послушать мудрых речей его. Так и этот, по имени Андреаш, повидав князя Александра, вернулся к своим и сказал: "Прошел я страны, народы и не видел такого ни царя среди царей, ни князя среди князей".

Услышав о такой доблести князя Александра, король страны римской из северной земли подумал про себя: "Пойду и завоюю землю Александрову". И собрал силу великую, и наполнил многие корабли полками своими, двинулся с огромным войском, пылая духом ратным. И пришел в Неву, опьяненный безумием, и отправил послов своих, возгордившись, в Новгород к князю Александру, говоря: "Если можешь, защищайся, ибо я уже здесь и разоряю землю твою".

Александр же, услышав такие слова, разгорелся сердцем и вошел в церковь Святой Софии, и, упав на колени пред алтарем, начал молиться со слезами: "Боже славный, праведный, Боже великий, сильный, Боже превечный, сотворивший небо и землю и установивший пределы народам, Ты повелел жить, не преступая чужих границ". И, припомнив слова пророка, сказал: "Суди, Господи, обидевших меня и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне".

И, окончив молитву, он встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же был тогда Спиридон, он благословил его и отпустил. Князь же, выйдя из церкви, осушил слезы и начал ободрять дружину свою, говоря: "Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Песнотворца, который сказал: "Одни с оружием, а другие на конях, мы же имя господа бога нашего призовем; они, поверженные, пали, мы же устояли и стоим прямо"". Сказав это, пошел на врагов с малою дружиною, не дожидаясь своего большого войска, но уповая на Святую Троицу.

Скорбно же было слышать, что отец его, князь великий Ярослав не знал о нашествии на сына своего, милого Александра, и ему некогда было послать весть отцу своему, ибо уже приближались враги. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться, так как поспешил князь выступить. И выступил против них в воскресенье пятнадцатого июля, имея веру великую к святым мученикам Борису и Глебу.

И был один муж, старейшина земли Ижорской, именем Пелугий, ему поручена была ночная стража на море. Был он крещен и жил среди рода своего, язычников, наречено же имя ему в святом крещении Филипп, и жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу, потому и удостоил его Бог видеть видение чудное в тот день. Расскажем вкратце.

Узнав о силе неприятеля, он вышел навстречу князю Александру, чтобы рассказать ему о станах врагов. Стоял он на берегу моря, наблюдая за обоими путями, и провел всю ночь без сна. Когда же начало всходить солнце, он услышал шум сильный на море и увидел один насад, плывущий по морю, и стоящих посреди насада святых мучеников Бориса и Глеба в красных одеждах, держащих руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели, словно мглою одетые. Произнес Борис:

"Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру". Увидев такое видение и услышав эти слова мучеников, Пелугий стоял, трепетен, пока насад не скрылся с глаз его.

Вскоре после этого пришел Александр, и Пелугий, радостно встретив князя Александра, поведал ему одному о видении. Князь

же сказал ему: "Не рассказывай этого никому".

После того Александр поспешил напасть на врагов в шестом часу дня, и была сеча великая с римлянами, и перебил их князь бесчисленное множество, а на лице самого короля оставил след острого копья своего.

Проявили себя здесь шесть храбрых, как он, мужей из полка Александра.

Первый — по имени Гаврило Олексич. Он напал на шнек и, увидев королевича, влекомого под руки, въехал до самого корабля по сходням, по которым бежали с королевичем, преследуемые им. Тогда схватили Гаврилу Олексича и сбросили его со сходен вместе с конем. Но по Божьей милости он вышел из воды невредим, и снова напал каких, и бился с самим воеводою посреди их войска.

Второй, по имени Сбыслав Якунович, новгородец. Этот много раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в душе своей; и пали многие от руки его, и дивились силе и храбрости его.

Третий — Яков, родом полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на полк с мечом, и похвалил его князь.

Четвертый — новгородец, по имени Меша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля.

Пятый — из младшей дружины, по имени Сава. Этот ворвался в большой королевский златоверхий шатер и подсек столб шатерный. Полки Александровы, видевши падение шатра, возрадовались.

Шестой — из слуг Александра, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и обступили его враги многие. Он же от многих ран пал и так скончался.

Всё это слышал я от господина своего великого князя Александра и от иных, участвовавших в то время в этой битве.

Было же в то время чудо дивное, как в прежние дни при Езекии-царе. Когда пришел Сеннахирим, царь ассирийский, на Иерусалим, желая покорить святой град Иерусалим, внезапно явился ангел Господень и перебил сто восемьдесят пять тысяч из войска ассирийского, и, встав утром, нашли только мертвые трупы.

Так было и после победы Александровой: когда победил он короля, на противоположной стороне реки Ижоры, где не могли пройти полки Александровы, здесь нашли несметное множество убитых ангелом Господним. Оставшиеся же обратились в бегство, и трупы мертвых воинов своих набросали в корабли и потопили их в море.

Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя

имя своего творца[91].

* * *

Не надо думать, что живой рассказ Жития — это непосредственная передача рассказов князя Александра Ярославича его дружинников и новгородских воинов сразу после битвы. Автор Жития, по его словам, "жалкий и многогрешный, недалекий умом", лукавит. На самом деле он использовал в тексте многие литературные образцы. Да и писал, по его же словам, то, что "слышал я от отцов своих и сам был свидетелем зрелого возраста его", после смерти князя в конце 1263 г.

Ближе по времени к событиям 1240 г. была сделана, вероятно, запись в Новгородской Первой летописи — второй и последний источник о Невской битве. Прочтём его внимательно (в моём переводе), поскольку все суждения историков об этом событии построены именно на этих двух текстах.

Новгородская Первая летопись о крестовом походе и Невской Битве

В 1240 году пришли шведы в силе великой, и мурмане (норвежцы), и сумь, и емь на кораблях, множество много зело; шведы с князем и с епископами своими. И стали в Неве в устье Ижоры, желая взять Ладогу, проще же скажу — и всю область Новгородскую.

Но ещё преблагой премилостивый человеколюбец Бог уберег нас и защитил от иноплеменников, ибо всуе трудились без Божьего повеления. Ибо пришла весть в Новгород, что шведы идут к Ладоге. Князь же Александр не умедлил ни мало, с новгородцами и ладожанами пришёл на них и победил их силой Святой Софии и молитвами владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии месяца июля 15 дня, на память святого Кирика и Улиты, в неделю на Собор святых отцов, что в Халкидоне.

И была тут сеча великая шведам. И убит был воевода их, именем Спиридон, а иные считали, что и епископ был убит тут же. И множество многое их пало. И наложив два корабля (трупами) знатных мужей, пустили их впереди себя к морю. А остаток их, выкопав яму, бросали в неё без числа. А иные многие ранены были. И в ту ночь, но дождавшись света понедельника, посрамлённые ушли.

Новгородцев же здесь пало: Константин Луготинич; Юрий Пинещинич; Намест; Дрочило Нездылович, сынъ кожевника; а всего 20 мужей с ладожанами или меньше, Бог весть.

Князь же Александр с новгородцами и с ладожанами пришли все здоровы восвояси, сохранены Богом, и Святой Софией, и молитвами всех святых"[92].

* * *

Историки XX в. интерпретировали список участников крестового похода на Русь в зависимости от собственных убеждений. Так, И.П. Шаскольский и В.Т. Пашуто отрицали участие в походе финнов (суми и еми) и епископа финляндского Томаса. А националистически настроенная часть финских историков считала Томаса с сумью и емью главной силой похода на якобы ненавистную этим племенам Русь. Разумеется, всё это звучит несерьёзно.

Согласно летописи, "в силе великой" пришли именно шведы, и Житие творит нам о короле, который был только у шведов. Пришли враги на "кораблях", т. е. как минимум на шнеках[93], на которых обычно атаковали врага в те времена, или на более крупных коггах (грузоподъёмностью до 500 т), появившихся в XII в. и ставших в XIII основным торговым судном и боевым кораблём на Балтике[94]. Очевидно, что именно шведы были главной силой северных крестоносцев. Именно с ними насмерть сражался Александр, и именно их потери интересуют летописца.

Учитывая небольшие в те времена военные силы Швеции и отсутствие в ней сколько-нибудь значительных постоянных войск, поднять такое ополчение мог лишь очень важный человек. Это ярл — реальный правитель и предводитель войск, или сам король.

Почему бы и не король, спросите вы, и будете совершенно правы. То, что конунг Эрик Эриксон не мог принимать участие в походе, историки никогда не доказывали, просто считая его — с подачи "Хроники Эрика" — недотёпой. Впрочем, даже хронист, писавший с позиции правивших за Эрика Фолькунгов, временами отдавал королю должное. Да, он был косноязычен и хром,

> Но он границы, закон укреплял,
> словом добрым свой род поминал.
> Чтил он обычаи, звал он на пир.
> Прочным для бондов устраивал мир.
> Мог он прекрасно при том понимать —

славы в турнирах ему не видать.

Почему Эрик не мог биться в турнирах, мы не знаем. Не всякая хромота мешает крепко сидеть на коне! И уж тем более не может являться препятствием для морского похода. А "аргумент", что о походе короля было бы где-то написано, и вовсе смешон. Предводителем крестового похода шведов на Русь историки, согласившись с аргументацией Шаскольского, уже много десятилетий считают ярда Ульфа Фаси — человека, более влиятельного в тогдашней Швеции, чем сам конунг. А о его участии в походе источники тоже ничего не говорят!

Итак, король или ярл, первый — так как его титул упоминает Житие, второй — так как именно он мог собрать нужные военные силы и флот, предводительствовали шведским ополчением. Оно состояло из богатых помещиков (условно говоря — рыцарей) с их домочадцами и слугами, из оставшихся без работы после окончания усобиц воинов наемных дружин, а также свободных крестьян-бондов, и в те времена, и позже весьма склонных к военным приключениям. Часть кораблей флота морского ополчения (ледунга) принадлежала ярлу, часть — другим знатным шведам, часть (как и во всех крестовых походах) предоставили купцы. Они же, скорее всего, с особой радостью и надеждами приняли участие в походе.

Целью шведов была богатая добыча, а главное — захват стратегического торгового пути между Балтикой и Каспием, обеспечивавшего завидное для соседей богатство Руси и Великого Новгорода в частности. Именно этот план чётко излагает новгородский летописец: захватив Ладогу, враг просто-напросто отрезал Новгород от транзитных путей между морями, а заодно — от его богатейших земель на севере. Не только емь, но и карела, жившая за Ладожским озером, была бы лишена поддержки русских и превратилась в добычу шведов.

План похода, в изложении летописца, был настолько гениален и смел, что историки задумались: не пришёл ли он в голову более мудрую, чем голова ярла Ульфа Фаси, погружённого в хозяйство и местные политические проблемы. И.П. Шаскольский, ряд скандинавских историков и В.Т. Пашуто предположили, что координатором действий крестоносцев против Руси был папский престол, точнее — его энергичный легат Вильгельм Моденский. Иначе трудно представить себе, чтобы шведы и немцы (о действиях которых мы расскажем ниже), общавшиеся довольно поверхностно, согласовали свои нападения на Русь с точностью до месяца!

Действительно, немцев двигал в бой епископ Юрьевский, в шведском войске тоже были епископы, а над ними стоял (и сновал между ними через Балтику) папский легат. Нам интересно предположить, какие именно епископы плыли на шнеках или даже большегрузных коггах со шведами? Очевидно напрашивается одна кандидатура: английский доминиканец Томас, тот самый епископ небольшой завоёванной шведами и ещё не завоёванной частей Финляндии, по докладам которого о восстании еми и поддержке его русскими папа Григорий и объявил крестовый поход.

В таком случае упоминание суми (из "шведских" финнов) и еми (из новокрещёных Томасом фанатиков новой веры) в числе участников похода выглядит вполне понятным. Послания Томаса папе римскому шли, по строгой католической иерархии, через архиепископа Упсальского. Ему же адресовалась и приведённая нами выше папская булла 1237 г. о крестовом походе на Тавастланд и союзников еми. Архиепископ был просто обязан послать епископа для спасении душ выступивших в поход шведов, раз уж Томас занимался финнами.

Конечно, нападать в 1237 г. на Русь было полным безумием. Но к 1240 г. положение круто изменилось. От своих купцов и беглецов с Руси её соседи получили такие ужасные известия о нашествии татар, что сочли русских практически разгромленными. И вместо жалкой добычи от грабежа еми перед крестоносцами замаячили горы злата и серебра, дорогой парчи и прочих сокровищ Великого Новгорода.

Этим золотым миражом, я полагаю, можно объяснить появление в шведском войске норвежцев-мурман, с которыми у Руси были тогда вполне мирные отношения. Историк И.П. Шаскольский отрицает их участие на том основании, что между Швецией и Норвегией была в те годы большая вражда, к тому же норвежский конунг Хакон IV как раз в 1240 г. вёл кровопролитную войну внутри страны, со своими недругами варбельгерами[95]. В.Т. Пашуто, положительно оценив его аргументы, заметил, что это не исключает участие в крестовом походе отдельных норвежских рыцарей.

В самом деле — идея получить от папы отпущение всех грехов и надёжно спасти свою душу уже докатилась в те времена и до скандинавских стран. Сам конунг Хакон IV обязался участвовать в крестовом походе; в свою очередь, папа санкционировал его войну против язычников[96]. Дома шла злейшая война, не приносящая особой добычи. А в походе на Русь можно было обогатиться под самым благочестивым предлогом. Полагаю, перед таким выбором норвежским воинам, не

связанным личными обязательствами с королём или его врагами, было просто невозможно устоять!

Наконец, совершенно непонятно, почему историки часто отбрасывают, как легендарное, известие об "именитом человеке" Андреаше, посетившем Александра Ярославича, хвалившем его, а затем хитроумно подбившем короля на войну с ним. Андреаш, согласно Житию, был из "слуг Божиих", т. е. рыцарем ордена или видным клириком. Известный историк В.А. Кучкин полагает, что "речь должна идти об Андреасе фон Вельвене, в 1241 г. занимавшем высокий пост ливонского вице-магистра"[97]. Орден, по благословению папы римского, готовил поход на Русь и, поскольку датчане воевать на востоке не хотели, остро нуждался в союзниках. Строго говоря, этот рассказ, при всей внешней легендарности, характеризует деятельность папского легата Вильгельма Моденского по координации крестоносных сил против Руси. Маловероятно, чтобы сам легат явился (даже под чужим именем) в Новгород. Но кого-кого, а агентов у него было предостаточно! Вполне возможно, что один из них носил конспиративное или настоящее имя Андреаш (Андрей в латинской транскрипции). А князь Александр, несомненно, заслуживал самой высокой похвалы.

Как бы то ни было, летом 1240 г. долго собиравшиеся крестоносные силы двинулись на Русь. В начале июля из "змеи" — как шведы попросту называли свои корабли — вкрались в устье реки Невы. Воины работали вёслами не покладая рук, продвигая против быстрого невского течения шнеки и, возможно, буксируя тяжёлые когти с боевыми конями. (Знатные шведы в те времена уже сражались длинными копьями на конях, по-рыцарски.)

Крестоносная змея медленно ползла к устью Ижоры, где завоеватели хотели дать гребцам отдых и, возможно, устроить первый опорный пункт.

Глава 3. НЕВСКАЯ БИТВА

Старейшина Ижорской земли Пелгусий (Пелконен), которому была поручена "стража морская", не просто заметил врага, но и вовремя известил Александра о силах завоевателей. Историки совершенно произвольно полагают, что "стражу морскую" в устье Невы ввёл князь Александр. Само положение земли ижорцев требовало постоянной охраны побережья и устья Невы от возможных набегов. Ясно одно: гонец мог проскакать 180 км до Новгорода за сутки (меняя коней). Князь мог начать сбор войск до того, как враг подойдёт к устью Ижоры.

Житие рассказывает, что предводитель крестоносцев сам послал князю вызов на битву, когда вошёл в Неву. Этот признак благородства противника русские историки отметают, как вымысел. Однако скрываться крестоносцам было незачем: их появление на Неве никак не могло остаться незамеченным в Новгороде. А ускорить битву и уничтожить малую дружину молодого, а значит — горячего князя, крестоносцам было выгоднее, чем вести с ним затяжную войну.

Полагаю, завоевателям было известно то, о чём рассказывает составитель Жития со словами "скорбно было слышать". Молодой князь не успевал дать весть о нашествии отцу, чтобы тот прислал низовые полки, и "многие новгородцы не успели присоединиться" к отряду Александра. Дружина его была невелика, отцовские войска находились очень далеко, мобилизация ополчения с бескрайних "волостей" Новгорода была делом долгим (ведь стояло лето — все были на полевых работах). Между тем, враг стоял у ворот;

На это и был рассчитан летний поход крестоносцев; в этом контексте прямой вызов был вполне целесообразен. И Александр Ярославич его принял. Прежде всего он пошёл молиться в храм Святой Софии — главный в Новгороде, радом с которым собиралось городское вече. Смысл молитвы был прост: раз Бог "повелел жить, не переступая чужих границ", значит, он поможет князю одолеть неправых врагов. Получив благословение от архиепископа, Александр вышел к стоящим у собора воинам. Здесь были, судя по составу его войска, и княжьи дружинники, и самые смелые, энергичные новгородцы.

Стоявшее на площади войско было мало и, по сравнению с войском крестоносцев, слабо. Александр, получивший донесения о силе врагов, это хорошо понимал и произнёс вошедшие в историю слова: "Не в силе Бог, но в правде!" Этим он определил суть предстоящего сражения: правота русского дела должна была

побудить воинов к великому подвигу. И действительно, каждый участник битвы сделал всё для победы.

Но осознания своей победительной правоты воинству было мало. Историки совершенно напрасно отбросили рассказ о старейшине Пелгусии, который лично выехал с Невы навстречу Александру, чтобы рассказать о своём чудесном видении. Этот христианин, живший среди своих родичей-язычников, вёл благочестивую жизнь, за что и удостоился "видеть чудное видение": святых князей Бориса и Глеба, спешивших на насаде с моря в Неву, на помощь "сроднику своему князю Александру".

Светская наука всегда отрицала видения, считая их литературным вымыслом. Но убеждение, что небесные силы помогают сражающимся за правду, так же нельзя пощупать или взвесить, как видения на поле битвы. Если небесное воинство, по рассказам испанских источников, помогало католикам в решительной битве с маврами при Лас-Навас-де-Толоса, то почему бы Борису и Глебу действительно не помочь своему кровному родственнику Александру? По убеждению воинов, участвовавших позже в Мамаевом побоище, им помогал в битве сам святой князь Александр Невский.

Даже довольно циничные казаки на далёком Амуре, в просвещённом XVII в., готовясь к невероятному подвигу в войне с бесчисленными войсками Цинской империи, видели и разговаривали со святым псковским князем Довмонтом (которому вначале не поверили, но он убедил их, предсказав добычу богатой пушнины). В конце-концов, победа даётся не только физической силой и умением, но и силой духа. Ясно, что от того, чем именно наполнена душа воина, зависит его поведение в бою. Если люди твёрдо знают, что на их стороне сражаются святые Борис и Глеб, то проклятые "крыжовники" им уже нипочём, сколько бы их ни было!

Бог не мог быть на стороне врага — так верил каждый воин Александра. Супостаты, опирающиеся на заблуждения римской католической церкви, помощи Божией иметь не могли!

Воодушевлённое небесной помощью войско Александра шло к месту, где, по докладу Пелгусия, враг разбил свой стан, вдоль Волхова до Ладоги. Взяв из крепости гарнизон, князь присоединил у Невы ижорцев. Так обычно считают исследователи. Однако выдающийся историк военного дела Древней Руси А.Н. Кирпичников уверен, что князь пошел прямой "Водской дорогой" через Тесово к Неве: это всего 150 км., которые конное войско могло преодолеть за два дня. Ладожане вполне могли присоединиться к войску Александра в пути[98].

15 июля 1240 г. на берегу р. Невы на устье р. Ижоры

произошла решительная битва[99].

Любо читать, какие тактические хитрости приписали историки князю Александру! Один рассказ, сочинённый замечательным историком В Т. Пашуто, мне особенно нравится. Поэтому приведу его.

Рассказ историка В.Т. Пашуто о Невской Битве

Александр не зря спешил. Ему хотелось нанести удар по шведскому лагерю неожиданно и именно на Ижоре и Неве. Нужен был внезапный удар, потому что шведское войско многочисленнее русского — княжая дружина невелика.

Большая часть неприятельских судов стояла у высокого и крутого берега Невы. Немало шведов оставалось на судах (остановка была временная), а рыцарская, наиболее боеспособная часть войска была на берегу. Быстрый, но тщательный осмотр шведского лагеря подсказал молодому князю план предстоящей битвы.

Конная дружина самого Александра неожиданно ударит вдоль Ижоры в центр расположения шведских войск. Одновременно "пешь" новгородец Миша со своей дружиной пусть наступает вдоль Невы и, тесня врагов, уничтожает мостки, соединявшие их корабли с сушей[100]. Его дело — отрезать рыцарям, опрокинутым ударом княжой конницы, путь к отступлению и лишить их поддержки корабельщиков.

Если этот замысел удастся, то численное соотношение войск на суше должно серьезно измениться в пользу русских. Двойным ударом вдоль Невы и Ижоры важнейшая часть вражеского войска окажется зажатой в угол, образуемый берегами рек. В ходе боя пешая и конная рати, соединившись, должны сбросить врагов в воду. Смелый, хорошо рассчитанный план был поддержан советниками князя.

Скрыто подойдя к Ижоре, русская конная дружина в тесно сомкнутом строю внезапно появилась из-за леса. Шведские воины, выскакивая из шатров, спешили: кто смелее — к коням, кто духом слабее — к судам. Биргер с дружиной прикрывал отход.

Князь Александр вел конную рать. С ходу врезавшись в центр расположения шведских войск, он ударом копья сразил шведского полководца: "…возложи Биргеру печать на лице острым своим копием". Сраженный рыцарь пал на руки оруженосцев.

Такое начало предрешило исход битвы. Следом его молодой дружинник Савва "наехав на шатер великий, златоверхий и по-

сече стоп шатерный…". Русские войны, увидев "падение шатерное, возрадовашася". Клич "За землю Русскую! За "Правду" Новгородскую!" — разнесся над Невой. Шведы, сомкнув кое-как ряды, с боем отходили к судам.

Невская битва. Подвиг младшего дружинника Саввы. Миниатюра Лицевого летописного свода

…Александр мельком заметил, как наперерез противнику вдоль Невы ринулись новгородские пешцы Миши. Продвигаясь по берегу, они рубили мостки, отбиваясь от шведов и с суши и с реки. Навстречу шведским стрелам и копьям они по мосткам вторгались на суда. Вот русский стяг взвился на одной шнеке. На другой. На третьей. Рыцарей в тяжелых доспехах сбрасывают в воду. Одни гибнут, других подбирают соседние суда, которые спешат принять на борт Биргера, его свиту и поскорее отчалить. Но и это не всем удается. Увлеченные боем, русские дружинники врываются на суда. Три шнеки отправлены на дно.

Дружинник Гаврило Олексич, настигая шведского епископа и королевича, которые "втекоша пред ним в корабль", следом за ними влетел на коне по сходням. Он поразил видавших виды воинов и потому отмечен ими: "возеха по доске, по ней же шведы восхожаху, и до самого корабля". "Свергоша" шведы Гаврилу Олексича "з доски с конем в Неву". Ловкий воин быстро выбрался на берег и здесь опять "наеха, и бися с самем воеводою посреде полку их". Им был убит шведский воевода, потом ходили слухи, будто погиб и епископ.

Невская битва. Подвиг новгородца Миши. Миниатюра Лицевого летописного свода

Вокруг князя шел жестокий бой. "И ту бысть велика сеча", и Александр уверенно направлял русские силы.

Рядом с князем новгородец Сбыслав Якунович "паиха многажды на полк их и бьяшется единем топором, не имея страха в сердцы своем. И паде неколико от рукы его", а другие бывалые воины "подивишася силе его и храбросту".

Ловчий Александра, лишь недавно попавший в Новгород вместе с двором молодой княгини, — полоцкий уроженец Яков — "наехав на шведский полк с мечем, и мужествова" так, что князь "похвали его".

Не отходивший от Александра его слуга Ратмир "бился пешь, и обступиша его мнози" шведы, и после яростного боя "от многых ран пад, скончася".

Мужественно сражались русские люди на рубеже родины, отстаивая еще уцелевшую от татарских полчищ Русь.

Стремительно проведенный бой принес блестящую победу русскому войску. Шведы, убравшись на суда, отошли от берега на полет стрелы и готовились к отплытию, терпя насмешки острых на язык новгородцев. У берега покачивались брошенные шнеки. Среди трофейных шатров русские разжигали костры и перевязывали раненых. С наступлением короткой июльской ночи шведы "посрамлени отъидоша". Их пало "множество много", и немало было ранено. Александр, опираясь на меч, смотрел, как его воины, собрав тела наиболее знатных рыцарей, "накладите корабля два", и "пустиша их к морю…", и "потопиша в море". Прочих же, что навеки остались на русском берегу, "ископавше яму, вметаша их в ню бещисла".

Талант и храбрость молодого полководца, геройство русских воинов обеспечили быструю и славную победу с наименьшими потерями. Новгородцев и ладожан пало около 20 человек.

Дружина Александра — в большинстве молодые дворяне, выросшие вместе с ним, — со славой воротилась в Новгород.

Приветствиями скупых на похвалы горожан, колокольным звоном и торжественным благодарственным молебном встретил их Новгород. Боевое крещение полководца состоялось. За мужество, проявленное в битве, народ прозвал Александра Ярославина "Невским"[101].

* * *

Написано просто талантливо! Но на самом деле хитроумная тактика князя, равно как внезапность нападения и "стремительность" боя, в источниках подтверждения не находят. Александр начал сражение через пять часов после рассвета, когда противник проснулся, позавтракал и вооружился, и вёл его, судя по тому, что к ночи рати расступились, до вечера.

Нападение исподтишка, на неподготовленного к бою врага, нарушало бы рыцарские представления князя. Да такая победа не принесла бы должных результатов: врага следовало надёжно убедить, что русское оружие и русская правда — сильнее. В свою очередь, и шведы, судя по рассказам русских источников, не использовали в бою свои "обрытья" (укрепления), о которых, согласно Житию князя, доложил Александру старейшина Пелгусий[102]. Битва происходила в "поле", хотя докатывалась время от времени и до шатров крестоносцев, и до их кораблей.

Можно смело сказать, считает А.Н. Кирпичников, что противоборствующие войска были разбиты на отряды, и "сражение 1240 г. развёртывалось во многом по тактическим правилам, принятым в средневековье". Тесно сплочённые отряды сходились и расходились, заменяя друг друга на переднем крае, конные сшибки повторялись одна за другой. Недаром составитель Жития употребляет слова "наехал", "наехал многажы", "наскочи". Без места для бега кони, как известно, не скачут! Значит, и князь, и вражеский "король", как говорили в те времена, "дали место" правильному бою тяжёлой конницы[103].

Войска были примерно равны по вооружению. Мечи были вообще одинаковы (а то и из одних мастерских), копья, щиты и кольчуги конных воинов — очень похожи по виду и конструкции. Знать с той и другой стороны имела расписные, довольно толстые деревянные щиты треугольной формы. Шлемы были в основном

сфероконические, с открытым лицом или крепким "носом", у врага они могли быть и полусферическими (но ничего подобного железным вёдрам или тарелкам с полями шведы и норвежцы ещё не носили). И русские, и шведские знатные конники носили кольчуги с длинным рукавом и кольчужные чулки. У русских шею обычно закрывала прикреплённая к шлему кольчужная бармица, а у шведов больше в ходу был надеваемый под шлем кольчужный капюшон.

Можно предположить, что у немногочисленной русской пехоты (например, слуга Александра Ратмир — предок А.С. Пушкина — бился пешим) были длинные миндалевидные щиты. Похожие щиты могли быть и у скандинавских дружинников. Однако финно-угры, воевавшие с той и другой стороны, и многие бонды, скорее всего, имели дедовской формы круглые щиты. Их вооружением были в основном копья и топоры. У русских были более мощные, красиво выгнутые рекурсивные луки, у крестоносцев всех мастей — простые, из прямой палки.

О действиях лучников источники нам не рассказывают, однако в Житии отмечено, что на противоположном берегу Ижоры, куда не могли пройти полки Александра, после победы "нашли несметное множество убитых ангелом Господним". Логично предположить, что вражеские корабли стояли вдоль обоих берегов реки, через которую мощные русские луки легко могли перестрелить, поражая вражеских воинов и на шнеках, и на противоположном берегу. Хотя нельзя исключить и успешных действий собравшихся со всей земли ижорских ополченцев, о которых князь и его дружинники не ведали, — особенно если к другому берегу пристали суда столь же легковооруженных ополченцев-финнов. В любом случае, действия на западном берегу Ижоры были лишь незначительным эпизодом сражения.

Невская битва — прежде всего кавалерийский бой против войска, частью состоящего из кавалерии, а в немалой части — из пехоты (привезти большое количество коней было нельзя, да и не вполне освоили ещё конный бой скандинавы). Поэтому из Полоцка Сбыслав Якунович из Новгорода с топором и ловчий Яков с мечом не раз налетают на строй противника, рубят врага и отъезжают для новой атаки. А лихой кавалерист Гаврила Алексия, использовав прорыв во вражеском строе после отступления отряда, уносившего раненого князем "короля", влетает на вражеский шнек по сходням. Сброшенный с конем в воду, он не вылетел из седла, но выбрался верхом на берег и продолжил конный бой, в том числе "с самим воеводою посреди их войска", — гласит Житие. Не тот ли это воевода Спиридон, который, по словам летописи, был "убиен"?!

Однако Житие подчёркивает, что не все русские воины сражались на конях. Новгородец Миша со своей дружиной пешим пробивался к кораблям и три из них потопил (видимо, пробив дно топором — любимым оружием новгородцев). Слуга князя Александра Ратмир, бившийся, в отличие от остальных княжих воинов, пешим, врубается во вражеский строй и гибнет в окружении.

Омладшем княжьем дружиннике Савве не сказано, что он сражался без коня. Удалец, прорвавшись в горячке боя к шведским шатрам, мог и на коне влететь в самый высокий "златоверхий" шатёр, который русские сочли "королевским", и подрубить у него центральный столб. Как бы то ни было, падение шатра ободрило истомлённых боем русских воинов и побудило с новой силой продолжить битву.

Самым интересным эпизодом боя в устье Ижоры историки сочли схватку Александра с "королём", которого он лично копьем в лицо уязвил. Здесь описан классический таранный удар, как на турнире, когда острое копьё пробило личину вражеского шлема, но не убило противника, а оставило след на его лице. Западные рыцари в то время носили шлемы с намертво закреплённым овальным дырчатым забралом, закрывавшим только лицо. Этот шлем был легче личинного русского, так что прямой удар копья мог его пробить.

В заблуждении, что под именем "короля" скрывается Биргер, историки считали, что удар Александра пришёлся в лицо именно ему. Однако шведские археологи, вскрыв могилу ярла Биргера, действительно обнаружили у того на лбу след от сильного удара острым оружием. Разумеется, ярл воевал в своей жизни не раз, и мог приобрести такой след в любой из многочисленных схваток. Но как хочется предположить, что молодой человек напросился в поход со своим дядей Ульфом Фаси, и, как любитель турниров, выехал в богатых доспехах на поединок с князем Александром! А дружина, радуясь победе князя, сочла, что этот красивый всадник и был у шведов "королём".

Ни Биргер, ни ярл Ульф Фаси, ни епископ Томас не были убиты в сражении. Нельзя сказать и о том, что крестоносцы были разгромлены наголову. После долгого боя они понесли большие потери, были порядком изранены, но удержали свои позиции, смогли нагрузить погребальные корабли трупами, и даже тела низших чинов закопали в большой яме. Потеряв три корабля, кроме тех, что сами использовали для погребения знатных людей, крестоносцы ушли восвояси. Их жажда обогащения привела к одним убыткам.

В этом и состояла победа князя Александра, доказавшего

воинам со всей Скандинавии, что Русь надёжно защищена от нападения врага и силой, и правдой, что искать здесь поживы обойдётся себе дороже. Следующий поход в нашем направлении, правда, более осторожный, но тоже неудачный, предпримет ярл Биргер спустя ровно 10 лет.

Глава 4. ТЕВТОНСКИЙ НАТИСК

Не успела дружина Александра вернуться домой, отпраздновать победу, починить оружие и залечить раны, как враг атаковал русские границы на западе. Нарушив свое же правило воевать зимой, рыцари ордена (на сей раз уже Тевтонского) в августе 1240 г. атаковали Изборск, а затем и Псков. Согласованные папской курией действия крестоносцев были поразительно по тем временам синхронны: тевтоны запоздали с выступлением вместе со шведами лишь на один месяц![104]

Пунктуальные немцы прекрасно подготовились к нападению. Они скрытно собрали войска из орденской крепости Медвежья голова и Вельянди (Феллина), епископских воинов из Юрьева; датское войско из Ревеля выступило под командой принцев Кнута и Абеля, сыновей короля Вальдемара II[105].

О нападении красноречиво рассказывает Ливонская рифмованная хроника:

> Дерптский епископ Герман
> в это время начал
> враждовать с русскими.
> Те хотели подняться
> против христианства, как прежде.
> Их кощунство принесло им много горя.
> Они причинили ему достаточно зла.
> Долго он это терпел,
> пока не попросил помощи у братьев-рыцарей.
> Магистр прибыл к нему немедленно
> и привел к нему много отважных героев,
> смелых и отменных.
> Мужи короля (датчане. — *Авт.)* прибыли туда
> со значительным отрядом.
> Епископ Герман возрадовался этому.
> С этим войском они двинулись тогда
> радостно на Русь.
> Их дела пошли там очень хорошо.
> Там они подошли к замку,
> в замке не возрадовались их приходу.
> Пошли на них [русских] приступом,
> захватили у них замок.
> Этот замок назывался Изборск.
> Ни одному русскому не дали

[уйти] невредимым.
Кто защищался,
тот был взят в плен или убит.
Слышны были крики и причитания:
в той земле повсюду
начался великий плач.

Стены Псковского кремля. Современный вид

Сходу взять такую мощную пограничную крепость, как Изборск, было невозможно. "Секретным оружием" крестоносцев, открывшим им ворота Изборска, стал, по сообщению новгородской летописи, Ярослав Владимирович, сын беглого псковского князька Дружественные ему бояре, открывшие врагу ворота Изборска возможно, и не подозревали, что этот полугость, полупленник ордена "подарил" ни много ни мало как всё "Псковское королевство" епископу юрьевскому. (Вообще-то, по договору ордена с королём датским, земли на востоке следовало делить с датчанами, а не с епископом, но это противоречие ещё не выявилось.)

Как только весть, что "взяли немцы Изборск", пришла в Псков, пишет новгородский летописец, "вышли псковичи все и бились с ними". Согласно Ливонской рифмованной хронике,

Жители Пскова тогда
Не возрадовались этому известию…
Там люди очень крутого нрава…
Они не медлили, они собрались в поход
и поскакали туда,
многие были в блестящей броне;
их шлемы сияли, как стекло.
С ними было много стрелков.

Они встретили войско братьев-рыцарей;
те оказали им сопротивление,
братья-рыцари и мужи короля
смело атаковали в конном строю русских.
Епископ Герман там был
как герой со своим отрядом.
Начался жестокий бой:
немцы наносили глубокие раны,
русские терпели большой урон:
их было убито восемьсот [человек],
они пали на поле брани.
Под Изборском они потерпели поражение,
остальные тогда обратились в бегство,
их беспорядочно преследовали
по пятам по направлению к их дому.
Русские сильно понукали своих коней
плетьми и шпорами;
они думали, что все погибли:
путь им казался очень долгим.
Лес звенел от горестных криков.
Они все спешили только домой;
войско братьев-рыцарей следовало за ними.

"И победили их немцы, — констатировал новгородский летописец, — и тут убили Гавриила Гориславича воеводу (присланного в Псков от князя Александра. — *Авт.*), а псковичей, гоня, многих убили, а иных руками изымали (пленили. — *Авт.)*, пригнав под город (Псков. — *Авт.*), зажгли посад весь. И много было зла, и погорели церкви, и честныя иконы, и книги, и Евангелия, и много сел опустошили около Пскова. И стояли под городом неделю, но города не взяли, но детей захватили у добрых мужей в заложники, и отошли прочь. И так были без мира".

Взять Псков силой было почти невозможно. В своей истории он успешно выдержал 26 осад, и даже немецкий хронист "считал, что Псковская крепость, при условии единства её защитников, неприступна"[106]. Однако в стенах Пскова давно гнездилась измена. Часть бояр вступила с немцами в тайные переговоры. Пока псковичи готовились к новым боям, "предали их Твердило Иванкович с иными, и сами стали владеть Псковом с немцами, воюя сёла новгородские. А иные псковичи бежали в Новгород с женами и с детьми".

Немецкий стихотворец, воспевший победу над Псковом, описал это событие с более красочными деталями, показав и

радость немцев, и витавшее в воздухе предчувствие буды:

Великой называется река:
за ними на другой берег
переправились братья-рыцари с большой силой;
они вели за собой многих смелых воинов.
Псковичи тогда
не были рады гостям.
Братья-рыцари разбили свои палатки
перед Псковом на красивом поле.
Епископ и мужи короля также
очень удобно расположились лагерем.
Многие рыцари и кнехты хорошо заслужили здесь свое право на лен.
По войску дали приказ
готовиться к бою,
при этом дали понять [участникам похода],
что пойдут также на приступ.
Русские заметили то,
что многие отряды намереваются штурмовать
как замок, так и посад (город. — *Авт.)*.
Русские изнемогли от боя
под Изборском:
они сдались ордену,
так как опасались [большего] несчастья.
Тогда повели переговоры о мире.
Мир был заключен тогда
с русскими на таких условиях,
что Герпольт (Ярослав. — *Авт.*), который был их князем,
по своей доброй воле оставил
замки и хорошие земли
в руках братьев-тевтонов,
чтобы ими управлял магистр.
Тогда штурм [Пскова] не состоялся.
После того как произошло это примирение,
долго не ждали,
войско тогда собралось в обратный путь.
Все они были преисполнены божьей благодати и восхваляли бога;
они были ему благодарны за очень многое.
Когда войско стало готово для обратного похода,
оно радостно ушло оттуда,
там оставили двух братьев-рыцарей,
которым поручили охранять землю,

и небольшой отряд немцев.
Это обернулось позже им во вред:
их господство длилось недолго.

В Псков вошли немецкие войска. Официально там правил посадник Твердило с товарищами, но заложники из непокорных семей были выданы именно немцам — реальным хозяевам положения. Опираясь на немецкий гарнизон, в Пскове судили-рядили два фогта. С минимальными потерями крестоносцы отхватили лакомый кусок: огромные земельные владения Пскова. Именно земли с подневольными крестьянами больше всего интересовали немцев, которые, вместе с псковскими изменниками, немедля пошли дальше на восток, "воюя сёла новгородские"[107].

Раздел добычи, запланированный между разномастными крестоносцами, вполне прояснился. Шведов интересовала заморская торговля, поэтому они ударили по торговым путям Новгорода. Немцев — земли, и они, захватив псковские владения, углублялись всё дальше на Русь, не имея никаких ограничений в завоеваниях. Князь Александр против них не выступал: Господин Великий Новгород отказался его поддержать. Что там произошло, источники не рассказывают. Очевидно лишь нежелание Новгорода воевать — иначе его войска, как уже бывало, немедленно отреагировали бы на вторжение.

Тевтонский орден

6 февраля 1191 г., после взятия крестоносцами крепости Акра в Палестине, папа римский утвердил основанный герцогом Фридрихом Швабским орден для содержания больницы: "Братство Тевтонского (в переводе с латинского — Немецкого. — *Авт.)* храма Святой Марии Иерусалимской". 5 марта 1196 г. он был преобразован в духовно-рыцарский орден, согласно булле папы Иннокентия III от 1199 г. подвластный одновременно папе римскому и императору Священной римской империи германской нации. По-немецки организация называлась просто: "Deutscher Order" — "Немецкий орден".

Обогатившись в Святой земле и основав в Галилее свою резиденцию — Монфорскую крепость, братья стали подумывать о возвращении в Европу, тем более что на Ближнем Востоке грабить становилось всё опаснее. Под командой великого магистра Германа фон Зальца (1209–1239) тевтоны окопались в Венгрии,

куда король Андреаш II пригласил их в 1211 г. для борьбы с половцами. Немцы получили в своё распоряжение целую область на границе Трансильвании и… поднесли её в качестве лена папе римскому! Однако фон Зальц не рассчитал сил: в 1225 г. венгры изгнали тевтонов.

Тем временем папа Гонорий III объявил (в 1217) крестовый поход против язычников-пруссов, непокорных польскому герцогу Конраду I Мазовецкому. Договорившись с герцогом, тевтоны в 1230 г. под командой ландмейстера Германа Вальке явились на Вислу, обещав своему новому сюзерену Конраду воевать с пруссами и литовцами, получая в своё распоряжение земли, захваченные у язычников.

Всего за три года братья заложили крепости Торн, Кульм и Мариенвердер. По призыву папы на этот плацдарм в славянских землях хлынули крестоносцы. Польские и поморские князья, сами славяне, помогали им истреблять и порабощать славянское население, наступая на север — к морю, и на восток, в сторону Литвы и Руси. Неоднократно терпя поражения от славян-пруссов, русских и литовских князей, немцы упорно строили новые крепости и укрепляли Тевтонское государство, которое впоследствии стало Восточной Пруссией.

Присоединив в 1237 г. орден меченосцев, тевтоны под командованием Германа Вальке устремились в Ливонию и в 1240 г. атаковали оттуда русские пределы. Опыт схватки с князем Даниилом Романовичем при Дрогичине (1237) их ничему не научил. Немцы крепко надеялись, что русские дружины начисто порубаны татарами.

* * *

Новгородцы были настолько погружены в свои проблемы, что их летописец не отметил даже страшное разорение Киева и Южной Руси, а затем Западной Руси осенью 1241 г. О новых зверствах неодолимой Орды ни они, ни немцы не могли не знать. Князья и дружины, спасшиеся от татарских "загонов", купцы и местные жители бежали куда глаза глядят, заполняя соседние княжества и чужеземные государства до самой Германии[108]. Сам император Священной Римской империи германской нации писал (из Италии) английскому королю Генриху III о падении Киева столицы "благородной страны"[109], а новгородцы згой катастрофы "не заметили".

Может быть, граждане республики, как великий князь Даниил Галицкий, в отчаянии защитить себя понадеялись на военный

союз с немцами? Этого мы не знаем. Но, скорее всего, выживание всей Руси новгородских господ не волновало, а противоборствующие группировки "золотых поясов" и в условиях военной опасности продолжали борьбу за свои шкурные интересы. И князь, судя по всему, им мешал.

"Той же зимы (1240/41 г.), — сообщает новгородский летописец, — вышел князь Александр из Новгорода к отцу в Переяславль с матерью и с женой и с двором своим, распревшись с новгородцами". В чём состояла "пря" (споры. — Ав*т.),* мы можем только догадаться. По мнению В.А. Кучкина, например, князь упрекал новгородцев в том, что в Невской битве участвовала и понесла потери в основном его дружина, а новгородцев было мало. Как бы то ни было, новгородцы избавились от защитника Русской земли именно в момент опасного наступления неприятеля. "Той же зимой, — сообщает летописец, — пришли немцы на водь с чудью (на финно-угорских подданных Новгорода с отрядами покорёнными эстов. — *Авт.),* и повоевали, и дань на них возложили, и город учинили в Копорском погосте (что стоял в Вольской пятине земель Великого Новгорода. — *Авт.).* И не то было зло: но и Тесов взяли, и за 30 вёрст до Новгорода гнали, купцов убивая, а в другую сторону — к (реке) Луге до (посёлка) Сабля".

Странная складывалась картина. Огромный по европейским меркам Новгород с тремя сотнями "золотых поясов", каждый из которых имел свой отряд, республика с богатыми и сильными "пригородами", имевшими свои войска, с крепостями и стоящими в них гарнизонами, не могла отбиться от шайки разбойников! Ведь силы их противников, безнаказанно грабивших и убивавших новгородцев, состояли из нескольких десятков рыцарей, имевших до тысячи воинов и "без числа" подневольных эстов, которых за боевую силу никто не считал (и вообще в бою не считали).

Очевидно, новгородцы не могли объединиться, чтобы выставить в поле сколько-нибудь заметное число ратных сил, при этом не перессорившись насмерть между собой. Не исключено, что часть "золотых поясов", особенно те, кто был заинтересован в немецкой торговле, не прочь была сдаться на милость крестоносцев и даже принять "папёжскую" веру.

В самом деле — в XIII в. различия православия и католицизма в вероучении были ещё не велики, кроме "филиокве": исхождения благодати от Отца и Сына, с перенесением этого принципа на пап, — ничего серьёзного. Даже иконы и церковные убранства католиков и православных были в те времена похожи. Правда, службу католики вели на латинском языке, но и его, надо полагать, многие новгородские купцы знали:

это был язык международного общения на Западе (как сегодня английский).

К тому же, мгновенно менять церковный обряд папа не требовал: главное было признать его верховную власть как представителя Бога на земле. На этих условиях власти папы уже покорились православные патриархи взятых крестоносцами Константинополя и Иерусалима. Камнем преткновения был именно папа, вдохновитель крестовых походов против всех противных его воле.

Однако злодеяния крестоносцев на Руси всё же побудили терявших имущество и доходы знатных новгородцев подумать о призвании нового князя. С Александром Невским они уже не хотели иметь дела, поэтому просили Ярослава о новом правителе. Тот дал им в князья младшего брата Александра, Андрея. Юный и неопытны и в боях князь не устроил тех новгородских бояр, которые всё же хотели защитить свои владения от "крыжовников".

А враги Новгорода, как мыши, узнав, что дом остался без кота, на славу разгулялись. Земли республики одновременно атаковали немцы и литва, даже чудь безнаказанно грабила сёла и угоняла скот по реке Луге. И от нашествия врагов "нельзя было пахать по сёлам", — грустно подвёл летописец итог боярского правления в Великом Новгороде. Так продолжаться не могло.

На вече было решено послать к Александру самого архиепископа Спиридона, который благословил князя на подвиг в Невской битве, в сопровождении лучших мужей города. Великий князь Ярослав тоже "дал" своего старшего сына на новгородский "стол". Весной 1241 г. Александр Ярославич с дружиной прибыл в Новгород.

Положение немецких завоевателей радикально и самым плачевным образом переменилось. Летопись больше не сообщает о набегах в новгородские земли: встреча с дружиной Александра явно не входила в планы крестоносцев. Да и вообще расчёты 1240 г., когда Орда добивала Русь, выглядели ужасной ошибкой в 1241-м, когда татарскому разгрому подверглась католическая Европа, а "старшие братья" столь успешно вторгнувшихся на Русь экс-меченосцев пали 9 апреля 1241 г. под Лигницем.

Крестоносцы в битве при Лигнице

Зимой 1241 г., когда новгородцы слёзно просили князя Александра вернуться и спасти их от тевтонов, Орда ворвалась в Польшу. Всего три тумена татар разорили к весне Люблин, Завихвост, Сандомир и Краков, разгромив по пути два воинства

поляков. По призыву нового герцога Генриха Благочестивого тевтоны двинулись во Вроцлав, где их сюзерен собрал войска Великой и Малой Польши, верхней и нижней Силезии, чуть ли не 20 тыс. воинов (в литературе говорится и о 40 тыс., но это уже фантастика).

9 апреля 1241 г. (когда князь Александр уже вернулся в Новгород) тевтоны стройными рядами атаковали татар под селом Лигницем. Командиры потрёпанных, зато закалённых в походах ордынских туменов Байдар и Орду не хотели рисковать своими бесценными бойцами. Татары поставили дымовую завесу из подожжённой травы, из-за которой их лёгкая кавалерия поражала врага стрелами. Если тевтоны следовали западной военной традиции, то перестроились для атаки на лучников "свиньёй". Этот строй позволял уменьшить площадь поражения от прямых выстрелов и прикрыть более лёгких всадников затянутыми в кольчуги рыцарями, составлявшими первый ряд обращённого к противнику клина.

В погоне за татарскими лучниками рыцари и их польские союзники расстроили свои ряды. В этот момент по ним ударил плотный строй татарской тяжёлой кавалерии, сплошь закованной в железо. На Ближнем Востоке братья-рыцари уже видели коней, покрытых бронёй: на них сражались знатные турки-сельджуки. Но это были лишь отдельные всадники, за которыми следовал более лёгкий отряд. Ордынская же кавалерия, скакавшая плотным строем, колено к колену, состояла из бронированных людей и коней целиком.

Если рыцари ничего не знали о противнике, на которого шли в атаку, то татары уже разобрались в психологии врага, выучили нужные слова и при нападении кричали по-польски: "Спасайся, спасайся!" Ордынцы и так опрокинули бы противника, имея, благодаря плотности строя, против одного врага два, а то и три копья, но старались максимально избежать потерь. Польско-крестоносное войско стало разбегаться уже в ходе татарской атаки.

Почти все тевтоны храбро сражались вокруг своего сюзерена и полегли подле убитого татарами мазовецкого князя. В битве погибли шесть братьев-рыцарей, три рыцаря-послушника, два сержанта и 500 солдат Немецкого ордена. Трое рыцарей, бежавших с поля боя, были осуждены братьями.

Эти цифры страшных для ордена потерь шести братьев, на которых приходится 500 солдат и 2 сержанта, следует запомнить, чтобы сравнить с теми, что тевтонам ещё предстояли на Руси.

* * *

Поражение Тевтонского ордена под Лигницем не слишком обеспокоило их "братьев" в Ливонии, которые увлечённо делили добычу, причём отнюдь не со своими союзниками-датчанами (претендовавшими, по сообщению Матвея Парижского, на русские земли, уповательно уже очищенные от населения татарами). Через несколько дней после битвы, 13 апреля 1241 г., вступил в действие одобренный папской курией договор ордена с доминиканским епископом Эзеля и Поморья Генрихом о предоставлении именно ему церковной власти и небольшой части доходов (десятины от десятины) над землями между Русью и уже крещенными областями Эстонии. Речь конкретно шла о финно-угорских землях Великого Новгорода: областях Ватланд (Вольская земля), Ноува (бассейн Невы), Ингрия (Ижорская земля) и Карелия, для которых, раз орден уже поставил там замок, "есть надежда на обращение в христианство"[110].

Согласие епископа на столь ничтожную часть добычи — вместо обычной трети земли ордену отходило всё объяснялось в договоре тем, что на долю тевтонских братьев выпадает тяжкая работа, расходы и опасности в святом деле подчинении варваров. На самом деле всё обстояло куда проще: весной 1241 г. в епархии Генриха полыхало восстание, которое он мог подавить только с помощью ордена. В том же году завершив подавление восстания на о. Сааремаа (Эзеле), уже знакомый нам Андреас фон Вельвен, подписавшийся как временный "магистр дома братьев Тевтонских в Ливонии"[111], заключил с эзельцами, "кои к христианам чрезвычайно враждебны и приносят им много вреда на море, в приморских землях и прибрежных островах", кабальный мир от имени ордена и епископа Генриха[112].

Похоже, что наступление ордена в Вольской пятине возглавлял именно Андреас фон Вельвен, подписавший договор о грабеже финно-угорских земель Новгородской республики вокруг построенной в Копорье крепости как командор (commendator) "Тевтонских братьев Дома святой Марии в Ливонии". Если это тот самый "именитый муж Западной страны… Андреаш", который уже встречался с князем Александром и восхищался его качествами (а заодно навёл на Русь шведов), то он мог не сомневаться в благородном поведении своего противника.

Прибыв в Новгород, Александр Невский первым делом озаботился собрать местные войска — он не хотел больше подвергать опасности одну свою дружину. Были мобилизованы воины из Новгорода и его земель, ладожане, карела и ижорцы. С ними князь выступил к крепости, которую немцы возвели на Копорском погосте, и взял её. Пленных немцев он привёл в Новгород, впрочем, иных (не Андреаса ли?) сразу же отпустил

восвояси. Но "переветников" — водь и чудь, пошедшую на службу к крестоносцам, Александр Невский перевешал[113]. Противников, входивших, как и он, в касту профессиональных воинов, князь уважал, а изменников — презирал.

Очистив собственно новгородскую территорию, Александр Ярославич не двинул войска на Псков. С одной стороны, ему всегда трудно было заставить новгородцев выступить против псковичей. С другой — князь сам отнюдь не желал терять людей, штурмуя столь большой и хорошо укреплённый город.

К весне 1242 г., когда Александр всё же собрался в поход, вся Западная Европа была охвачена ужасом от нашествия Орды, громившей её рыцарей с такой лёгкостью, как будто это были не опытные воины, а дети. Германский король Конрад Штауфен собирал под своё знамя курфюрстов и рыцарей для обороны против орды, а население страны молилось: "Господи, избави нас от ярости татар". Паника царила и в более отдалённых местах. В тихом монастыре в Кёльне хронист записал: "Значительный страх перед этим варварским народом охватил отдалённые страны, не только Францию, но и Бургундию, и Испанию, которым имя татар было доныне неизвестно".

Французский хронист писал о полном застое торговли из страха перед татарами. Король Франции Людовик IX отвечал на послание папы о борьбе с общей опасностью, что если "татары" появятся, рыцарство Франции умрёт за церковь. Матвей Пражский записал в хронике, что в Англии торговля с континентом прервалась. Сам император Фридрих II, писавший королю Англии Генриху III о татарской опасности, в ответ на письмо хана Батыя о покорности ответил, что, будучи знатоком пернатых (его перу принадлежала классическая книга о соколиной охоте), он мог бы стать ханским сокольничим[114].

Укрепления Копорья. Современный вид

Ясно, что к моменту выступления Александра Невского на Псков его граждане убедились, что немцы им от Орды — не защита, а сами крестоносцы уже и не знали, цел ли их возлюбленный Фатерлянд, или разорён так же, как Русь. В любом случае, при начале войны с "королём Александром" надеяться на подкрепления из Пруссии и Германии тевтонам было нечего.

Да и сами убеждения "братьев-рыцарей" подвергались в это время серьёзному испытанию. Их природный сюзерен, император Священной римской империи германской нации Фридрих II Штауфен, был основательно и неоднократно проклят католической церковью. В июне 1241 г. император лично возглавил победоносную войну против палы римского Григория IX, благословившего поход немецких рыцарей на восток. Крестовый поход был выгоден, но папа-то покушался на основы светского мироустройства — на его более чем святую в глазах рыцарей вассальную систему, да ещё и хотел вырвать из-под власти немцев Италию. Во всём этом явно был непорядок…

Жизнь на Карте: император против папы

Владыка Священной Римской империи германской нации Фридрих II Штауфен был один в высоком и светлом зале прекрасного дворца в Палермо. Придворные, если не разбежались, испугавшись папского проклятия, то попрятались, не рискуя попадаться Фридриху на глаза. Считалось, что в одиночестве император решает судьбы мира. Фридрих стоял в середине зала, на занимающей почти весь пол огромной карте. Ее 15 лет гравировал на серебряных пластинах арабский путешественник и географ ал-Идриси: один из сонма мусульманских, греческих и еврейских ученых, собранных в лучший в мире университет ещё дедушкой императора, королём Роджером II.

Дедушке было легко: его рыцари-норманны, потомки буйных викингов, захвативших Сицилию в IX в., не вникали в проблемы католической веры, даже знать не знали, что такое "ересь". Не тронула их и чума, опустошившая всю Европу. Прекрасный остров в Средиземном море стал оазисом наук и искусств, дивной архитектуры и тонкого придворного обхождения. Не случайно ал-Идриси изобразил его центром огромного земного мира. Говорят, Роджер, хоть и не дожил до окончания работ, не жалел об отпущенном картографу серебре. 800 марок (184 кг) — малая плата за новое чудо света!

Выполненная с великим тщанием, карта ничуть не устарела с

тех пор, как работа старика Идриси была завершена и матушка, королева Констанция Сицилийская, опустила 3-летнеш Фридриха прямо на серебряные контуры своего острова. Она старалась не покидать его границ, разве что навещала свои владения в Южной Италии, спасенные от разорения её браком с наследным принцем империи. Хитрый дедушка Роджер удачно сторговался с императором Фридрихом I Барбароссой, когда немецкие войска были остановлены союзом итальянских городов в сече при Леньяно (1176). Раненый в сражении завоеватель вынужден был признать свободу самоуправляемых городов (1183). Только удачной женитьбой сына Генриха на Констанции Фридрих скрасил свои потери в Италии (1186), но вскоре утонул в грязной речушке в Малой Азии (1190). Император Генрих VI (1190–1197) едва нашел время, чтобы встретиться с супругой, и почти не заметил рождения наследника в 1194 г. Отца Фридрих не помнил, матушка скончалась, когда ему было 4 года (1198). Воспитывали ребенка ученые мужи университета в Палермо; иногда он с "дядьками", учившими его военному делу, жил в южно-итальянской Апулии.

Италик в те времена по призыву папы римского Иннокентия III поднималась против "северных варваров"-германцев. Отданный матерью под покровительство папы Фридрих считал себя итальянцем. Наследник имперского престола изучил немецкий язык, но для познания наук и искусств важнее были арабский и греческий. Свои трактаты юный король писал на латыни, стихи на родном итальянском. Мусульманские владыки из Испании и Северной Африки при случае всегда заезжали к гостеприимному двору короля Сицилии и Южной Италии, благо он по комфорту и роскоши не уступал их собственным.

Прекрасные вина и пышные дворцы Палермо, заимствованная из Византии обходительность придворных, восточная музыка и танцы, волшебная арабская литература и поэзия сочетались с легкостью нравов, принесенных с юга Франции. Мусульманские эмиры наслаждались куртуазными романами с золотоволосыми норманнскими дамами и отечески наставляли гостеприимного хозяина в секретах государственного управления. Наслаждаться жизнью временами мешали лишь грубые бароны, застроившие остров каменными замками и выяснявшими отношения с помощью оружия. Такого беспорядка не было в цивилизованных странах, у мусульман и византийцев!

С помощью арабских друзей Фридрих нанял профессиональное войско и, без особого беспокойства, разделался со сворами буйных рыцарей. Вначале он приказывал сносить до фундамента только замки противников короны. А

затем повелел уничтожить все частные укрепления и низверг власть баронов над землями. По византийскому образцу он разделил королевство на административные округа во главе с губернаторами, подчиненными королевскому правительству. Оно действовало на основе письменных законов и возглавлялось законоведом-юстициарием.

"Мельфийские конституции" — свод законов Фридриха (1131) — установили единый поземельный налог и систему косвенных налогов, ограничили права сеньоров и входившие в моду вольности городов. Король видел в самоуправлении городов вред для государственного единства, не меньший, чем всевластие баронов и распри сеньоров. Норманны роптали, что в войске Фридриха слишком много мавров, итальянцы для спасения своей сильно поруганной чести создали тайное общество "Коза ностра", но до королевского дворца их заботы не долетали. Налоги собирались правильно, чиновники действовали по закону, правосудие было относительно справедливым, одним словом, для успешного бунта не было никаких условий. Сицилия и Южная Италия процветали. Король десятилетиями, не замечая времени, тешился в своих резиденциях обществом ученых мужей и прекрасных дам.

Источник беспокойства Фридриха лежал севернее его королевства, которое он считал сердцем мира. Переступив несколько шагов по серебряной карте, император наступил ногой на Рим: средоточие его личных и вселенских забот. Матушка не промахнулась, отписав в завещании опекунство над маленьким сыном только что вступившему на престол папе Иннокентию III (1198–1216), вскоре создавшему в центре Италии сильное теократическое государство. В те времена только он мог быть надежной защитой Фридриху.

Кроме Германии, Сицилии и Южной Италии ленная власть папы простерлась при Иннокентии на часть Испании, Португалии, Дании, распространилась в Польше, Чехии и Венгрии. В 1213 г. папским леном объявил свою страну и король Англии. Когда крестоносцы сокрушили Византийскую империю (1204), папе покорились даже православные патриархи Константинопольский и Иерусалимский. Казалось, границ для него не существует.

Встречаясь со своим воспитанником в Апулии, блестящий правовед Иннокентий внушал Фридриху, что божественная власть правопреемника святого Петра над Папским государством — основа его универсальной, то есть всемирной власти. Юный король должен был верить, что чиновничье государство энергичного папы было образцом абсолютной монархии, а все прочие владыки склонялись перед главой христианского мира.

Иннокентий вмешивался в каждое важное событие эпохи. Он повелевал королями и считал себя сюзереном, который жалует высший светский сан императору.

Папа долго обносил своего воспитанника горькой чашей власти, как будто "забыв" о его праве на имперский престол. Из двух одновременно избранных в Германии королей (1198) Иннокентий поддержал Оттона IV Вельфа — ведь тот поклялся уважать папские привилегии. Когда его соперник Филипп II Швабский был убит, папа короновал Оттона венцем императора (1209). На следующий год Оттон нарушил клятву, и папа отлучил его от церкви. Под влиянием папского золота германские князья низложили Отгона и избрали королем Фридриха (1212).

В 18 лет "апулийский мальчик" должен был покинуть любезную ему Сицилию и двинуться в полудикие, известные жестокими нравами северные земли. Даже на серебряной карте их полупустынные пространства были больше густонаселенного и цивилизованного Средиземноморья. Заплетающимися шагами император побрел по залу к Франкфурту: там, в присутствии послов французского короля Филиппа II Августа и на деньги, занятые Фридрихом под залог драгоценных сицилийских земель у генуэзцев, германские князья торжественно избрали его "римским королем".

Коронованный в Майнце, он с легким сердцем поспешил в тёплые края, домой, по дорогам, забитым толпами детей, направленных фанатиками в крестовый поход. Лишь часть этих несчастных Фридрих смог завернуть с дороги в Италию назад, в Германию. На этом бы его немецкие дела и кончились, но низложенный император Оттон Вельф бросился мстить за обиду французскому королю, отнимавшему последние владения у любезного сердцу папы английского короля Иоанна I Безземельного (непутёвого брата Ричарда Львиное Сердце). Разбитый при Бувине, Отгон бежал, потеряв и золотой императорский штандарт, и свой престиж в Германии. Фридриха снова извлекли с Сицилии и теперь уже по настоящему короновали в Аахене (1215).

В Риме Иннокентий III ликовал. Его воспитанник, к тому же вассал по королевству Сицилии и Южной Италии, возглавил могущественную и прираставшую завоеваниями Германию. К великому горю Фридриха, ему пришлось несколько лет жить на севере, а центром мира стал Рим. После коронации "апулийского мальчика" на Вселенском соборе в Латеранском дворце в Риме папа Иннокентий пережил свой звездный час: все его постановления были утверждены как незыблемые" а всем ненавистным ему еретикам объявлена война (1215).

Крестоносцы графа Симона де Монфора заливали кровью альбигойский Прованс, на Луаре благословлённые папой рыцари резали вальнедсов, в Ломбардии — гумилатов, на Балканах — богомилов. Расследование (inquisitio) преступных стремлений еретиков жить по евангельским заповедям взял на себя орден 4 псов Господних" (Domini canes), утвержденный в правах в 1216 г. уже новым папой Гонорием III (1216–1227).

Еретиков Фридрих не жалел: католики пытали и жгли на кострах своих же христиан, не трогая иноверных ученых из университета в Палермо. А папа-воспитатель убедительно доказал ему, что ересь в соответствии с римским правом тождественна оскорблению высшей власти ("оскорблению величества") и посему подлежит наказанию государственному. Поскольку же ересь — чума души, смертельный враг лучшего, что есть в человеке, ее надлежит истреблять, как заразу — сожжением на костре. Во исполнение постановлений Латеранского собора Фридрих утвердил имперским законом суд инквизиции и сожжение еретиков светской властью (1224).

Но прежде чем проводить по всей империи свои законы, Фридрих должен был покинуть ненавистный север и венчаться императорским венцом в Риме (1220), поклявшись соблюдать и расширять папский сюзеренитет (верховную власть) над Сицилией, Южной и Центральной Италией, а также не позднее, чем через год, отправиться в крестовый поход. Эту тяжкую ношу он нести очень не хотел.

Объединив отцовское германское наследство с материнским сицилийским, Фридрих вернулся в Палермо и зажил счастливо. Напрасно старый и больной папа Гонорий твердил про крестовый поход. У императора было полно мирных дел. Он продолжал обустраивать Сицилию, добавив к наемной армии сильный флот для защиты самого острова и южного берега Италии от пиратов. В Германии он укрепил своё влияние, щедро раздавая светским и духовным князьям административные и судебные права и раздаривая огромный фонд имперских земель. В глазах Фридриха северные владения Штауфенов не имели ценности. Его заботил лишь порядок, а его обеспечивали князья на местах. Когда рейнские города возмечтали о правах вольных коммун, как вольные города будущего Ганзейского союза, Фридрих издал указ, запретивший городам добиваться свободы от сеньоров и грозивший ослушникам суровой карой (1232).

Оторвав взор от постылого севера, император решительно зашагал по карте на юг, где на стыке Африки и Азии ал-Идриси крупно высек слово: Иерусалим. Фридрих всегда знал, зачем папа толкает его в крестовый поход. Гораздо ближе, посредине Италии,

лежала вздувшаяся раковой опухолью Папская область, границы которой угрожающе наползали на королевский Юг и отрезали его от искони мятежного Севера. Там, на севере Италии, бившие еще его дедушку Фридриха Барбороссу Ломбардские города готовы были восстать, как только имперские рыцари уйдут на долгую и кровавую войну за Святую землю.

Лишь под угрозой отлучения от церкви Фридрих обещал выступить в поход (1225) и тут же женился на Изабелле, дочери обиженного папой иерусалимского короля Жана. Видя, что имперские рыцари уже пришивают к своим плащам крест, Ломбардия вооружилась. Крестоносцы готовы были двинуться вместо Святой земли на Северную Италию, но новый папа Григорий IX (1227–1241) пресек усобицу. 80-летний племянник Иннокентия III хорошо подшутил и над избравшими его для "краткого понтификата" кардиналами, и над уповавшим на его немощь императором. Когда Фридрих отплыл в крестовый поход с подошвы "италийского сапога", из Бриндизи, чтобы несколько дней спустя вернуться назад "по болезни", папа решительно отлучил императора от церкви (1227).

Поход на Иерусалим становился неотвратимым. Изгнанный приверженцами императора из Рима старик-пана был тверд, как кремень, и не снимал проклятие с Фридриха. Но так ли необходимо было воевать? Шагая по серебряной карте к Иерусалиму, Фридрих с удовольствием вспоминал, как использовал свои связи среди мусульман, чтобы договориться с одними, подкупить других и без боя войти в Иерусалим. Шестой крестовый поход (1228–1229) был начат им законно, когда истек срок перемирия с Египтом и завершен мирным договором с султаном, благодаря которому Иерусалим остался в руках христиан (до 1244). Вернее — в руках венчанного на Иерусалимский престол Фридриха (1229–1239).

Такого Италия не ожидала. Папа был в ужасе: Святая земля была освобождена, главной цели крестоносного дела больше не существовало! Напрасно Григорий IX вопиял, что император — пират и нечестивец, замаравший себя сделкой с "неверными", напрасно подверг интердикту (запрету совершать богослужение) освобожденную Святую землю. Высадившись в Италии, Фридрих молниеносно разгромил войска папы, уже тихой сапой подобравшиеся к Неаполю, а затем и его Ломбардских союзников. Папа признал власть императора в Италии, а Фридрих не тронул раковую опухоль в центре полуострова — Папское государство (1230).

Золотые годы мира пролетели на Сицилии, как это водится, незаметно. Посланный править Германией сын Генрих

забунтовал, но князья не поддержали его, несмотря на золото папы (1235). Опаснее была возобновленная с участием папы лига Ломбардских городов (1232), которым чуть было не последовали города на Рейне. Покинув милую Сицилию, император при поддержке немецких князей двинулся на Милан. Он разгромил горожан при Кортеново (1237) и осадил Брешию. Этот город на карте ал-Идриси Фридрих хотел пометить черным цветом. Граждане стояли насмерть, и, потеряв немало рыцарей, император отступил.

Утешил Фридриха его незаконный, но самый любимый сын Энцио. Красавчик смутил сердце наследницы Сардинии, и отец помог молодым соединиться. А после свадьбы Фридрих увенчал Энцио короной Сардинии. Это был папский лен. В ответ на новую анафему (1239) войска Фридриха заняли все Папское государство. Бегая по Италии, старик Григорий IX бомбардировал всех светских государей призывами истребить "медведя, леопарда, богохульника, сына Вельзевула". В ответ Фридрих писал монархам, что папа — их общий враг, ибо, атакуя самого сильного из них, мечтает поработить всех.

На Пасху 1241 г. папа назначил Вселенский собор для осуждения императора. Но флот под командой Энцио перехватил корабли епископов на море, и прелаты оказались в тюрьме. Когда в далёкой Руси князь Александр Невский выбивал крестоносцев с новгородских земель, имперские войска плотно окружили Рим.

Призывавший к крестовым походам против империи и Руси папа был в ловушке.

Однако Фридриху не удалось, как Александру в Копорье крестоносцев, взять в плен папу. Поставив рекорд папского долгожительства, Григорий IX в 94 года задохнулся от гнева, оставив императора с носом (1241). Для того чтобы 10 оставшихся на свободе кардиналов не отвертелись от выборов нового папы, впервые был применен конклав (от лат. cum clave — запертые на ключ). Но запертые в одной из комнат Латеранского дворца кардиналы вышли из положения, избрав умирающего Целестина IV. Он прожил в качестве папы всего две недели: анафему с императора не снял, но дал кардиналам возможность бежать из Рима. Когда зимой 1242 г. Александр Невский собирал войска для похода на Псков, у крестоносцев вообще не было папы!

Фридрих с трудом мог разыскать на огромной карте городишко Ананью, где кардиналы-беглецы собрались после полутора лет мытарств. Они выбрали папой Иннокентия IV, генуэзца по происхождению и гибеллина (сторонника империи) по убеждениям (1243). Фридрих примирился с папой, отвел

войска из его земель и отбыл на Сицилию. "Сицилийские каникулы" стали величайшей ошибкой в его жизни и катастрофой для его империи.

Отсюда, из Сицилии, казалось милым ностальгическое желание папы посетить родную Геную. Этот город, обозначенный самым большим значком на серебряной карте западного берега Италии, славился своими банкирами и могучим флотом. Некогда генуэзцы своими деньгами помогли выбрать на германский престол Фридриха. Теперь, не желая выгодного им окончания борьбы между папами и императорами, они укрыли Иннокентия и ссудили ему денег. К разбогатевшему папе устремились со всего света епископы. Франция поддержала папу против императора, после кончины Изабеллы женившегося на сестре английского короля Генриха III.

17 июля 1245 г. во французском городе Лионе Вселенский собор постановил предать анафеме Фридриха и все его потомство, лишить их всех занимаемых престолов и призвать их подданных к восстанию. Против Фридриха был объявлен крестовый поход.

А довольный папа получил от собора право дарить новым кардиналам красные шляпы.

Прозвучавшие из далекого Леона обвинения в клятвопреступлении, еретичестве и склонности к магометанству не испугали Фридриха. Из дворца в Палермо дела в Европе смотрелись неплохо. Франция и тем более Англия на призыв к крестовому походу не откликнулись. В Германии были избраны целых два антикороля, но сын Фридриха Конрад IV сумел заручиться поддержкой большей части князей и привлек к себе верхнедунайские города.

В Италии часть городов перешла на сторону императора, а в других партии его сторонников-гибеллинов бились с папской партией гвельфов. Правда, войско Фридриха потерпело поражение в битве под Пармой (1248), но его казна еще не опустела. Сицилия и Южная Италия, освобожденные его администрацией от баронского произвола, процветали, налоги поступали в Палермо исправно.

Сейчас, когда император в одиночестве мерил шагами серебряную карту, новое хорошо вооруженное войско готовилось в Апулии к решающему походу на Север Италии, в Германию, даже на Лион! Момент решительной схватки светской и церковной власти настал. Сюзерены должны решить, на чьей они стороне, будут дольше терпеть деспотичную власть Рима или станут самовластными.

Последний из средневековых императоров вышел из зала

Серебряной карты и призвал свиту. В сопровождении верных рыцарей он покинул дворец в Палермо и вскоре достиг Апулии. 13 декабря 1250 г., после смотра войск, 56-летний Фридрих II Штауфен внезапно почувствовал недомогание. Несмотря на папскую анафему, архиепископ Палермский отпустил грехи умирающего и причастил императора перед кончиной. Светские власти были в ужасе, духовные ликовали. "Рука божия" проявила себя явно и далее действовала наверняка.

Избранный королем Германии Конрад IV умер столь же внезапно, как отец: ведя рыцарей в поход на Северную Италию (1254). Внука Фридриха Конрадина князья не признали, и тот бежал на Сицилию, где правил другой сын Фридриха — Манфред. Тогда новый папа, Климент IV (1265–1268), "подарил" Сицилию и Южную Италию брату французского короля Карлу Анжуйскому. В год коронации Карла в Риме (1266) французы разбили сицилийцев у Беневента и убили Манфреда. Конрадин был разбит в 1268 г. и обезглавлен в Неаполе.

С гибелью Штауфеиов пала их империя. В "великое междуцарствие" (1254–1273) в Германии не было единого главы. Империя распалась на самостоятельные земли. Часть их позже собрали Габсбурги, другую лишь в XIX в. объединил "железный канцлер" Бисмарк. Еще дороже папская политика партикулизма (разъединения) обошлась Италии: она на 600 лет осталась разорванной в клочья добычей жадных соседей.

Князь Александр Невский, хорошо разбиравшийся в делах Западной Европы, был свидетелем поражения и развала великой империи в борьбе с папством. И даже бояре Пскова убедились, сколь опасно было искать союзников в лице папских епископов.

Если Александр Невский был врагом папы, то он на деле выступал как союзник императора Священной Римской империи германской нации и короля Германии Конрада, его сына, собиравшего войска против татар. Александр был естественным союзником рыцарей и против орды, которая грозила уничтожить их метрополию. Словом, у непривычных к размышлениям братьев-рыцарей голова шла кругом…

Глава 5. ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

К весне 1242 г. крестоносцы в Пскове вконец приуныли. Многочисленное и воинственное русское население роптало, воинские пополнения из Германии, с ужасом ожидающей нашествия татар, перестали поступать. Пославший их в крестовый поход папа римский пал (говорили, что умер от злости в осаждённом Риме) в войне с их собственным императором, а нового папы вообще не было. Не удивительно, что весть о выступлении против них войск "короля Александра" повергла завоевателей в трепет.

Князь выступил из Новгорода с могучими полками, но сумет одержать победу без боя. "Пошёл князь Александр с новгородцами, и с братом своим Андреем, и низовцами (владимиро-суздальской ратью. — Ав*т.)* на немцев, и занял все пути до Пскова, — сообщает новгородский летописец — и изгони князь Псков (т. е., нагрянув нежданно, взял город сходу, "изгоном". — *Авт.),* пленил немцев и чудь, и сковав, заточил в Новгород, а сам пошёл на чудь", то есть на завоёванные немцами земли эстов[115].

Лаврентьевская летопись, сохранившая остатки владимиросуздальского летописания, подтверждает, что князь Андрей Ярославич был специально прислан с великокняжеским войском в Новгород на помощь брату: "Великий князь Ярослав послал сына своего Андрея в Новгород Великий в помощь Александру против немцев; и победили их на за Псковом на озере, и полон многий пленили; и возвратился Андрей к отцу своему с честью"[116].

Ливонская рифмованная хроника подтверждает предположение историков, что "перенятие" всех путей и внезапный "изгон" Пскова конной дружиной князя не дал немцам времени даже оценить силы противника. Им оставалось только горевать.

> На Руси есть город,
> он называется Новгород.
> До [новгородского] князя дошло это известие,
> он собрался со многими отрядами
> против Пскова, это истина.
> Туда он прибыл с большой силой;
> он привел много русских,
> чтобы освободить псковичей.
> Этому они от всего сердца обрадовались.

Когда он увидел немцев,
он после этого долго не медлил,
он изгнал обоих братьев-рыцарей,
положив конец их фогству,
и все их кнехты были прогнаны.
Никого из немцев там не осталось:
русским оставили они землю.
Так шли дела братьев-рыцарей:
если бы Псков был тогда убережен,
то это приносило бы сейчас пользу христианству
до самого конца света.
Это — неудача.
Кто покорил хорошие земли
и их плохо занял военной силой,
тот заплачет, когда он будет иметь убыток,
когда он, очень вероятно, потерпит неудачу.

Этот поучительный для грабителей-крестоносцев рассказ орденский стихотворец продолжил описанием главных с ил воинства "короля" Александра (в переводе И.Э. Клейненберга титул изменён на "князя"[117]), которые крестоносцы установили лишь после взятия им Пскова и вторжения русских войск эстонские земли ордена:

Есть город большой и широкий,
который также расположен на Руси:
он называется Суздаль.
Александром, звали того,
кто в то время был его князем:
он приказал своему войску готовиться к походу.
Русским были обидны их неудачи;
быстро они приготовились.
Тогда выступил князь Александр
и с ним многие другие
русские из Суздаля.
Они имели бесчисленное количество луков,
очень много красивейших доспехов.
Их знамена были богаты,
их шлемы излучали свет.
Так направились они в землю братьев-рыцарей,
сильные войском.

Целью похода Александра Невского было принуждение

противника к миру. Он не повёл войско ни на Медвежью голову, ни на Юрьев, но сразу после пересечения границы пустил воинов на добычу: "И как были на земле (чуди) — пустил полк весь в зажития". Впереди в разведке ("разгоне") скакали новгородские бояре. "А Домаш Твердиславич и Кербет (предположительно дмитровский воевода. — Ав*т.)* были в разведке, и подстерегли их немцы и чудь у моста (по версии В.Т. Пашуто — у селения Мооста. — Ав*т.),* и бились тут; и убили тут Домаша, брата посадника, мужа честного, и иных с ним убили, а иных в плен взяли, и иные к князю прибежали в полк".

Немцы не запомнили этого эпизода, чтобы рассказать своему хронисту. Однако хроника хорошо передаёт атмосферу поспешного сбора сил крестоносцев, сгоряча решивших, как и хотел Александр Невский, атаковать русских в открытом поле:

> Тогда братья-рыцари, быстро вооружившись,
> оказали им сопротивление;
> но их [рыцарей было] немного.
> В Дерпте узнали,
> что пришел князь Александр
> с войском в землю братьев-рыцарей,
> чиня грабежи и пожары.
> Епископ не оставил это без внимания,
> быстро велел мужам епископства
> поспешить в войско братьев-рыцарей
> для борьбы против русских.
> Что он приказал, то и произошло.
> Они после этого долго не медлили,
> они присоединились к силам братьев-рыцарей.
> Они привели слишком мало народа,
> войско братьев было также слишком маленьким.
> Однако они пришли к единому мнению
> атаковать русских.

Лучшей для немцев и худшей для Александра была бы идея отсидеться в крепостных стенах, однако расчёт князя на горячность противника оправдался. Даже когда его войско отступило по льду Чудского озера к крутому русскому берегу, дав врагу "поле" для атаки, рыцари не почувствовали неладного. "Князь же (с войском. — *Авт.)* отступил на озеро, — сообщает Новгородский летописец, — немцы же и чудь пошли за ними". Скорее всего, враги ещё не представляли себе мощи русских войск и решили, как обычно, действовать нахрапом.

Побоище на льду Чудского озера происходило не так, как

описано в учебниках и показано в кино. На поле боя не было ни толп русских пеших ополченцев, ни заградительного обоза, ни строя пеших кнехтов, — все, включая приведённую немцами чудь, сражались в этой битве на конях[118]. Не было даже тевтонского магистра, которому Александр Невский в классическом кинофильме буквально дал "по рогам".

Вместо магистра у ливонских рыцарей Немецкого ордена был ландмейстер[119], а рогов на тевтонских шлемах не было. Впрочем, не было у них в те времена и тяжелых ведрообразных шлемов-топхельмов, на которые творчески настроенные костюмеры фильма "Александр Невский" так ловко прикрепили рога и прочие поздние, парадно-турнирные, мешающие в реальном бою высокие навершия. Даже белые плащи с чёрными крестами воины Немецкого ордена в большинстве своём не носили: это было церемониальное облачение рыцарей-"братьев", которых среди крестоносцев, галопом вылетевших на лёд Чудского озера, было крайне мало, немногим более 26.

Из красочной картины сражения, в котором Александр Невский якобы окружил рыцарей фланговой атакой кавалерии, а крестоносцы проломили своей тяжестью лёд, верно лишь то, что рыцари во второй раз атаковали "свиньёй".

Этот плотный строй с тяжеловооруженными всадниками в челе и по бокам клина, предназначенный для атаки на лучников и арбалетчиков, был не вполне обычен для рыцарей Европы. Большинство просто не могло допустить, чтобы чьё-то знамя находилось впереди. Рыцари с оруженосцами и челядью атаковали каждый сам по себе, образуя неправильную цепь. Писавший по горячим следам событий новгородский летописец воздал должное необычной дисциплине орденских крестоносцев, которые "прошиблись свиньей сквозь полк" русских. Чем вполне надёжно погубили себя.

В субботу 5 апреля 1242 г., пишет новгородский летописец, "на память святого великомученика Клавдия, на похвалу святой Богородицы", "увидели князь Александр и новгородцы" наступавших на них немцев и чудь. Русские немедля "поставили полк на Чудском озере, на Узмени (в проливе между Чудским и Псковским озёрами), у Вороньего камня. И наехали на полк немцы и чудь, и прошиблись свиньей сквозь полк, и была сеча великая немцам и чуди.

Бог же, и Святая София, и святые мученики Борис и Глеб, их же ради новгородцы кровь свою проливали, тех святых молитвами пособил Бог князю Александру. А немцы тут пали, а чудь бежала. И, гоня, били их на 7-ми верстах по льду до Суболичского берега. И пало чуди без числа, а немцев 400, а 50 в

плен взяли и привели в Новгород".

Согласно Ливонской рифмованной хронике, рыцари немедля после своего решения атаковать бросились на русскую рать, нимало не позаботившись о разведке. Однако

> Русские имели много стрелков,
> которые мужественно приняли первый натиск,
> [находясь] перед дружиной князя.
> Видно было, как отряд братьев-рыцарей
> одолел стрелков;
> там был слышен звон мечей,
> и видно было, как рассекались шлемы.
> С обеих сторон убитые
> падали на траву[120].
> Те, которые находились в войске братьев-рыцарей,
> были окружены.
> Русские имели такую рать,
> что каждого немца атаковало,
> пожалуй, шестьдесят человек.
> Братья-рыцари достаточно упорно сопротивлялись,
> но их там одолели.
> Часть дерптцев вышла
> из боя, это было их спасением,
> они вынужденно отступили.
> Там было убито двадцать братьев-рыцарей,
> а шесть было взято в плен.
> Таков был ход боя.

Более обобщённо и литературно описывает те же события "Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра":

"После победы Александровой, когда победил он короля, на третий год, в зимнее время, пошел он с великой силой на землю псковскую, ибо уже был взят немцами город Псков.

И пришли немцы к Чудскому озеру, и встретил их Александр, и изготовился к бою, и пошли они друг против друга, и покрылось озеро Чудское множеством тех и других воинов. Отец Александра, Ярослав, прислал ему на помощь младшего брата Андрея с большою дружиною. Да и у князя Александра было много храбрых воинов, как в древности у Давида-царя, сильных и стойких. Так и мужи Александра исполнились духа ратного, ведь были сердца их, как сердца львов, и воскликнули: "О княже наш славный! Ныне пришло нам время положить головы свои за тебя". Князь же Александр воздел руки к небу и сказал: "Суди меня,

Боже, рассуди распрю мою с народом неправедным и помоги мне, господи, как в древности помог Моисею одолеть Амалика, а прадеду нашему Ярославу окаянного Святополка".

Была же тогда суббота, и когда взошло солнце, сошлись противники. И была сеча жестокая, и стоял треск от ломающихся копий и звон от ударов мечей, и казалось, что двинулось замерзшее озеро, и не было видно льда, ибо покрылось оно кровью.

А это слышал я от очевидца, который поведал мне, что видел воинство Божие в воздухе, пришедшее на помощь Александру.

И так победил врагов помощью Божьей, и обратились они в бегство, Александр же рубил их, гоня, как по воздуху, и некуда было им скрыться. Здесь прославил Бог Александра пред всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона. А того, кто сказал: "Захватим Александра", — отдал Бог в руки Александра. И никогда не было противника, достойного его в бою. И возвратился князь Александр с победою славною, и было много пленных в войске его, и вели босыми подле коней тех, кто называет себя "божьими рыцарями"".

Это всё, что рассказывают нам источники, написанные современниками событий со слов их участников[121]. Из их рассказов наиболее очевиден состав войск.

Отборное войско Александра Невского, атаковавшее Псков "изгоном" и стремительно влетевшее в земли врага, было конным — и по русской военной традиции XIII в., изученной А.Н. Кирпичниковым, и по стоявшей перед ним задаче. Грабить землю врага и выманивать его на битву, связав себя пешим ополчением, было просто неразумно.

Разумеется, обоз у русских был: какой же зимний (да и летний) поход без обоза? Только великий князь Святослав Игоревич в X в. "не возил с собой ни возов, ни котлов", ел с дружиной что придётся и спал "с седлом в головах". И даже в те суровые времена княжий аскетизм вызывал удивление летописца. Так что сани с лихими возницами для перевозки своих тяжестей и добычи у русских были. Но возниц вряд ли можно считать пехотой. Как и лагерных слуг, перемещавшихся на санях. Подставлять под удар обоз и обозников не стал бы даже начинающий полководец Средневековья.

Аналогично были конными немцы и чудь. Они стремительно собрались с силами и "наехали" на русское войско. А после битвы, гонимые конными дружинниками, не без успеха удирали от них по льду семь вёрст (почти 7,5 км). Пешему или потерявшему коня проще было сразу сдаваться или умирать всё равно от конницы не спастись!

Второй важный вопрос: каким же образом Александр Невский "исполнился", то есть как он построил свою конную рать, "полк"? Источники говорят лишь одно: "перед дружиной князя" было "много стрелков", "которые мужественно приняли первый натиск", что и заставило немцев перегруппироваться в "свинью" — специальный строй против стрелков.

Мысль, что стрелки были пешими или просто стреляли с земли, передвигаясь в походе на конях, следует отбросить. Русские дружинники изначально с глубоким уважением относились к этому виду оружия. Квалифицированный лучник (только таких и можно было использовать в бою) занимал в дружинной среде высокое положение. А русские луки в XIII в. (и по данным археологии, и по изобразительным источникам) были степного типа, то есть предназначались для конников. Эксперименты исторических реконструкторов в XXI в. показали, что стрельба со стоячего коня так же быстра и точна, как с земли, и только на скаку лучник стреляет не столь далеко и метко.

Новгородский летописец не упоминает лучников потому, что это была самая обыкновенная часть русского конного войска. Немцы, конных лучников не имевшие, вспоминали об эффективности этого рода войск с большим раздражением.

Осыпать врага градом убийственных стрел, заставить сомкнуться в "свинью", а перед тем, как она вновь развернётся в линию для копейного удара, ускакать в разные стороны — таковы наиболее логичные действия лучной дружины на льду Чудского озера. Другим вариантом действий было бросить луки в привешенные к поясам футляры-налучья и атаковать несущихся навстречу немцев с мечами наголо. Это требовало разгона, неизбежно привело бы к большим жертвам от немецкий копий, а главное — затруднило бы таранный удар стоявшего за лучниками большого княжеского полка.

О построении и действиях основных русских сил, стоявших за лучниками, не пишет ни одна из сторон. То есть необычными они не были. Русский средневековый полк составляли "чело" (центр) и два "крыла". В большом войске это были: Большой полк с полками Правой и Левой руки. Обязательное боевое прикрытие впереди "чела" или Большого полка могло, при достаточной численности, называться Передовым или Сторожевым, полком. В нашем случае это были конные лучники, вооружённые легче, чем тяжёлая кавалерия, наносившая таранный удар.

Можно было бы вспомнить, что в глубоком построении русских войск полки Правой и Левой руки выдавались вперёд, как бы подпирая собой передовую линию. В этом случае, пролетев за строй стрелков, немцы сами собой попадали в окружение с трёх

сторон. А конные стрелки, отбросив мало боеспособную чудь, спокойно возвращались и закрывали горловину "мешка".

Но для понимания хода битвы на Чудском озере таких построений не требуется. Достаточно осознать, что галопом летевшие в атаку немцы могли быть встречены только контратакой на полном галопе. Иначе русские потеряли бы своё преимущество: таранный удар более тяжёлой кавалерии. Да и вообще, стоя на месте, такой удар никто в здравом рассудке не принимал. А поскольку русских было, если верить Ливонской хронике, намного больше, развёрнутый строй их летящих в атаку всадников сам собой охватывал и замыкал противника в смертельных "объятиях". Окружённые и лишённые манёвра немецкие кавалеристы могли ещё махать мечами, но, по сути, были уже мертвы.

Остаётся единственный важный вопрос: через какой именно полк "прошиблись" немцы в своей самоубийственной атаке? Через передовой полк стрелков или ядро войска Александра? Первый случай мы уже рассмотрели. Второй тоже более чем вероятен. Во встречном бою конники отнюдь не сталкиваются конями грудь в грудь, а стараются пролететь в просвет между вражескими всадниками.

Противники (кто не был убит копьём или выбит из седла) проходят друг сквозь друга "гребёнкой", выхватывая вместо сломанного или вонзившегося во врага копья меч. И, используя ещё не потерянную скорость коня, с плеча рубят всадников второй и последующих линий врага. При этом столкновении над полем брани и "стоит треск от ломающихся копий и звон от ударов мечей", описанных в Житии.

Пролетев сквозь немцев, русские оказались на оперативном просторе, заодно напугав скакавшую позади немцев чудь. А немцы с достойным случая звоном и треском вписались в высокий обледеневший берег Чудского озера. Русские могли с разгону их атаковать, отъезжать и вновь атаковать копьями. У рыцарей, сержантов и кнехтов ордена места для разгона, без которого невозможна эффективная конная атака, не было. Они сами загнали себя в ловушку!

Сначала тем "братьям", что не смогли "прошибиться сквозь полк", ещё "был слышен звон мечей, и видно было, как рассекались шлемы", а вскоре немцы видели лишь массу русских, которая давила окружённых тевтонов. Атаковали "свиньёй" тевтоны, а не пробились в окружение рыцари епископа Юрьевского. Часть их даже сумела ускакать, когда ратники князя Александра добили тевтонов и, не насытившись боем, с увлечением бросились в преследование, походя рубя

улепётывающую чудь.

Невозможно было представить себе лучшей местности для преследования. Даже ковыльная, не покрытая высокой травой степь, где всадник буквально через 100 м может из-за неровностей местности скрыться из глаз, не шла ни в какое сравнение с плоской поверхностью по весеннему ноздреватого, возможно, кое-где ещё покрытого снегом льда. И добычу на этом идеальном поле легко было собирать: недаром археологам со дна Чудского озера почти ничего не досталось.

Теперь, когда, как говорил Остап Бендер, "картина битвы нам ясна", следует разрешить великий спор историков о численности сторон и потерях. Здесь, как и во многих других эпизодах жизни Александра Невского, спорили не столько аргументы, сколько политические убеждения. Русские и советские историки очень хотели преувеличить масштаб битвы, их оппоненты — низвести сражение до уровня мелкой пограничной стычки.

Нам с вами эти игры неинтересны. Посмотрим, что могут, а что не могут сказать нам подлинные источники. "Видно было, что отряд братьев строй стрелков прорвал", — сообщает Ливонская рифмованная хроника. Отряд, в оригинале "баньер" — это хоругвь в 35 рыцарей, до 400–500 всадников. Из них "двадцать братьев осталось убитыми и шестеро попали в плен". Это соответствует цифрам погибших и пленных немцев Новгородской Первой летописи: "пало чуди без числа, а немец 400, а иных 50 руками взяли и привели в Новгород". Очевидно, что 26 братьев-рыцарей вели в бой более 400 сержантов и кнехтов. Но в плен простых солдат всегда брали меньше. Так было во всех битвах Средневековья, где мы имеем данные о потерях. Поэтому из 400 убитых немцев рыцарей было всего 20, а из 50 немцев в плену оказалось 6 рыцарей.

450 убитых и пленных немцев, в том числе 26 братьев ордена, это ещё не все, участвовавшие в атаке. Части братьев и всем рыцарям епископа Юрьевского далось вовремя отвернуть от русского строя и спастись. Чисто умозрительно это могла быть половина или, как минимум, треть участников битвы со стороны крестоносцев. Следовательно, их выехало на лёд 600–900 человек, больше, чем в ужасной для ордена сече при Лигнице, где погибло 6 братьев, 3 рыцаря-послушника и 500 солдат. Сами немцы считали прежде всего "братьев", и в этом смысле Ледовое побоище обошлось им более, чем вчетверо дороже Лигницы, и в 13 раз дороже Пскова.

Но могло ли участвовать в битве такое количество "братьев"? Ведь если спаслась хотя бы половина, на поле брани их должно было быть 52? — Вполне могло. Вспомним, что для восполнения

потерь в сече под Шяуляем в Ливонию в 1237 г. прибыли с Германом Вальке 54 брата-тевтона. При этом часть братьев-меченосцев не участвовала или спаслась в злосчастном походе против Литвы. А для крестового похода на Русь орден наверняка усиленно вербовал новых членов.

Важно отметить, что хотя автор хроники считает потери в Ледовом побоище крупными и слёзно оплакивает павших, в тексте нет и намёка, что жертвы были катастрофическими. Единственное, что позволяет себе стихотворец, это приписать больше потерь "королю Александру":

> Князь Александр был рад,
> что он одержал победу.
> Он возвратился в свои земли.
> Однако эта победа ему стоила
> многих храбрых мужей,
> которым больше никогда не ходить в поход.

Однако о потерях русских в самой битве новгородский летописец, обычно тщательно исчисляющий потери (и называющий имена всех сколько-нибудь знатных лиц), вообще ничего не говорит. До битвы — да, потери были. А на льду Чудского озера — нет. Для закованных в латы профессионалов, составлявших войско Александра, такой итог был вполне возможен — раз уж сберегавший своих воинов князь поставил противника в самое невыгодное положение!

Как же так? А где же смертоубийственное побоище, в котором, как говорят историки, участвовало с каждой стороны от 10 до 17 и даже до 20 тыс. человек, истреблявших друг друга так безжалостно, что, согласно Житию, "не было видно льда, ибо покрылось оно (озеро. — *Авт.)* кровью"?! Где почудившееся рыцарям, рассказывавшим о сражении автору Ливонской рифмованной хроники, несметное число русских: по 60 на одного немца? Ведь если брать минимальное число окружённых (как сумму погибших и пленных), то получается 450 х 60 = 27000, а если считать весь баньер — до 35 тысяч!

И где же, самое главное, картинно проламывающийся под "тяжёлой рыцарской конницей" лёд, завершающий побоище массовым потоплением врага?! Тот лёд, который сомкнётся над головами утопленников и скроет от русских реальное число погибших крестоносцев, так, что можно будет писать: на льду победители собрали 400 вражеских тел, а утонули, несомненно, остальные тысячи.

Для понимания исторической реальности в этих

литературных преувеличениях нет никакой нужды. 600–900 профессиональных воинов-немцев, в том числе около 50 рыцарей — это очень большая по тем временам сила. Если им противостояло вдвое, пусть даже втрое большее число русских — это 1200–1800 закованных в броню бойцов. Конечно, это не 14 500 владимиро-суздальских ратников, которых мы насчитали в битве при Липице 1216 г., на которую, как мы помним, согнали толпы ополченцев, даже из крестьян. Но ведь и тогда княжеские дружины вряд ли составляли более одной десятой воинства, то есть профессионалами в этом массе были примерно 1450 воинов.

Покрыть весь лёд кровью вполне могли те 400 немцев, что пали в окружении, стиснутые на небольшом участке озера отъезжающими и снова атакующими их русскими дружинниками. Ещё более "спасают" картину; нарисованную в Житии, бесчисленные толпы слабо вооружённых, а главное — не имевших профессиональной военной подготовки эстов, которых крестоносцы пригнали за собой на лёд Чудского озера. Такие, с позволения сказать, "воины", вполне пригодные для фуражировки и прочих форм грабежа, оказались в Чудской битве как будто среди танков — на гладкой равнине льда. Их могло быть и 3, и 5, и даже 10 к 1 крестоносцу, то есть от 1800 до 9 тыс. человек. Цифры достаточные, чтобы должным образом окрасить лёд озера не только на месте побоища, но и на семи верстах пути преследования бегущих.

Но всё-таки, спросите вы, почему бы, раз у нас нет точных данных о силах сторон, не "добавить" также и к русскому войску изрядное число ополченцев, как делали советские историки, мечтавшие показать "народный" характер Ледового побоища?! Тогда и получилось бы до 10 тыс. с немецкой и до 20 тыс. с русской стороны, — вполне впечатляющие (хотя ничего не добавляющие к картине с военной стороны) цифры. А почему бы и нет? Средневековые авторы, особенно на Западе, нередко увеличивали число участников битв до десятков, а то и до сотен тысяч, особенно когда писали спустя много лет о сражениях, имевших в их глазах особенно большое значение.

Примерно так и мыслили составители более поздних летописей, когда, по мере утверждения потомков Александра Невского во главе Руси, его фигура приобретала в их глазах огромное значение, а деяния — воистину эпический размах. Уже в первой четверти XV в. при работе над московским великокняжеским сводом митрополита Фотия сведения современной событиям летописи (Новгородской Первой летописи старшего извода) и Жития святого князя Александра были переплетены в одном приукрашенном рассказе, попавшем в иные

летописи: там уже не озеро, но само "море замёрзшее" готово было от грома битвы "двигнутися"![122]

Восходящая к этой традиции Софийская Первая летопись XV в. так описывает идущую в бой немецкую армаду: "магистр вышел против них (русских) со всеми епископами своими, и со множеством народа их и властей их, что ни есть на этой стороне, и с подмогой королевской" (датской). Против них на льду Чудского озера стояло могучее воинство. В итоге боя "пало немцев 500, а чуди бесчисленное множество. А в плен взяли немцев 50 мужей нарочитых, мужей сильных, воевод, и привели в Новгород, а иных вода потопила, а иные зло израненные убежали"[123].

Увеличение числа павших немцев на 100 (500 вместо 400) было незначительным, но то, что 50 пленных были объявлены рыцарями, резко меняло масштаб битвы. Ведь 1 рыцарь на 10, а нередко и на 20 кнехтов был вполне обычным в немецких войсках и Тевтонском ордене. Если же 50 было "воевод", то великий князь Александр, похоже, разгромил вооружённые силы не только Ливонии, но и Восточной Пруссии, а может — и всей Германии.

Важно отметить, что добавки и преувеличения в позднейших описаниях Ледового побоища были чисто литературными. Они стали следствием приукрашивания уже имевшихся текстов, а не результатом использования новых источников. Так, вставка "иных вода потопила" указывала на знакомство составителя Софийской Первой летописи с летописным рассказом 1234 г. о битве у реки Омовжи (у немцев — Эмбах), когда крестоносцы действительно провалились под лёд.

Эта красочная картина понравилась последующим писателям, историкам, художникам, а затем и кинематографистам настолько, что вошла в школьные учебники и стала хрестоматийной. Хотя почему, спрашивается, вода должна была "потопить" живых крестоносцев? В летописи речь могла идти и о скрытых под водой трупах. Это помогло бы читателю понять, куда всё-таки делись бесчисленные вражеские войска "магистра", если павших немцев сочли всего 500.

Любители драматических сцен имеют право верить, что воинов Александра и его врагов было бесчисленное множество, а князь сражался, словно Роланд, устилая лёд вокруг себя горами трупов и тысячами теряя своих людей. Эта картина Ледового побоища вошла в национальное самосознание, а значит, обрела, если не истинность, то несомненное право на существование.

Но мне кажется более привлекательным другой образ князя, полученный современной наукой: профессиональный воин, заставляющий врага совершить ошибку и громящий его наголову

без потери единого своего бойца. Этот образ заставляет отбросить ложные представления о бронированных, эстетски украшенных немецких рыцарях, героически побеждённых легче вооружёнными, в массе своей пешими, чуть ли не лапотными русскими воинами. И заменить его истинной картиной русской дружинной конницы в блистающих шлемах, с ярко раскрашенными щитами, сметающих заржавленную и грязную (ещё бы, если тевтоны годами не мылись в бане!) рыцарскую кавалерию таранным копейным ударом. Мне кажется важным понять, что Александр Невский на льду Чудского озера не просто победил "малой кровью", но весьма убедительно доказал крестоносцам превосходство русского оружия и русской правды.

Подведём итоги.

Никакого присутствия новгородского ополчения (крайне важного для советской историографии, чтобы подчеркнуть народный характер битвы) в Ледовом побоище не прослеживается. Манёвра для окружения немцев не требовалось: в предложенных князем условиях они сами рвались в окружение, где и погибли. В битве участвовало до 900 немцев, в смертельной атаке — более 400 всадников, в их числе около 35 рыцарей. Менее десятка смогло пробиться назад и бежать по примеру легкоконных эстов, составлявших "тело" свиньи. 20 рыцарей полегло, шестеро попали в плен. В этом немецкая хроника точно совпадает с русской летописью (с кнехтами — 50 пленных немцев и 400 тел на залитом кровью льду).

Никакой лёд под рыцарями 5 апреля 1242 г. не проламывался. Место для битвы выбирал Александр, который не мог поставить свою тяжелую конницу на хлипкой поверхности. Под лёд рыцари провалились в 1234 г., когда отец Александра Ярослав потопил их в реке Эмбах. Красочный мотив потопления рыцарей, присутствующий на каждой картине Ледового побоища, был внесён в описание Чудской битвы в Софийской Первой летописи XV в., составитель которой беззастенчиво приукрашивал победу Александра Невского.

Глава 6. МИР И ПРАВДА

Картина издевательства над пленными рыцарями, которых вели подле их коней босыми по снегу, появилась в Житии князя Александра и в более поздних источниках. Она отсутствует в современной событиям новгородской летописи и Ливонской рифмованной хронике. А главное — противоречит благородной традиции взаимоотношений князя с рыцарями и самой логике политических событий.

У тевтонского ландмейстера, который столь храбро повёл своих бойцов в "напуск" на рать Александра (когда рыцари епископа Юрьевского остались позади и утекли из боя), Орда стояла на пороге Фатерлянда в то время, как его сюзерен император разгромил и фактически уморил его духовного владыку папу У страшного для немцев "короля Александра" за спиной уже лежали развалины, каждый меч был на счету, мир с лучшим по военной организации рыцарским войском Европы напрашивался. Стоявший рядом с ним под знаменем с владимирским золотым львом князь Андрей Ярославич всей жизнью доказал, что не способен склониться перед Ордой и готов насмерть биться с ней и её ставленниками (хотя бы и братом). Решиться на примирение с храбрыми рыцарями было нетрудно.

Максимум требований, которые перед битвой мог выставить крестоносец в интересах объединения оружия против общего врага, был отказ Новгорода от претензий на юрьевские земли, отвод войск "короля" от границы и возвращение всех пленных. Могли князь их принять? — Великий Новгород их на самом деле принял! После битвы епископы Риги и Юрьева прислали в республику посольство с извинениями за вторжение и предложением помириться на существовавших до 1240 г. границах, обоюдно вернув пленных. Высокие стороны заключили мир, о юрьевской дани князю речи не было.

"В том же году, — продолжает Новгородская летопись рассказ о Ледовом побоище, — прислали немцы с поклоном: "в отсутствие князя что мы заняли Водь, Лугу, Псков, Лотыглу мечем, того мы всего отступаем, а что мы взяли мужей ваших, теми разменяемся: мы ваших отпустим, а вы наших пустите", и заложников псковских отпустили (детей бояр, выданных Твердилой. — *Авт.),* и умирились"[124].

Неясно, участвовал ли Александр Невский в подписании этого мира. В 1243 г., когда Ярослав вынужден был приехать в ставку Бату-хана, он уже замещал отца во Владимире. В любом случае уступка юрьевской дани была крупным шагом Руси к

союзу с Западом перед лицом общего смертельного врага.

Однако союзу Руси с католиками не суждено было сложиться. Крестоносцы из соседних западных стран не оставляли надежд поживиться на Руси. В свою очередь, преславная победа Александра Невского над рыцарями отозвалась вспышкой войны славян с крестоносцами. В том же 1242 г. поморский князь Святополк (зять Даниила Галицкого) в союзе с литовцами Миндовга вошел в Пруссию и порубил выживших после Лигница рыцарей у Рейзенского озера. Всеобщее восстание пруссов поставило тевтонов на край гибели. В 1244 г. волынские войска взяли у поляков Люблин, год спустя — могучее венгеро-польское войско погибло под Ярославом от меча Даниила Галицкого, который лично сорвал вражеский стяг. Геройские подвиги были совершены в сражениях христиан между собой, папа римский тщетно взывал к Александру и Даниилу о союзе против татар; он не сложился, западная половина Руси погибла в этой борьбе, восточная, направляемая Александром, на 200 лет осталась под игом Орды…

Немцев Александр склонил своим оружием к правде, но что было делась с Псковом: городом, пострадавшим от немцев, но жители которого всё-таки в массе своей изменили Руси и православию?! Псков не без трепета ждал возвращения победоносного князя из похода. В Псковской Первой летописи, где записи за 1240-е гг. сделаны позже событий, сказано, что Александр Невский, проведя связанных рыцарей "босыми по льду", обратился к восторженно встретившим его гражданам с укоризненной речью, предостерегая их от того, чтобы стать "второй Жидовой"[125].

Житие святого князя несколько проясняет эту сцену:

"И когда приблизился князь к городу Пскову, то игумены и священники, и весь народ встретили его перед городом с крестами, воздавая хвалу Богу и прославляя господина князя Александра, поюще ему песнь: "Ты, Господи, помог кроткому Давиду победить иноплеменников и верному князю нашему оружием веры освободить город Псков от иноязычников рукою Александровой".

И сказал Александр: "О, невежественные псковичи! Если забудете это до правнуков Александровых, то уподобитесь иудеям, которых питал Господь в пустыне манною небесною и перепелами печеными, но забыли всё это они и Бога своего, избавившего их от плена египетского".

Псковичи выслушали упрёки князя, но что именно они не должны были забыть? Свою измену и немецкую оккупацию? Славную победу Александра, освободившего их из-под власти

врага? Как вообще князь надеялся удержать в составе Руси город, десятилетиями бунтовавший и против призываемых править князей, и против Господина Великого Новгорода?

Замечательный историк В.Т. Пашуто считает, что не по годам мудрый князь после победы на Чудском озере дал Пскову новый свод законов — "Правду", по которой город затем жил века. Нелепо пересказывать его яркое описание этого события, вобравшее множество деталей псковской жизни того времени: прочтите сами.

Историк В.Т. Пашуто о "Псковской Правде" князя Александра

"…Позади славная победа. Но Александр понимал — это война не последняя. Жизнь показала, что крепостных стен и княжеских засад недостаточно. С двухлетним хозяйничаньем немецких фогтов во Пскове было покончено. Самое удобное время упрочить тут княжую власть, чтобы свои люди и в господе и в суде могли предотвратить повторение боярских измен. Лучший к тому повод — упорядочить в виде "Правды" местное, дотоле разрозненное судопроизводство, разумеется, не упустив своего. <…>

Александр, используя нормы "Русской Правды", определил в Псковской земле объем и доход княжеского суда с разбора всех уголовных дел — от мелкого хищения сена с верхушки стога до вооруженного разбоя.

Создавая свой закон, Александр заседал с псковским боярским советом близ княжого двора на сенях в местном Детинце, по-псковски — кроме (кремле, укреплении). После этого приезда Александра псковичи тут стали собирать вечевые сходки. Кром стоял на высоком крутом холме у слияния рек Псковы и Великой.

…Псков был Александру дорог. За долгие годы князь привык к нему.

Псков — город необычный. В сравнении с Суздальским краем это, конечно, захолустье. Тысяч десять горожан живут на военную ногу. Простой люд ютится в бревенчатых срубах. Погода здесь не балует — и крыши для тепла засыпаны землей. Свет проникает через окна-щели с деревянными задвижками, а дым очага уходит через дыру в крыше. Усадьбы знати — зимние и летние (гридницы), двухэтажные терема — соединены крытыми переходами. Всё отделано замысловатой резьбой, растения, птицы, звери, люди — затейливо раскрашены, словно для того, чтобы скрасить суровую природу и жесткий пограничный быт

крепости, окруженной стихией языческих народов и стоящей лицом к лицу с опасным врагом.

Церквей здесь каменных, вместе с Троицким собором, четыре. Они словно вывезены из Новгорода. Храмы смотрят на реку Великую, близ которой и знать живет, и духовенство. А посад — в Среднем городе у дороги между кромом и Торговищем. Он насквозь мирской, полуязыческий. В глубине Детинца, где происходит посажение князей, сгрудились клети, амбары, житницы — весь припас горожан, купцов и воинов. Неподалеку от собора, на крепостной стене, висит колокол, которым созванивали вече. Тут же стоят сани — предмет гордости псковичей. Они принадлежали киевской великой княгине Ольге. Она ввела здесь первые законы, а он, Александр, лишь продолжал дело прабабки.

Он дорожил поддержкой городов. Что можно сделать без их оружия, без стали, железа, брони, копий и стрел? Немецкие фогты по своему обычаю лишили псковских купцов и ремесленников всяких прав. Александр же, напротив, восстановил "старину" и включил в свою грамоту статью о судебных правах их объединений — братщин. "А объединение (купцов, ремесленников) совместно пирующих может судить, как судьи".

Псковичи настаивали на ограничении княжеской торговли вином. Трезвость богоугодна, а потому "княжеские люди пусть по дворам корчем (кабаков) не держат ни в самом Пскове, ни в пригороде, и хмельной напиток не продают ни ведром, ни ковшом, ни бочкою". Решение понятное: человек "пьянством прибытки теряет, князем землю пусту творит" и сам гибнет, ибо пьянство "смысл отъем лет, смысл погашает, смыслу пагуба".

Возникали тут и курьезные вопросы. Например: "Если кто-либо с кем обменяется чем-нибудь или купит что-нибудь спьяна, а когда проспятся, один из участников сделки будет недоволен?" Александр решил: "Ино им разменится, а в том целования нет, ни присужати" — иными словами, "им следует разменяться тем, чем ранее обменялись, а к присяге их по суду не следует приводить". Решение князя на стороне собственника.

Городской быт знал и другие происшествия: "Если кто-либо вырвет у другого клок бороды и это подтвердит свидетель" — как судить? Александр решил: "Пусть свидетель принесет присягу и идет на поединок с оскорбителем; если свидетель одолеет своего противника на поединке, то за повреждение бороды и за избиение следует присудить вознаграждение"; "свидетель в таких делах должен быть только один". Должно быть, не один свидетель чесал в затылке, прежде чем свидетельствовать в таком деле.

От грамоты Александра псковичи потом вели свою "добрую

старину", воплощенную в их основном законе — "Псковской судной грамоте", принятой "всем Псковом на вече" в 1462 г. Они придавали ей такое же большое значение, как новгородцы "Грамотам Ярослава". Не зря в заголовке "Псковской судной грамоты" на первом месте стоит имя Александра и сказано, что она "выписана из великого князя Александра грамоты". Словом, как того и хотел автор "Жития", Александр и при правнуках своих не был забыт псковичами.

Теперь Псков неприступен, с княжеским наместником, войском, судом да с двумя, как и в Новгороде, линиями обороны. На 300 км вдоль Великой и Наровы с юга на север и на 100 км в ширину протянулась Псковская земля с ее крепостями Изборском, Островом, Опочкой, Воронаем. Земля отныне приграничная на столетия. Немцы под боком…"[126].

Псковская Судная грамота — довольно обширный[127]и чрезвычайно содержательный документ[128]. Историки не устают спорить, какая часть ее законодательных установлений восходит к Грамоте великого князя Александра, и даже какой именно имелся в виду Александр.

Изначально было выдвинуто разумное предположение, что "великим князем Александром" псковичи называют Александра Невского, гордясь его законодательной грамотой так же, как новгородцы — грамотой Ярослава Мудрого, утвердившего права Господина Великого Новгорода в XI в. Но впоследствии учёные, которым тоже хотелось сказать что-нибудь своё, предположили, что упоминаемый Александр — это Александр Михайлович, изгнанный с тверского великокняжеского "стола" и с 1325 по 1338 г. дважды (с перерывом в полтора года) княживший в Пскове. Правда, Александр Михайлович не мог законно титуловаться "великим князем" в Пскове, но ведь и Александр Ярославич в те годы, когда занимался законодательством псковичей, великим князем ещё не был!

Я полагаю, не стоит сомневаться в том, что псковичи помнили Александра Ярославича именно как великого князя, авторитетом которого были с середины XIII в. надёжно защищены их права. В пользу Александра Невского говорит и тот факт, что в 1395 г. московский святитель Киприан, митрополит Киевский и всея Руси (1374–1406), упомянул в своём послании псковичам о "грамоте князя великого Александрове", несомненно, имея в виду Александра Ярославича. В Пскове больше не было великих князей с именем Александр, а уж титуловать так Александра Тверского — соперника милой его сердцу Москвы в борьбе за объединение Руси, Киприан никак не мог. То, что столетие спустя (в 1474/1475 г.) великий князь Московский Иван III, потребовав на

просмотр псковские пошлинные грамоты, нашел их грамотами "не самых князей великих"[129], говорит только о естественном прирастании псковского законодательства новыми установлениями после Александра Невского, которые не удовлетворили государя.

Несомненны и некоторые идеи Судной грамоты, восходящие к трудам Александра Невского, установившего свою "Правду" в Псковской земле после десятилетий раздиравших её измен и внутренней борьбы. Александр укрепил роль князя как обязательного третейского судьи в спорах граждан между собой — а они и в более поздние времена составляли основную часть судебных дел Пскова. Но мудрый князь не стал отнимать у Пскова его свобод. Главное отличие Псковской Судной грамоты от Русской правды состояло в том, что во Пскове князь судит-рядит "не единолично, а во главе судебной коллегии, в состав которой входят посадник и сотские"[130]— выборные представители граждан.

Псковское народное собрание — вече — и его избранники остаются основой власти, но даже они не могут "погубить" человека "без неправы", ни на суде, ни на самом вече. В небольшом. 10-тысячном Пскове, в отличие от аристократического Новгорода, в вече обычно принимали участие все наличные мужчины: и "середине", и "молодые", "мелкие люди", даже самая "препростая чадь"3. Александр Невский хорошо знал, как далеко бывает буйное вече от правды, и потому уложил: "на вече суда не судят".

Основой правого суда должен быть закон, одинаковый и равный для всех. Но как этого добиться, если сами судьи связаны со сторонами родственными и дружескими узами, взаимными услугами, а то и просто мздой? Этот вопрос, не вполне решённый в наших судах доселе, Александр Невский решал тремя путями. Во-первых, участием в судебной коллегии князя, не столь заинтересованного в местных делах. Во-вторых — опорой на письменный закон: "судить им… взирая в "Правду"". Наконец, ответственностью присяжных судей перед Богом.[131]

"Посадник, — гласила Псковская Судная грамота, — при возведении на свою должность должен присягнуть в том, что судить ему справедливо, по присяге, не корыстоваться городскими деньгами, не мстить никому по вражде своим судом, не сговариваться на суде, дружа по родству, не губить правого, не жаловать виноватого, а без разбора никого не осуждать".

"Князь и посадник, — установил Александр Невский, — не должны производить суда на вече; судить им у князя в палатах, справляясь с законом, согласно присяге. Если же они не будут

судить по закону, то да будет им Бог судьёй на втором пришествии Христа. А тайных поборов не брать ни князю, ни посаднику. Если кому-либо из княжеских слуг будет назначено ехать в пригород (зависимый от Пскова город. — *Авт.*) в качестве наместника, то он должен присягнуть в том, что будет желать Пскову добра, а судит пусть справедливо, по присяге".

Памятовал Александр Невский и о том, как новгородское боярство при нём свергало посадника и иных чиновников республики, чтобы решать споры в свою пользу. Легко понять, откуда в псковской судной грамоте появился закон: "Посадник, оставивший свою должность, обязан сам закончить разбор [начатых им) судебных и других дел, а его преемнику не пересматривать вынесенных им судебных решений", — чтобы менять посадника в свою пользу было не повадно.

Позаботилась Судная грамота и об ограничении возможностей вносить изменения в закон. На это имело право только общее народное собрание: "Если в этом сборнике псковского права обнаружится отсутствие какой-либо статьи, то посадники должны доложить об этом на вече Псковского государства и затем внести эту норму. Если же какая-то статья закона покажется нежелательной [вечу] Псковского государства, то она может быть исключена из сборника"[132].

В отличие от многих средневековых законов, Грамота князя Александра Пскову призывала к осторожности в вынесении наказаний и даже к милосердию. Так, "вора, совершившего кражу в Кроме (псковском кремле. — *Авт.),* конокрада, изменника и поджигателя" следовало "лишать жизни". Но уже "если будет совершена кража на посаде, то дважды помиловать (не лишать жизни) виновного, а, доказав преступление, наказать сообразно со степенью вины; уличив же в третий раз, предать его смертной казни, подобно вору, совершившему кражу в Кроме".

Ненавистные князю Александру "переветники", т. е. изменники, а также, по мнению историка В.О. Ключевского, устроители мятежей, заговорщики, также подлежали смертной казни по суду, на состязательном процессе и с учётом всех улик, как поджигатели и неисправимые воры (некоторые учёные добавляют в этот список и злых волхователей). Сам Александр Невский, однако, был к изменникам не столь суров, и, памятуя о спасении своей души, иногда их миловал.

18 мая 1243 г., сообщает новгородский летописец, во псковском Ивановском монастыре случилось знамение: "от иконы святого Спаса над гробом княгини (супруги князя. — *Авт.)* Ярослава Владимировича, которую убил её пасынок в Медвежьей голове, шло миро из иконы 12 дней". Две "скляницы" этого мира

псковичи привезли в Новгород на благословение архиепископа, а две оставили себе. Граждане двух городов восславили тогда человеколюбие Господа вседержителя, "яко призираешь на нас, убогих, своею многою милостию"[133].

Это знамение напомнило Александру Невскому о трагической судьбе семьи псковского изменника, князя Ярослава Владимировича. Сын изгнанного из Пскова князя Владимира Мстиславича, дяди Ростиславы, матушки Александра, бежал к немцам в Ригу, и многие годы наводил врагов на Русь. У немцев Ярослава Владимировича принимали хорошо, тем более что матерью его была племянница епископа Рижского Альберта — реального главы крестоносцев в Ливонии.

В 1233 г. Ярослав со своими единомышленниками из Новгорода и немцами захватил Изборск, но псковичи отняли у них город обратно. В 1241 г. Ярослав опять захватил Изборск, а затем и Псков с немцами, среди которых, после смерти епископа Альберта, уже не пользовался большим почётом. Использовав, крестоносцы просто вышвырнули его, передав управление Псковом в руки своих фогтов.

Измену родине Ярослав Владимирович усугубил изменой жене. Княгиня Евфросиния, дочь полоцкого князя Рогволда Борисовича, тётка св. князя Довмонта и родственница жены самого Александра Невского, была брошена непутёвым князем Ярославом. Узнав, что он женился (по католическому обряду!) на девице из Ливонии, Евфросиния ушла в основанный ею псковский Ивановский монастырь и приняла имя Евпраксия. Став уже настоятельницей, Евпраксия не нашла в себе сил отказаться от приглашения бывшего мужа и поехала на свидание с ним в орденскую крепость Медвежья голова. Там она и была убита своим пасынком, сыном Ярослава от немки, 8 мая 1243 г.

Мотивы убийства источники не раскрывают, но они и так прозрачны. Легко понять, как всполошилась немецкая семья Ярослава, перепугавшись, что преподобная княгиня вернёт заблудшего князя к праведной жизни и в лоно православия. Это, ценой гибели Евпраксии, и произошло. Князь отказался от католических заблуждений, забыл былое властолюбие и вернулся на Русь, а княгиню погребли в Пскове, в соборе Ивановского монастыря, который с тех пор сделался усыпальницей псковских княгинь. Память святой благоверной княгини Евпраксии Псковской, в миру Евфросинии, празднуется 20 мая.

Возможно, из человеколюбия, снисходя к просьбам своей княгини Александры, а скорее — сочтя, что Ярослав Всеволодович уже довольно за свою измену "Богом убит", то есть справедливо наказан за грехи, Александр Невский, сразу по

заключении мира с крестоносцами, позволил Ярославу вернуться на Русь. Изменник не только был принят в Пскове и Новгороде, но и посажен Александром на "подручное" княжение в новгородском Торжке. Здесь он через несколько лет кровью искупил свои прегрешения перед Русью.

Интересно, что новгородский летописец, ранее сурово осуждавший деяния Ярослава Владимировича, посвятил его подвигу большую статью под 1245 г., отзываясь о раскаявшемся грешнике подчёркнуто одобрительно. Даже и без положительного тона мы поняли бы, что летописец горячо одобряет раскаяние Ярослава: ведь статья о его деяниях по объёму немногим уступает рассказу о Ледовом побоище.

А в те годы летописец делал свои записи нечасто. После чуда во Пскове он отметил только кончину жившей в Новгороде княгини Ростиславы, матери Александра, 4 мая 1244 г. К этому времени княгиня под именем Евфросиния приняла постриг в Юрьеве монастыре, где она жила, не отходя от гроба своего старшею сына Фёдора. Здесь, подле гробницы Фёдора Ярославича, и было погребено её тело[134].

На следующий год объединённое литовское войско атаковало Бежецкий верх на востоке современной нам Тверской области и подошло к Торжку. Ярослав Владимирович с гарнизоном и гражданами Торжка бросился на врага, но потерпел поражение. Часть его воинов погибла, часть попала в плен, остальные лишились коней. Тем не менее князь с остатками дружины преследовал литовцев. Вместе с ним тверской воевода Явид и дмитровский Кербет (не тот ли, что участвовал в походе на крестоносцев в 1242 г.?) сразились с литовским войском под Торопцом. Русские вновь были разбиты и вынуждены укрыться в Торопец.

"На утро, — рассказывает летописец, — подоспел Александр с новгородцами, и отбил пленных всех, а княжичей (литовских. — *Авт.*) изрубил более восьми". После стремительного и победоносного рейда Невский увёл своё войско назад. Житие Александра так описывает этот эпизод:

"В то же время набрал силу народ литовский и начал грабить владения Александровы. Он же выезжал и избивал их. Однажды случилось ему выехать на врагов, и победил он семь полков за один выезд и многих князей их перебил, а иных взял в плен; слуги же его, насмехаясь, привязывали их к хвостам коней своих. И начали они с того времени бояться имени его".

Но князь Ярослав, мечтавший заслужить прощение единоплеменников и замолить свои грехи перед Богом, не успокоился и после разгрома литовского войска под Торопцом. С

одним лишь "своим двором" он нагнал и разбил отступавших литовцев на берегу озера Жижец к югу от Торопца: "не упустил их ни одного мужа, и тут перебил остаток княжичей". Не успокоившись и на этом, Ярослав вызволил из Витебска своего сына и с "малой дружиной" настиг ещё одну рать литовцев неподалёку от р. Западной Двины, у её притока Усвята. "И тут, — торжествует летописец прощение грехов князя, — Бог ему помог, и тех (литовцев. — *Авт.)* перебил, а сам пришёл здрав и дружина его".

Правда во владениях Александра Невского торжествовала, мир с соседями был добыт его мечом, милосердие князя окупалось. Но на следующий год новгородский летописец сделал лишь одну запись:

"Поехал князь Александр в татары"[135].

Часть IV. ИСКУШЕНИЯ

Глава I. ОРДА И РИМ

Весной 1242 г., победоносно возвращаясь в Степь из Западной Европы, Орда двигалась отнюдь не на пустое место. Её ждали уже освоенные татарами кочевья в низовьях Волги, где хан Батый и основал свою ставку — Сарай-Бату. Многонациональное степное войско, двинувшееся в 1235 г. в завоевательный поход с ханом Батыем, насчитывало примерно 139 тыс. воинов (столько же, сколько участвовало в завоевательных походах Чингисхана). Это означало, что при отношении воинов к общему числу населения 1:5 (среднем для кочевников Центральной Азии), в завоёванных степях и вокруг Сарай-Бату кочевало около 700 тыс. человек[136], которых на Руси обобщённо называли татарами, не считая огромной массы рабов и "союзников" завоевателей из покорённых народов.

Оставленные в Степи с основной массой ордынцев чиновники хана Батыя вели работу с разорёнными его походом народами независимо от того, где находился хан. Так что великий князь Ярослав Всеволодович, занимаясь восстановлением Владимиро-Суздальской Руси, одновременно собирал для татар "дары", примерно представляя себе, какой путь ему предстоит пройти, чтобы сохранить мир.

И великий князь, и его сын Александр хорошо понимали, что война с Ордой невозможна. Всё блистательное войско Александра Невского, разгромившее рыцарей на Чудском льду, было ничтожно малым перед силами даже одного ордынского тумена. Разумеется, татары отнеслись бы к такому войску со всей серьёзностью, заботясь о том, чтобы прыткие русские не поранили кого-нибудь. И постарались бы разгромить его эффективно, но возможности без своих потерь.

Результат был бы только один: потеря профессиональных воинов, которые пока могли защищать страну с севера и запада, и ещё более страшное разорение Руси татарами. Но как и, главное, у кого следовало искать мира? Ответ на этот вопрос был весьма непрост.

С одной стороны, Великое государство монголов (ст. — монг. — Yeke Mongyol ulus) было огромной, хорошо организованной империей, простиравшейся от Тихого океана до Дуная и управлявшейся великим ханом из его столицы в Каракоруме. Но сын и преемник Чингисхана великий хан Угэдэй (или Октай) 11 декабря 1241 г. умер, успев, если верить написанной как раз в это время "Тайной истории монголов"[137], жестоко отчитать своего сына Гуюк-хана за то, что тот поссорился

с Батыем, покинул его войско во время похода на Запад и скоропалительно вернулся в Каракорум[138].

Такое поведение было хорошо знакомо русским князьям, нередко ссорившимся между собой в походах, и ободряло их как признак если не слабости империи, то человечности её правителей. В начале 1240-х гг. великий князь Ярослав и его сын Александр знали, что наделе Великий Монгольский улус состоит из четырёх улусов, ханы которых не в ладах между собой.

Улус великого хана в Каракоруме охватывал Китай, Дальний Восток, Центральную Азию и Юго-Восточную Сибирь.

Улус сына Чингисхана Чагатая находился в Средней Азии.

Улус хана Хулагу стремительно расширялся под руководством этого внука Чингисхана на Туркменистан, Закавказье, Персию и владения Арабского халифата до р. Евфрат.

Улус Бату-хана, получивший впоследствии имя Золотой орды, простирался от р. Иртыш в Сибири через южное Приуралье и Поволжье, Северный Кавказ, Южнорусскою степь и Крым до Дуная, включая Болгарию. То есть в него входила вся обозримая при русских знаниях того времени степная полоса: та Великая степь, с которой русским князьям испокон веков приходилось считаться.

Ясно, что искать мира следовало, прежде всего, у хана Бату, тем более что великого хана в Каракоруме не было. После смерти Угэдэя, вернувшись из похода на Запад вроде бы для поездки на курултай и выборов великого хана, 40-летний Батый под предлогом нездоровья остался на Волге. Нетрудно было догадаться, что разгромивший Русь хан не желает избрания Гуюка, сына и преемника Угэдэя, а без него — старшего по роду — выборы не могут состояться.

Однако Русь посещали не только люди Батыя, но и чиновники из Каракорума. Недаром умирающий Угэдэй, помимо завоевания остатков Китая, гордился тем, что построил по всей империи почтовые станции для быстрого передвижения чиновников и послов, произвел перепись населения и усовершенствовал единую систему сбора налогов[139]. После его смерти государственная машина работала с эффективностью, невиданной европейцами со времён расцвета Римской империи. Хотя престол великого хана пустовал целых четыре года и восемь месяцев, дела в Каракоруме и всём Великом монгольском улусе вершила старшая вдова Угэдэя, Торогэнэ-хатун, известная на Руси как ханша Туракина. Не считаться с её волей было бы неосторожно.

Батый. Рисунок из китайской хроники

В 1243 г., оставив Александра править во Владимире, Ярослав Всеволодович со свитой и богатыми дарами отправился в ставку хана Батыя, а другого своего сына — юного Константина — послал с дарами в далёкий Каракорум. Вопреки понятным опасениям, оба были приняты хорошо и вернулись домой живыми, даже "с честью".

"Батый же, — сообщает Лаврентьевская летопись, — почтил Ярослава великой честью, и мужей его, и отпустил, и сказал ему: "Ярославе, будь ты старшим всем князьям в Русской земле!" Ярослав же возвратился в свою землю с великой честью. <…> В 1245 г. князь Константин Ярославич приехал из татар от ханович (от ханши Туракины. — Авт.) к отцу своему с честью"[140].

В результате этих поездок Ярослав получил от Батыя ярлык на великое княжение Владимирское, а заодно уж и Киев, куда поехал от великого князя воеводой Дмитрий Ейкович. Но в этой бочке мёда была и ложка дёгтя. Ханша Туракина не желала, чтобы великих князей утверждал улусный хан Батый, и передала с Константином требование, чтобы Ярослав явился в Каракорум. Это было невероятно длинное — 5750 км — и крайне опасное из-за противоречий ордынской политики путешествие. Но отказаться от него Ярослав уже не мог.

А не лучше, спросит критически настроенный читатель, — было бы просто отсидеться? Стоило ли вообще так спешить приносить вассальную присягу татарам?!

История дала на этот вопрос вполне ясный ответ. Черниговские и галицко-волынские князья сделали вид, что Орды

не существует, что она, после разорительного похода, исчезла, как страшный сон.

Даниил Романович Галицкий, вернувшись после Батыева разорения на Русь, из-за смрада разлагавшихся трупов не смог въехать ни в Брест, ни во Владимир-Волынский. Земля раздиралась на части боярами, разорялась набегами язычников-литовцев и Ростислава Черниговского в союзе с венграми и поляками, а семь южных городов сохранились потому, что их князья обещали сеять пшеницу и просо татарам. Бояр Даниил усмирил, договорившиеся с татарами города выжег, Романа с иноземцами разгромил наголову. Папа римский, власть которого князь готов был признать, величал его королем, но обещанного крестоносного воинства всё не было. Тем временем отряды, посланные Батыем, продолжали разорять Западную Русь. "Что мне в королевском венце? — вопрошал Даниил. — Татары не перестают делать нам зло; зачем я буду принимать венец, когда мне не дают помощи?!" В это время пришли послы Батыя со словами: "Дай Галич!". Князю пришлось, смиря гордыню, идти на поклон в Орду, где побывало уже немало его соперников в борьбе за власть над русскими землями[141].

Не преуспел в политике игнорирования татар и упомянутый Ростислав Михайлович Черниговский. Женившись на дочери венгерского короля, он с иноземными союзниками усердно воевал земли Даниила, пока его самого не "разогнали" татары. Новым ударам подверглось и Черниговское княжество, где в уповании на военную помощь от папы римского отсиживался его отец Михаил Всеволодович Черниговский. В итоге всем сколько-нибудь заметным князьям Руси (о которых упоминают летописи) пришлось ехать на поклон в Орду: одним с большим, другим с меньшим уроном их землям, в зависимости от скорости оценки ими реальной военно-политической ситуации.

В 1244 г., на следующий год после Ярослава, искали мира в Орде Владимир Углицкий, сын Константина Ростовского, старшего из сыновей Всеволода Большое Гнездо; князь Борис Василькович, принявший власть над Ростовом после смерти своего отца, не отдав её, как было в обычае, своему вышеупомянутому дяде Владимиру Константиновичу; наконец, Василий Ярославский, сын Всеволода Константиновича, князя Суздальского и Ярославского, утративший в родственных делёжках Суздаль. Все они приехали к Батыю "со своими мужами" и просили у хана "про свою отчину".

Кратко описавший это посольство летописец прекрасно понимал суть споров перед Батыем о княжеских "столах", которые потомки Всеволода Большое Гнездо оспаривали друг у друга и у

опередившего их в Орде Ярослава Всеволодовича. "Батый же, — не без иронии заметил летописец, — почтил их честью достойной и отпустил их, рассудив им: каждого — в свою отчину; и приехали с честью в свою землю"[142]. Если бы хан захотел стравить русских князей в усобице, он легко мог этого добиться. Но Батый, заинтересованный в тот момент в исправном поступлении "даров", на это не пошёл и фактически поддержал князя Ярослава.

Отец и брат Александра Невского (Ярослав Всеволодович и его сын Константин) оказались на поклоне татарам первыми не только потому, что были умнее других. Их земли подверглись более раннему и основательному разорению, а иллюзий относительно союза с крестоносцами владимиро-суздальские князья, издавна связанные с Новгородом, в отличие от своих соседей, не питали. И правильно делали. Ведь хитроумный генуэзец Синебальдо Фиески — папа римский Иннокентий IV, обещавший русский князьям "златые горы и реки полные вина", откровенно их предал, как предал и своего императора.

Собрав в 1245 г. церковный собор в г. Лионе (Франция) для обсуждения крестового похода против татар. Иннокентий IV 28 июня действительно объявил крестовый поход. Но не против Орды, а… против единственного человека, который был способен объединить Запад, чтобы ей противостоять: императора Священной Римской империи германской нации, освободителя Иерусалима и его короля Фридриха II Штауфена. В том же году турки взяли Иерусалим и вернули папе главный лозунг крестоносного движения, — заржавленного орудия его власти. Более десяти лет по всей империи рыцари с нашитым на плащ крестом насмерть рубились с рыцарями императора. Фридрих и его преданное анафеме потомство погибло, папы попали в "авиньонское пленение" к призванным ими же французам. Империя рухнула, мечта пап о всемирном господстве окончательно обанкротилась, а Германия и Италия остались разодранными на клочки до XIX в.

Всего этого не мог, конечно, предположить митрополит Киевский и всея Руси Пётр (не путать с московским святителем!), посланный Михаилом Черниговским за помощью к папе и внимательно выслушанный Лионским собором[143]. Проведённое Лионским собором с его помощью "Расследование о тартарах" было тщательно запротоколировано и в этом виде сохранилось в Анналах Бёртонского монастыря[144].

"Среди прочих прелатов мира, — гласит протокол, — прибыл на собор в Лионе рутенский (русский. — Ав*т.)* архиепископ по имени Петр, который, как утверждали некоторые, вернувшиеся с

собора, не знал ни латинского, ни греческого, ни еврейского языка и все же через толмача блестяще пред лицом его Святейшества папы изложил Евангелие. Он также, особо приглашенный, с его святейшеством папой и другими прелатами, облаченный в священные одежды, но не такого вида, как у них, присутствовал при богослужении".

Замечу, что ничего раскольнического в этом акте богослужения с католиками не было, если митрополит Петр молился по-русски и, таким образом, не использовал формул, искажённых католиками. Возможно, именно этим и объясняется его "незнание" даже греческого языка (ведь высшее греческое духовенство завоёванных крестоносцами Константинополя и Иерусалима было в те времена принуждено покориться папе.

Затем началось "Расследование о тартарах", в ходе которого Петра тщательно расспросили, "во-первых, о происхождении (татар. — *Авт.);* во-вторых, о вероисповедании; в-третьих, о совершении религиозных обрядов; в-четвертых, об образе жизни; в-пятых, о [военной] мощи; в-шестых, о численности; в-седьмых, о намерении [их]; в-восьмых, о соблюдении договоров; в-девятых, о приеме послов".

Митрополит Петр достаточно ярко охарактеризовал угрозу, которая исходит от Монгольской империи всему христианскому миру. От отметил, что "они сильнее и подвижнее нас", что "от всех народов и всех вер многие присоединились к ним", а главное, "что намерены они весь мир себе подчинить и что предопределено свыше, что должны они весь мир за 39 лет опустошить, подтверждая это тем, что как некогда божественная кара очистила мир потопом, так и теперь нашествие их очистит этот мир разрушительным мечом. Также, полагают они, ждут их жестокие схватки с римлянами и другими латинянами, и неясно им, победят ли они или будут побеждены; [но] если победят, должны властвовать над всем миром".

Азартного папу Иннокентия IV эта очевидная угроза не испугала. Гораздо более важными показались ему слова митрополита о том, как татары соблюдают договоры и принимают послов. Слова звучали обнадёживающе:

"О соблюдении договоров [Пётр] ответил, что [татары] вполне соблюдают договоры с теми, кто немедленно им сдается, отбирая из них воинов, ремесленников для различных служб, нисколько не щадя тех, кто ожидает их натиска. О приеме послов [Пётр| ответил, что [татары] благосклонно их принимают, расспрашивают и отпускают".

Значит, решил Иннокентий IV, хорошо подобранные послы могут склонить татар к союзу с папой против их названных

Петром врагов (арабов в Междуречье), а может, и против Никейского императора, с возмутительным упорством сражавшегося за остатки православной империи римлян в Передней Азии и грозившего выбить крестоносцев из Константинополя. Ничего не имел Иннокентий IV и против разгрома татарами непокорной папе православной Руси.

Мы не знаем, насколько был потрясён поначалу ободренный хорошим приёмом митрополит Пётр, когда Лионский собор объявил крестовый поход против императора, а папа направил в Орду послов. Но пославший его с большими надеждами в Лион князь Черниговский Михаил Всеволодович был просто убит. Не только морально, крушением надежд на совместное с Западом сопротивление татарам, но и физически: в ставке Батыя на нём показал своё искусство ханский специалист по кун-фу, после чего князю отрезали голову.

Михаил Черниговский поехал в Орду довольно поздно, в 1246 г., когда там уже побывали владимиро-суздальские князья и великий князь Смоленский Святослав Иванович с родственниками, а в Чернигов пришли известия о провале его апелляции к папе и Лионскому собору. С собой Михаил Всеволодович взял внука Бориса (на сына Ростислава он, согласно Ипатьевской летописи, осерчал). Лаврентьевская летопись так рассказывает о неудачной миссии и трагической гибели святого князя:

"Того же лета (что и Святослав Смоленский. — *Авт.)* Михаил князь Черниговский с внуком своим Борисом поехали к татарам. И когда они были в стане, послал Батый к Михаилу князю, велев ему поклониться огню и идолам их. Михаил же князь не повиновался велению их, но укорил его и глухих его кумиров. И так без милости от нечистых заколот был и конец жизни принял месяца сентября в 20 день на память святого мученика Евстафия. Батый же князя Бориса отпустил к Сартаку, сыну своему. Сартак же почтил князя Бориса и отпустил его восвояси"[145].

"Узнал Михаил, что король выдал дочь свою за сына его и бежал к венграм; король же венгерский и сын его Ростислав чести ему не оказали, — сказано про Михаила Черниговского в Ипатьевской летописи. — Он же, разгневавшись на сына, возвратился в Чернигов. Оттуда поехал к Батыю, прося волости (земли и власти. — *Авт.)* своей от него. Батый же сказал: Поклонись отцов наших закону! Михаил же отвечал: Если Бог предал нас и власть вашу грехов ради наших в руки ваши, тебе кланяемся и почести приносим тебе, а закону отцов твоих и твоему богонечестивому повелению не кланяемся! Батый же как свирепый зверь разъярился, приказал заколоть, и заколот был

беззаконным Доманом путивльцем нечестивым, и с ним заколот был боярин его Фёдор, которые мученически пострадали и приняли венец от Христа Бога"[146].

Согласно житиям святого Михаила Черниговского[147]и его дочери, преподобной Евфросинии Суздальской (о которой мы рассказывали во второй части книги), князь погиб вместе с боярином Фёдором, просвещённым философом и воспитателем княжны. Видимо, этот рассказ появился сразу после казни Михаила и Фёдора 20 сентября 1246 г, объясняющейся, естественно, их враждебными к Орде действиями на Западе, но оформленной как нарушение татарских обычаев.

Иронией истории или злым умыслом объясняется то, что наиболее подробно казнь Михаила Черниговского описал папский посол Джованни Плано дель Карпини, отправленный к татарам с Лионского собора, на котором выступал княжеский эмиссар Пётр? В этом следует разобраться.

65-ти или 70-летний монах-францисканец, по отзывам современников — "умный, образованный, очень красноречивый" приятный во всех отношениях человек", был послан на Русь, в Сарай и Каракорум с целью разведать обстановку, склонить, если возможно, татар к союзу с папой, а при случае и просветить их "светом истинной веры". Об этом путешествии он оставил подробный отчёт[148].

Выехав с тремя спутниками в апреле 1245 г. из Лиона, Карпини в Польше получил поддержку от князя Василько, как раз получившего от татар охранную грамоту на проезд в ставку Батыя для его брата, Даниила Романовича Галицкого. Поскольку эта поездка якобы стойкого борца с татарами Даниила не отразилась в русских источниках, почитаем рассказ Карпини подробнее. Его рассказ интересен и как свидетельство очевидца об обстановке в южной Руси, в частности в Киеве, где власть держал воевода великого князя Ярослава.

Князь Василько, пишет монах, "повез нас в свою землю. И так как он задержал нас на несколько дней на своем иждивении, чтобы мы несколько отдохнули, и, по нашей просьбе, приказал явиться к нам своим епископам, то мы прочли им грамоту Господина Папы, в которой тот увещевал их, что они должны вернуться к единству святой матери церкви; мы также увещевали их и даже склоняли к тому же самому, насколько могли, как князя, так епископов и всех других, которые собрались. Но, так как в то время, когда вышеупомянутый князь поехал в Польшу, его брат, князь Даниил, поехал к Бату, и его не было налицо, то они не могли дать решительный ответ, и нам для окончательного ответа надлежало ждать возвращения Даниила.

После этого вышеназванный князь послал с нами до Киева одного служителя. Тем не менее, все же мы ехали постоянно в смертельной опасности из-за литовцев, которые часто и тайно, насколько могли, делали набеги на землю Руси и особенно в тех местах, через которые мы должны были проезжать; и так как большая часть людей Руси была перебита татарами или отведена в плен, то они поэтому отнюдь не могли оказать им сильное сопротивление, а со стороны самих русских мы были в безопасности благодаря вышеназванному служителю.

Отсюда, по споспешествующей милости Божией и избавившись от врагов креста Христова, мы прибыли в Киев, который служит столицей Руси; прибыв туда, мы имели совещание о нашем путешествии с тысячником и другими знатными лицами, бывшими там же. Они нам ответили, что если мы поведем в Татарию тех лошадей, которые у нас были, то они все могут умереть, так как лежали глубокие снега, и они не умели добывать копытами траву под снегом, подобно лошадям татар, а найти им для еды что-нибудь другое нельзя, потому что у татар нет ни соломы, ни сена, ни корму. Поэтому мы после совещания решили оставить их там с двумя слугами, которые должны были охранять их. Вследствие этого нам надлежало дать подарки тысячнику, чтобы заслужить его милость для получения себе подвод и провожатых".

С этими и иными приключениями посланец папы Иннокентия IV со товарищи добрались до Волги (ниже современного Волгограда), где находилась ставка Батыя. Прежде чем пропустить путешественников к Сарай-Бату, им предложили пройти между огней. Вот как путешественник рассказывает об этом эпизоде: "Нам было сказано, что мы должны пройти между двух огней, чего нам не хотелось делать в силу некоторых соображений. Но нам сказали: "Идите спокойно, так как мы заставляем вас пройти между двух огней не по какой другой причине, а только ради того, чтобы, если вы умышляете какое-нибудь зло против нашего господина или если случайно приносите яд, огонь унес все зло". Мы ответили им: "Мы пройдем ради того, чтобы не подать на этот счет повода к подозрению"".

Монголы разожгли два костра, воткнув рядом два копья, к которым привязали веревку с нацепленными кусками цветных тканей, соорудив, таким образом, подобие ворот. Около костров уселись две женщины, брызгающие водой и произносящие заклятия. Через эти ворота сначала пронесли подарки для хана, а затем прошли монахи. Лишь после этого Карпини и его спутник были, 4 апреля 1246 г., пропущены в Сарай-Бату, где позже были приняты Батыем.

Вера татар в очистительные свойства огня и дыма была не беспочвенной. Даже в XVII в. на Руси карантинные меры против распространения эпидемий подразумевали обязательное окуривание одежды и обжигание металлических предметов путников, в то время как самих их заставляли принимать баню. Если же путешественники из заражённых районов хотели явиться к царскому двору, их заграничную одежду и даже деньги сжигали, взамен выдавая новые. На этот "варварский" обычай очень жаловались иностранцы, прибывшие в Россию из поражённых чумой Амстердама и Лондона в 1664–1665 гг., хотевшие без санитарных мер и карантина явиться пред царские очи. Западные европейцы негодовали против "заблуждения" русских, считавших чуму заразной болезнью: сами-то они были убеждены, что чума возникает лишь от "эпидемической конституции", связанной с необычными явлениями, типа извержения вулканов и комет[149].

Важно отметить, что проходить между огней до появления в Сарай-Бату, не наступать на порог юрты и кланяться на юг "тени" Чингисхана в самой ставке Батыя должны были все без исключения посетители. И все, независимо от вероисповедания, это делали, вежливо почитая обычаи хозяев. Неприятностей с обычаями невероятно веротерпимых татар не было ни у одного из русских князей, их бояр или воинов. Так почему же опытный политик Михаил Черниговский нарушил их настолько серьёзно, что Карпини привёл рассказ о его смерти в описании татарских обычаев почитания "тени" Чингисхана?

"Прежде всего, — писал папский посланник, — также они делают идол для императора и с почетом ставят его на повозке перед ставкой, как мы видели при дворе настоящего императора, и приносят ему много даров. Посвящают ему также лошадей, на которых никто не дерзает садиться до самой их смерти. Посвящают ему также и иных животных, и если убивают их для еды, то не сокрушают у них ни единой кости, а сжигают огнем. В полдень также они поклоняются ему как Богу и заставляют поклоняться некоторых знатных лиц, которые им подчинены.

Отсюда недавно случилось, что Михаила, который был одним из великих князей Русских, когда он отправился на поклон к Бату, они заставили раньше пройти между двух огней; после они сказали ему, чтобы он поклонился на полдень Чингисхану. Тот ответил, что охотно поклонится Бату и даже его рабам, но не поклонится изображению мертвого человека, так как христианам этого делать не подобает.

И, после неоднократного указания ему поклониться и его нежелания, вышеупомянутый князь передал ему через сына Ярослава, что он будет убит, если не поклонится, тот ответил, что

лучше желает умереть, чем сделать то, чего не подобает. И Бату послал одного телохранителя, который бил его пяткой в живот против сердца так долго, пока тот не скончался. Тогда один из его воинов, который стоял тут же, ободрял его, говоря: "Будь тверд, так как эта мука недолго для тебя продолжится, и тотчас воспоследует вечное веселие". После этого ему отрезали голову ножом, и у вышеупомянутого воина голова была также отнята ножом".

Кто был "вышеупомянутый князь", передавший Михаилу Черниговскому через Святослава Ярославича, оставленного отцом в заложники у Батыя, что в случае неисполнения татарских обычаев он будет убит, неизвестно. Выше по тексту своего сочинения Карпини никакого князя или татарского чиновника не упоминает. Очевидно, его отчёт переделывался для представления папе, причём писавшиеся в иной последовательности отрывки переставлялись.

В рассказе о путешествии Карпини, помещённом в конце, говорится о пребывании у Батыя Даниила Галицкого с его людьми и о проехавшем через Сарай-Багу в Каракорум Ярославе Всеволодовиче ("сын Ярослава" упомянут только в приведённом отрывке). Это дало историкам основания подозревать, что к казни святого Михаила и Фёдора приложили руку их соперники в борьбе за власть на Руси. Чего, собственно, и добивался Карпини, старательно отводя подозрения от себя. Ведь он-то побывал в Сарае прежде великого князя Михаила: прибыл 4 апреля 1246 г. и пробыл там несколько дней. Назад из Каракорума посланник вернулся вместе с русским послом черниговского князя почти через восемь месяцев после казни Михаила 20 сентября 1246 г., имея вполне надёжное алиби (не случайно в тексте указано: "недавно случилось", то есть когда Карпини в Сарай-Бату не было).

При этом Карпини нисколько не сомневается, что Михаил был убит по политическим причинам. "Они, — пишет папский посланник о татарах, — посылают также за государями земель, чтобы те являлись к ним без замедления; а когда они придут туда, то не получают никакого должного почета, а считаются наряду с другими презренными личностями, и им надлежит подносить великие дары как вождям, так и их женам, и чиновникам, тысячникам и сотникам; мало того, все вообще, даже и сами рабы, просят у них даров с великою надоедливостью, и не только у них, а даже и у их послов, когда тех посылают к ним. Для некоторых также они находят случай, чтобы их убить, как было сделано с Михаилом (выделено мной. — *Авт.)* и с другими. Иным же они позволяют вернуться, чтобы привлечь других;

некоторых они губят также напитками или ядом. Ибо их замысел заключается в том, чтобы им одним господствовать на земле, поэтому они выискивают случаи против знатных лиц, чтобы убить их".

Нетрудно догадаться, сколько разных "вин" могли повесить друг на друга приезжавшие в Орду князья-соперники. Но Батый никого из них, кроме Михаила, "отличившегося" связями с папой, не казнил. А откуда татары могли получить сведения о миссии митрополита Петра на Лионском соборе, которая, как и вся кулуарная работа собора, мягко говоря, не афишировалась? Либо от самого Карпини и его людей, либо от Даниила и других князей Галицко-Волынской земли, которых ушлый итальянец, судя по его отчёту, имел надежду привести к покорности папе римскому. Михаил был главным соперником Даниила, и "убрать" его с политической сцены руками татар было удобно.

В любом случае, прямо или через посредников, сведения о Лионском соборе могли с наибольшей вероятностью "просочиться" в Сарай-Бату от миссии Карпини. Михаил был убит, Карпини с его людьми остался в стороне, но "папское дело" от этого не выиграло. Прославленные Русской церковью святые Михаил и Фёдор ещё более укрепили православное самосознание россиян, так и не пожелавших склониться перед Римской католической церковью.

Плано дель Карпини об этом ещё не знал, когда, прибыв осенью 1246 г. в Каракорум, развернул там привычную ему агентурную работу. "И также много других тайн, — пишет он, — вышеупомянутого императора (великого хана. — *Авт.)* мы узнали через тех, кто прибыл с другими вождями, через многих русских и венгров, знающих по-латыни и по-французски, через русских клириков и других, бывших с ними, причем некоторые пребывали тридцать лет на войне и при других деяниях татар и знали все их деяния, так как знали язык и неотлучно пребывали с ними некоторые двадцать, некоторые десять лет, некоторые больше, некоторые меньше; от них мы могли все разведать (выделено мной. — *Авт.*), и они сами излагали нам все охотно, иногда даже без вопросов, так как знали наше желание"[150].

В свою очередь, и татары, разведка которых всегда была на высоте, весьма настойчиво расспрашивали Карпини по интересующим их вопросам, записывая показания в протокол и "по прошествии нескольких дней" допрашивая снова, сверяясь с протоколом. По словам Карпини, он и его люди ловко уклонились от ответа на хитроумный вопрос, который более всего интересовал татар: "Есть ли у господина папы лица, понимавшие грамоту русских или сарацинов, или также татар? Мы

ответили, — пишет папский посланник, полагая, что читатель сочтёт татар за глупцов, — что не знаем ни русской, ни татарской, ни сарацинской грамоты, но сарацины все же есть в стране, хотя и живут далеко от господина папы".

При всём уважении татар к священнослужителям (к какой бы религии они не принадлежали), позволительно усомниться, что они не добились от представителей папы римского прямых ответов на свои вопросы. Правительство ханши Туракины и её властвовавшей из тени наперсницы Фатимы-хатун (из пленных персиян) больше, чем контакты русских князей с западом, интересовало всё, что касалось усиления позиций хама Бату — соперника любимого сына Туракины Гуюк-хана, которого осенью 1246 г. она возвела на великоханский "стол".

Летописатель татарских деяний Рашид ад-дин свидетельствует, что от имени Гуюк-хана совершались деяния, направленные на привлечение к великому хану сердец покорённых народов всей империи. Например, при нём были возвышены христиане-несториане, к его двору были призваны христианские чиновники-уйгуры, православные священники из Византии, Сирии, Осетии и Руси. Одновременно войску, в котором подавляющее большинство составляли уже не ветераны Чингисхана (в том числе было много христиан), бесплатно раздавались подарки из ханской казны.

Несмотря на то что канцлер Елюй Чу-цай, стремившийся при Угэдэе превратить военную власть татар в мирную и чиновничье-бюрократическую, получил отставку и в 1244 г. умер в Каракоруме, только продолжение его политики давало великому хану (а точнее — стоявшим за его спиной мудрым женщинам) шанс удержать улусы под своей рукой. Орда Батыя, ненавидевшего Гуюк-хана, находилась под особым контролем. Если Ярослав Всеволодович был первым среди князей Руси признан Батыем и утверждён великим князем, то не исключено, что он мог служить укреплению независимости Западного улуса. [151]

Значит, утверждение Ярослава Всеволодовича великим князем Северо-Восточной и Киевской Руси следовало отменить. Ханша Туракина добилась этого без всяких споров, простым и надёжным способом: она просто его отравила. "Той же осени, — свидетельствует Лаврентьевская летопись, в которую был казнён Михаил Черниговский, Ярослав князь сын Всеволода, преставился в иноплеменниках, идя от ханович, месяца сентября в 30 день на память святого Григория"[152].

Папский посланник, погружённый в Каракоруме в энергичную агентурную работу, в связи с подробным рассказом

об убийстве великого князя, счёл необходимым подчеркнуть, что лишь "после смерти Ярослава, если только мы хорошо помним время, наши татары отвели нас к императору". То есть что он здесь, вроде бы, и ни при чём.

"В то же время, — пишет Карпини, — умер Ярослав, бывший великим князем в некоей части Руси, которая называется Суздаль. Он только что был приглашен к матери императора, которая, как бы в знак почета, дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в свое помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и все тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею. И доказательством этому служит то, что мать императора, без ведома бывших там его людей, поспешно отправила гонца в Руссию к его сыну Александру, чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал поехать, а остался, и тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что если он явится, она умертвит его или даже подвергнет вечному плену".

Для мести великому князю, чьи полки разгромили крестоносцев, и в видах освобождения пути к великому княжению для склонного слушать увещевания Рима Даниила Галицкого, ждавшего вестей в Сарай-Бату, довольно было намекнуть Туракине, что Ярослав — ставленник её врага Батыя. Но расправиться с самим Ярославом было мало: ведь за плечом отца уже вырос и прославился победами его сын Александр. Карпини был убеждён, что теперь-то Александр точно умрёт. "Других же, — писал папский посланник о владыках завоёванных земель, — которым они позволяют вернуться, они требуют их сыновей или братьев, которых больше никогда не отпускают, как было сделано с сыном Ярослава, неким вождем аланов и весьма многими другими. И если отец или брат умирает без наследника, то они никогда не отпускают сына или брата; мало того, они забирают себе всецело его государство".

Однако Батый не любил, когда нарушались его планы и его воля. "При возвращении в землю бесерминов, — пишет в конце своего сочинения Карпини, — в городе Лемфинк, мы нашли Угнея, который, по приказу жены Ярослава и Бату, ехал к вышеупомянутому Ярославу", как полагает знаменитый биограф Александра Невского В.Т. Пашуто, предупредить о готовящемся отравлении. Супруга Ярослава скончалась в том же 1245 г., когда он выехал в ставку Батыя; не исключено, что гонец вёз лишь известие о её смерти (татары, надо отдать им должное, относились к своим женщинам и жёнам видных союзников с

величайшим уважением). Но в главном Пашуто был прав: Батухан решил не сдавать самого славного сына Ярослава Каракоруму, пока там правят хан Гуюк и его коварная мать.

Александр не захотел принять бесславную смерть от яда, а Батый не отправил знаменитого воина к великому хану. Узнав об этом на обратном пути, Карпини вернулся к папе Иннокентию IV уже с новой агентурной разработкой. Представившись добрым другом покойного Ярослава Всеволодовича, буквально не отходившим от ложа умирающего великого князя, Карпини выдвинул версию, что отец Александра на смертном одре якобы склонился к покорности папе!

22 января 1248 г. папа римский положил эту версию в основу грамоты, адресованной князю Александру, с целью совратить его в католицизм. Смесь наглости и лицемерия этого текста достигает такого градуса, что читатель не поверит мне, если не привести текст этого документа целиком.

Послание Александру Невскому от папы римского

"Благородному мужу Александру, герцогу Суздальскому, Иннокентий епископ, раб рабов Божиих.

Отец грядущего века, князь мира, сеятель благочестивых помыслов, Спаситель наш Господь Иисус Христос окропил росою своего благословения дух родителя твоего, светлой памяти Ярослава и, с дивной щедростью явив ему милость познать себя, уготовил ему дорогу в пустыне, которая привела его к яслям господним, подобно овце, долго блуждавшей в пустыне. Ибо, как стало нам известно из сообщения возлюбленного сына, брата Иоанна де Плано Карпини из ордена миноритов, поверенного нашего, отправленного к народу татарскому, отец твой, страстно вожделев обратиться в нового человека, смиренно и благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви, матери своей, через этого брата, в присутствии Емера, военного советника. И вскоре бы о том проведали все люди, если бы смерть столь неожиданно и счастливо не вырвала его из жизни.

Поелику он столь счастливо завершил свой жизненный путь, то надобно благочестиво и твердо уверовать в то, что, причисленный к сонму праведников, он покоится в вечном блаженстве там, где сияет немеркнущий свет бесконечный, где разливается благоухание, не исчезающее от дуновения ветра, и где постоянно пребывает он в объятиях любви, в которой несть пресыщения.

Итак, желая, чтобы ты, как законный наследник отца своего,

подобно ему обрел блаженство, мы, вроде той женщины из Евангелия, зажегшей светильник, дабы разыскать утерянную драхму, разведываем путь, прилагая усердие и тщание, чтобы мудро привести тебя к тому же, чтобы ты смог последовать спасительной стезей по стопам своего отца, достойного подражания во все времена, и с такой же чистотою в сердце и правдивостью в уме предаться исполнению заветов и поучений Римской церкви, чтобы ты, покинув путь греха, ведущего к вечному проклятию, смиренно воссоединился с той церковью, которая тех, кто ее чтит, несомненно, ведет к спасению прямой стезей своих наставлений.

Да не будет тобою разом отвергнута просьба наша (с которой обращаемся к тебе), исполняя наш долг, которая служит твоей же пользе, ибо весь спрос с тебя: чтобы убоялся ты Бога и всем сердцем своим его любил, соблюдая заветы его. Но, конечно, не останется сокрытым, что ты смысла здравого лишен, коль скоро откажешь в своем повиновении нам, мало того — Богу, чье место мы, недостойные, занимаем на земле. При повиновении же этом никто, каким бы могущественным он ни был, не поступится своею честью, напротив, всяческая мощь и независимость со временем умножаются, ибо во главе государств стоят те достойные, кто не только других превосходить желает, но и величию служить стремится.

Вот о чем светлость твою просим, напоминаем и ревностно увещеваем, дабы ты матерь Римскую церковь признал и ее папе повиновался, а также со рвением поощрял твоих подданных к повиновению апостольскому престолу, чтобы вкусить тебе от неувядаемых плодов вечного блаженства. Да будет тебе ведомо, что, коль скоро пристанешь ты к людям, угодным нам, более того — Богу, тебя среди других католиков первым почитать, а о возвеличении славы твоей неусыпно радеть будем.

Ведомо, что от опасностей легче бежать, прикрывшись щитом мудрости. Потому просим тебя об особой услуге: как только проведаешь, что татарское войско на христиан поднялось, чтоб не преминул ты немедля известить об этом братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих, дабы, как только это (известие) через братьев оных дойдет до нашего сведения, мы смогли безотлагательно поразмыслить, каким образом, с помощью Божией, сим татарам мужественное сопротивление оказать.

За то же, что не пожелал ты подставить выю твою под ярмо татарских дикарей, мы будем воздавать хвалу мудрости твоей к вящей славе Господней. Писано в Лионе X дня февральских Календ, в год V"[153].

* * *

Нагло солгав об обращении умирающего Ярослава в католичество, папа пишет о своей раскольничьей вере так, будто не светлое православие, а только католическая схизма открывает человеку путь к вечному блаженству. "Ты смысла здравого лишен. — грубит князю папа, — коль скоро откажешь в своем повиновении нам, мало того — Богу, чье место мы, недостойные, занимаем на земле". "Напоминаем и ревностно увещеваем, — продолжает Иннокентий IV, — дабы ты матерь Римскую церковь признал и ее папе повиновался, а также со рвением поощрял твоих подданных к повиновению апостольскому престолу".

Не разделавшись с православной Русью руками крестоносцев, папа теперь мечтал о том, чтобы её добили татары. Он хвалит князя Александра за то, "что не пожелал ты подставить выю твою под ярмо татарских дикарей". Так что теперь, голубчик, доноси о намерениях татар Тевтонскому ордену, а мы уж подумаем, "каким образом, с помощью Божией, сим татарам мужественное сопротивление оказать"…

Мы с вами знаем, что папа римский в своих расчётах здорово ошибся. Приняв двух папских легатов с этим посланием летом 1248 г., Александр Невский уже решил свои проблемы с татарами. Прежде всего, он под вполне благовидным предлогом уклонился от поездки в Каракорум. Великим князем стал не Александр, а его дядя Святослав Всеволодович: такова была традиция, на Руси нередко уже нарушаемая, но для татар — вполне приемлемая. Зачем ему было ехать в Каракорум, если не требовалось утверждать наследование великокняжеского стола?! А великого князя Святослава туда пока не вызывали…

"В 1247 г., слышав Александр про смерть отца своего, — пишет Лаврентьевская летопись, — приехал из Новгорода во Владимир и плакал по отце своём с дядей своим Святославом и с братьями своими. Того же лета Святослав князь сын Всеволода сел во Владимире на столе отца своего, а племянников своих посадил по городам, как им урядил Ярослав"[154].

Александр получил во владение Переяславль, Великий Новгород с пригородами, Зубцов, Нерехту, земли в Торжке и Волоке Ламском. Но утратил Тверь, Кашин и Коснятин, где сел на "стол" Ярослав Ярославич, а также отошедший к новому Галичско-Дмитровскому княжеству Дмитров[155]. Вероятно, он не был таким дележом доволен, но пока вынужден был сидеть тихо.

Затишье продолжалось недолго. Уже в конце 1247 г. Батый вызвал Андрея, а затем и Александра Ярославичей к себе[156]. Хану нужен был мир в тылу и не помешали бы опытные войска:

на этот раз Гуюк-хан всерьёз готовил против него военный поход. В начале 1248 г. армия великого хана действительно выступила в направлении улуса Джучи. Батый, заблаговременно предупреждённый вдовой его брата Толуя, выступил с войсками навстречу врагу. Не исключено, что в рядах его войск шли и дружины Ярославичей. Однако в районе Маверанахра (Северный Иран) Гуюк внезапно умер.

Житие Александра о его поездке в Орду

Житие, кажется, намекает, что князь двинулся на зов Батыя с великими военными силами (не упоминая о помощи против Гуюка):

"В то же время был в восточной стране сильный царь, которому покорил Бог народы многие от востока и до запада. Тот царь, прослышав о такой славе и храбрости Александра, отправил к нему послов и сказал: Александр, знаешь ли, что Бог покорил мне многие народы. Что же — один ты не хочешь мне покориться? Но если хочешь сохранить землю свою, то приди скорее ко мне и увидишь славу царства моего.

После смерти отца своего пришел князь Александр во Владимир в силе великой. И был грозен приезд его, и промчалась весть о нем до устья Волги. И жены моавитские начали стращать детей своих, говоря: Вот идет Александр!

Решил князь Александр пойти к царю в Орду, и благословил его епископ Кирилл. И увидел его царь Батый, и поразился, и сказал вельможам своим: Истину мне сказали, что нет князя, подобного ему. Почтив же его достойно, он отпустил Александра".

* * *

Вдова Толуя Соркуктани-бэги, мать будущих великих ханов Мункэ (Менгу, 1251–1259) и Хубилая (который в 1260 г. перенёс столицу империи из Каракорума в Пекин), а также великого воина Хулагу — первого ильхана Ирана и основателя завоёванной его мечом империи Хулагидов, пользовалась огромным влиянием и вполне была способна не дать в обиду ставленников своего союзника Бату. Когда нужда в русских князьях миновала, Батый спокойно отослал Александра и Андрея за великокняжескими титулами в Каракорум.

Обычно историки считают, что формально правившая в

Каракоруме вдова Гуюк-хана Огуль-Гаймыш из вредности перераспределила между братьями великие княжения: Владимирское дача Андрею, в Киевское — более почётное, но чисто номинальное — Александру. Основанием для всех многостраничных рассуждений является следующий текст Лаврентьевской летописи:

"Той же зимы (1249 г.) приехали Александр и Андрей от ханович, и приказачи Александру Киев и всю Русскую землю, а Андрей сел во Владимире на столе"[157].

Оснований винить братьев в ссоре и взаимных интригах этот текст не даёт. Александр, получив условный титул "великого князя Киевского и Русского", продолжал владеть Новгородом (по новгородской летописи, он туда вернулся в 1250 г. "из Орды и была радость великая в Новгороде)[158]. Согласно той же летописной статье великий князь Русский в 1249 г. дважды хоронил своих родственников во Владимире (в отсутствие Андрея, заметим). Семья, терявшая родственников, которые умирали именно в столице (только Михаил Ярославич ещё в 1248 г. погиб в бою с литовцами), старалась укрепить свои связи с другими влиятельными Рюриковичами.

Например, осенью 1250 г., когда митрополит Киевский и всея Руси приехал в Суздальскую землю, Андрей Ярославич женился на дочери Даниила Галицкого. Свадьба эта, которую историки тоже пытались изобразить выходкой Андрея против Александра, была сыграна, согласно летописи, во Владимире, "и много веселья было", а венчал молодых митрополит Кирилл. Затем владыка отправился в Новгород погостить у князя Александра. Тот после путешествия тяжко заболел, но выздоровел, по мнению летописца, "молитвой отца его Ярослава, и блаженного митрополита, и епископа Кирилла (Ростовской). — *Авт.*)"[159]. То есть новгородский летописец уже считал Ярослава снятым, в сохранении им православия нимало не сомневаясь.

А что же стало с папской грамотой Александру Невскому? Их было даже две! Историк А. А. Горский считает, что грамота от 22 января 1248 г. была направлена князю, "пока Александр пребывал в степях"[160], а если точнее — находился при хане Бату. Со стороны папы это был умный ход: если князь не покорится Риму, можно было довести до сведения Батыя приписанное Александру в грамоте нежелание "подставить выю… под ярмо татарских дикарей".

Ответ князя не сохранился, но, судя по новой грамоте Иннокентия IV от 15 ноября 1248 г., когда Александр был уже на пути в Каракорум, он не попался на хитрости папы. По мнению А.А. Горского, этот несохранившийся ответ "был уклончив или

даже в основном положителен в отношении принятия покровительства римской церкви". Историк заключил это из второй папской грамоты и представил как "неудобный" для православного князя факт, будто он не был осведомлён, с какой наглостью папы приписывали своим адресатам намерения, каковых они вовсе не имели.

Во избежание кривотолков приведём и вторую, также насквозь лживую грамоту папы целиком, без всяких изъятий.

Второе послание Александру Невскому от папы римского

Александру, сиятельному королю Новгорода.

Господь отверз очи души твоей и наполнил тебя сиянием света своего, ибо, как узнали мы от нашего благословенного брага, архиепископа Прусского, легата Апостольского престола (Альберта фон Зуербеера. — Ав*т.),* ты преданно искал и прозорливо обрел путь, который позволит тебе весьма легко и весьма быстро достичь врат райских. Однако ключи от этих врат Господь вверил блаженному Петру и его преемникам, римским папам, дабы они не впускали не признающих Римскую церковь, как Матерь нашей веры, и не почитающих папу — наместника Христа, с сердцем, исполненным послушанием и радости. А потому ты, дабы не быть удаленным им от врат, не угодив Богу, всячески высказывал рвение, чтобы путем истинного послушания приобщиться к единой главе Церкви. В знак этого ты предложил воздвигнуть в граде твоем Плескове соборный храм для латинян.

За это намерение твое мы воздаем искреннейшую хвалу Спасителю всех людей, который, никому не желая погибели, искупил грехи наши, пожертвовав собой, и смертью своей подарил нам жизнь, а множеством своих унижений даровал нам защиту от несправедливости. Мы, нежно заключая тебя как избранного сына Церкви в объятия наши, испытываем чувство умиления, равное тому чувству сладости Церкви, что ощутил ты, обретающийся в столь отдаленных краях, там, где множество людей смогут по примеру твоему достичь того же единения.

Итак, мужайся, дражайший сын наш. Забудь прошлое, устреми все помыслы к цели более совершенной, дабы, непоколебимо и решительно храня верность Церкви, о чем мы уже говорили, и, усердствуя в лоне ее, ты взрастил бы цветы сладостные, кои принесут плоды, навеки избавленные от тлена. И не думай, что подобное послушание чем-то принудительным для тебя будет. Ведь требуя его, мы ждем от человека одной только любви к Богу и возрастания праведности. Ибо, покинув тело, он,

по заслугам своим, будет причислен к лику праведных и внидет туда, где сияет свет неземной и где яства сладкие, коими нельзя пресытиться, и где крепки объятия милосердной любви, коей нельзя насытиться.

Кроме того, вышеупомянутый архиепископ желает навестить тебя. Поэтому мы обращаемся к твоему королевскому величеству с молениями, предостережениями и настойчивыми просьбами, дабы ты подобающим образом принял его как выдающегося члена Церкви, дабы ты отнесся к нему благосклонно и с уважением воспринял то, что он посоветует тебе ради спасения твоего и твоих подданных. Мы же, следуя совету того же архиепископа, позволяем тебе воздвигнуть упомянутый храм.

Писано в Лионе, в XVII Календы октября, года VI"[161].

* * *

Из текста грамоты ясно видно, что восторги папы об обращении князя в католичество породил вовсе не ответ Александра Невского на первую грамоту (никакого намёка на его ответ вообще нет), а отчёт крайне честолюбивого папского легата в Пруссии и Ливонии Альберта фон Зуербеера по поводу разрешения Александром построить католический храм во Пскове. Ничего нового в такой практике не было. Русские имели православные храмы на своих торговых дворах в Германии и по всей Балтике, а немцы, готландцы и иные заморские гости — в Великом Новгороде.

Возможно, такой храм был и во Пскове, но в ходе освобождения города от оккупантов в 1242 г. пострадал. В любом случае, Александр Невский не имел никаких оснований запрещать строительство католического храма, коли во Псков часто приезжали католики. Русские, в отличие от их западных соседей, не боялись за свою веру и не имели привычки искоренять чужие храмы. А легат Альберт выдал согласие Александра за "обращение" князя в католицизм. Впрочем, судя по папской булле Альберту от 7 сентября 1247 г., мечтательный легат в ещё более восторженных выражениях рапортовал о готовности принять католичество Даниила Галицкого, его бояр и даже священства Галицко-Волынской земли.

В отношении Александра Невского нельзя даже утверждать, что он одно или оба послания получил. Представить, что "люди из окружения Альберта Зуербеера", которые, по мнению учёных издательниц обоих посланий, должны были передавать их Невскому, догнали князя в ставке Батыя, затруднительно, а уж

под Каракорумом — и подавно невозможно. Но дело с храмом в Пскове вполне мог решить княжий наместник (как патожено по Судной грамоте Александра — с посадником и сотскими). Разрешительная грамота наместника была бы написана именем князя, что и могло ввести в заблуждение Альберта.

Папе Иннокентию, переживавшему трудные годы войны с императором сидючи в полузаточении у французов в Лионе, любые подобные известия были в радость. Легат и архиепископ Альберт даже получил от него авансом разрешение носить на Руси архиепископскую мантию, что означало согласие Иннокентия IV на включение русских земель в границы архиепископских владений. Только это были лишь пустые мечтания.

Как отнёсся к инициативе своего наместника и псковских властей сам Александр, торжественно вернувшись в Великий Новгород с митрополитом Кириллом и епископом Ростовским в 1251 г., мы можем предполагать по тому, что археологами следов католического храма XIII в. в Пскове не найдено. А генеральный ответ князя на притязания католиков был вполне однозначен. Во второй грамоте папа просил пустить в гости своего легата и "подобающим образом принять его как выдающегося члена Церкви", отнестись к нему "благосклонно и с уважением воспринять то, что он посоветует".

Судя по Житию, Александр Невский принял папских посланцев уважительно, посоветовался в мудрыми людьми и решил, что священную историю знает не хуже католиков, а вера их Руси не подходит: "От вас учения не примем!"

Житие Александра Невского о приёме папских послов

"Однажды пришли к нему послы от папы из великого Рима с такими словами: "Папа наш так говорит: "Слышали мы, что ты князь достойный и славный и земля твоя велика. Потому и прислали к тебе из двенадцати кардиналов двух умнейших — Агалдада и Гемонта, чтобы послушал ты речи их о законе божьем"".

Князь же Александр, подумав с мудрецами своими, написал ему такой ответ: "От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до начала Авраама, от Авраама до прохождения израильтян сквозь море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от начала царствования Соломона до Августа и до Христова рождества, от рождества Христова и до распятия его и воскресения, от воскресения же его

и вознесения на небеса и до царствования Константинова, от начала царствования Константинова до первого собора и седьмого — обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не примем". Они же возвратились восвояси".

Столь же критично следует судить и о высказываниях католических авторов, свидетельствующих о якобы готовности властей Западной Руси признать власть папы. Плано дель Карпини первым написал об этом желании Даниила Галицкого, его брата Василька и даже "епископов" Галицко-Волынской Руси:

"Киевляне же, узнав о нашем прибытии, все радостно вышли нам навстречу, именно они поздравляли нас, как будто мы восстали от мертвых; так принимали нас по всей Руси, Польше и Богемии. Даниил и Василько, брат его, устроили нам большой пир и продержали нас против нашей воли дней с восемь. Тем временем они совещались между собою, с епископами и другими достойными уважения людьми о том, о чем мы говорили с ними, когда ехали к татарам, и единодушно ответили нам, говоря, что желают иметь господина папу своим преимущественным господином и отцом, а святую Римскую церковь владычицей и учительницей, причем подтвердили все то, о чем раньше сообщали по этому поводу чрез своего аббата, и послали также с нами касательно этого к Господину папе свою грамоту и послов".

Прием Александром Невским папских послов. Художник Г.И. Семирадский

Неизвестно, насколько Плано дель Карпини, а затем Альберт Зуербеер преувеличивали слова галицких князей, и насколько те были серьёзны, делая авансы католикам. Очевидно, многомудрый князь Даниил Романович всерьёз хотел использовать влияние

папы для того, чтобы получить реальную военную помощь в своей борьбе с татарами. Но его образ несгибаемого борца против татар несколько тускнеет при ближайшем рассмотрении.

В 1246 г., когда он тайно (абсолютно незаметно для всех русских летописцев, записывавших поездки в Орду даже не очень видных князей) ездил к Батыю, его брат Василёк недаром усердно, на протяжении нескольких дней поил Карпини и его людей. Те должны были или дать Даниилу компромат на Михаила Черниговского, или сами оговорить его перед ханом. Историки, кстати, так и спорят: люди Михаила или Даниила ездили на Лионский собор? Судя по тому, что казнён был Михаил, галицко-волынским князьям удалось добиться своих целей. Их главный и старейший соперник в борьбе за Западную Русь ушёл в небытие.

Но можно ли бросать столь тяжкое обвинение Даниилу Галицкому лишь потому, что с ним теснейшим образом общался в 1246 г. в Сарай-Бату и затем на обратном пути в Лион папский посланник Карпини? Увы, Галицкая летопись (в составе Ипатьевской летописи) подтверждает это обвинение вполне определённо. Пытаясь защитить своего излюбленного князя, летописец не только описал его визит в Орду в 1250 г. как первый, но и с излишним усердием подчеркнул отвращение, которое якобы питал к татарским обычаям князь Даниил. В летописи этот рассказ — целая эпопея, апофеоз правой веры, противостоящей язычеству (как будто вполне православные русские князья давно это всё не прошли). И всё это — для того, чтобы "отмазать" Даниила от реальной трагедии Михаила, показать, что он "не бывал", "не знаком" и "никаким духом не причастен" к событиям 1246 г.

Получив, после нескольких лет не слишком явного неповиновения татарам, требование Батыя: "Дай Галич!", — Даниил, рассказывает летописец, "был в печали великой, потому что не укрепил землю, её города. И, обдумав с братом своим (Васильком. — Авт.), и поехал к Батыю, сказав: "Не отдам половину отчины своей, но еду к Батыю сам". Отправился же на праздник святого Дмитрия, помолившись Богу, и пришёл к Киеву — держал тогда Киев (великий князь) Ярослав боярином своим Дмитром Ейковичем — и придя в монастырь архистратига Михаила, называемый Выдобич (Выдубицкий. — *Авт.),* и созвал паломников и монашеский чин, и сказал игумену и всей братии, да сотворят молитву о нём — и сотворили — да от Бога милость получит. И было так. И преклонившись перед архистратигом Михаилом, вышел из монастыря в ладье, видя беду страшную и грозную, и пришёл к Переяславлю.

И встретил татар, оттуда же поехал к Куремсе (военачальнику, орда которого кочевала в окрестных степях. — *Авт.),* и видел, что нет в них добра. От того начал болью скорбеть душою, видя обладаемые дьяволом скверные и колдовские бляденья, и Чингисхановы мечтания, скверные его кроволитья, многие его волхования. Приходящих царей, и князей, и вельмож Солнцу, и Луне, и Земле, дьяволу и умершим в Аду отцам их, и дедам, и матерям, водя около костра, (заставляли) поклоняться им. И скверную прелесть их слыша, очень начал скорбеть".

Все эти ужасы, как легко догадаться, означали всего лишь прохождение князем карантина и очищения огнём в орде Куремсы, а также разговоры о татарских обычаях, которые следует соблюдать в Сарай-Бату.

"Оттуда же, — продолжает летописец, — князь Даниил пришёл к Батыю на Волгу, желая ему поклониться. Пришедший же человек Ярослава Сонгур сказал ему: брат твой Ярослав кланялся кусту, и тебе кланяться! И сказал ему (князь Даниил): дьявол говорит из уст ваших! Бог да заградит уста твои, и не слышно будет слово твоё!

В тот час позван был Батыем, избавлен Богом от злого их бешения и колдовства, и поклонился по обычаю их, и вошёл в шатёр его.

(Батый) сказал ему: Данило, почему давно не приходил? А теперь пришёл, и это хорошо. Пьёшь ли чёрное молоко, наше питьё, кобылий кумыс?

(Даниил) ответил: доселе не пил, ныне же ты велишь — пью!

(Батый) же сказал: Ты уже наш, татарин, пей наше питьё.

(Даниил) же, выпив, поклонился по обычаю их, произнёс речь свою, (и) сказал: иду поклониться великой княгине Боракчиновне (Боракчин-хатун, единственной жене Бату-хана. — *Авт.).*

(Батый) сказал: иди, поклонись по обычаю, — и прислал вина в юрту, и сказал: не привыкли пить молока — пей вино!

О, — восклицает летописец, — злее зла честь татарская! Даниил Романович, бывший князем великим, обладавший Русской землёю, Киевом, и Владимиром (Волынским. — Авт.), и Галичем, с братом своим и иными странами, ныне сидит на коленях и холопом называется. (От него) дани хотят, (он) живота не чает, и грозы приходят.

О, злая честь татарская! Его отец был царём в Русской земле, покорил Половецкую землю и воевал на иные страны все. Сын же такой не приял чести, а иной кто может принять? Злобе их и лести нет конца. Ярослава великого князя Суздальского ядом уморили. Михаил князь Черниговский, не поклонившийся кусту, с его боярином Фёдором ножом закланы были… и многие другие

князья и бояре убиты были.

Побыл князь у них дней 20 и 5 и отпущен был, и поручена была ему земля его, которой владел, и пришёл в землю свою, и встретили его брат и сыновья его. И был плач о беде его и большая была радость о здравии его"[162].

Эта вторая поездка на поклон в Орду не изменила князя. Папа римский вновь обещал крестовый поход на татар, и Даниил выступал перед Западом как покорный папе "король Руси". (Хотя, к чести его, в Лион не ездил и папской туфли не лобызал.) В надежде на объединение сил против общего врага князь породнился с венгерским королем, австрийскими и польскими герцогами, литовскими князьями, принимал участие в их усобицах и убедился, что надежды на "помощь Запада" тщетны. Вступая в решительную войну с татарами, король Даниил имел союз лишь с литовским князем Миндовгом, как и он, притворно принявшим королевское звание от католиков. Дело шло хорошо, пока против Галицко-Волынской Руси стояла только кочевавшая у Днепра орда его старого знакомца Куремсы.

Положение круто изменилось, когда Сарай прислал опытного воеводу Бурундая. Он имел сильное войско и чтил традиции. Не укоряя Даниила, Бурундай велел князю прислать войска для похода на Литву. Когда татары и русские прошли по ней огнем и мечом, татарский воевода пригласил всех галицко-волынских князей, не состоящих с ним в войне, в свою ставку. Даниил бежал в Венгрию. Прибывшим князьям Бурундай приказал снести укрепления городов Галицко-Волынской земли и самолично наблюдал за выполнением приказа.

Татарам и князьям не покорился лишь Холм. Бурундай обошел его и вместе с русскими вассалами разорил Польшу. Когда татары ушли, Даниил вернулся в Холм и скончался, Галицко-Волынская Русь распалась на мелкие княжения и, лишенная крепостей, сделалась легкой добычей давно мечтавших об этом соседей. Галичем овладела Польша, а Волынью — вскоре превратившаяся в могучую силу Литва.

Совсем иная судьба ждала государство, в правление которым иступил Александр Ярославич Невский. Князь не поддался на искушения властителей татар и, как говорят историки, добился тот, чтобы русские войска не участвовали в ордынских походах, невзирая на возможные завоевания и богатую добычу. Не прельстился он и речами посланцев римского папы, усердно обольщавших грозного для крестоносцев князя после того, как его не удалось руками татар убить. Но оставался ещё один, наиболее сильный искус: верховная власть.

Глава 2. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕНИЕ

Год 1250-й был переломным в жизни Александра Невского и всей Руси. В тот год Даниил Галицкий вернулся из Орды ещё более убеждённым, чем прежде, противником татар, готовым для борьбы с ними на союз хоть с дьяволом, хоть с папой римским. Александр же вступил в Великий Новгород с митрополитом Киевским и всея Руси Кириллом и Кириллом, архиепископом Ростовским, чтобы первым делом поставить в Новгороде доброго архиепископа Далмата. Один великий князь поднимал знамя борьбы с Ордой, другой — осенял себя крестным знаменьем под православной хоругвью.

Александр-то, конечно, знал, что означает приезд митрополита Киевского во Владимир, где была сыграна свадьба его брата Андрея с дочерью Даниила Галицкого, а затем и в Новгород. Ведь именно Александр Ярославич, задержавшись сам и собрав семью в разоренном и едва отстроенном Владимире, зазывал сюда митрополита из подвластного князю града Киева.

Владыка Кирилл был человек на Руси известный[163]. Ещё бы! Он служил печатником, то есть канцлером, хранителем государственных печатей, у самого великого князя Даниила Романовича Галицкого. В 1241 г. Даниил Галицкий послал его в г. Бакоту "исписать грабительство нечестивых бояр и утишить землю". Пока печатник наводил порядок, на город налетел главный военный соперник Даниила, сам Ростислав Михайлович Черниговский с войском. Кирилл вышел из врат города и увещевал его мудрыми словами. Не помогло. Тогда печатник, "видев, что не послушали его, пошёл на них с пехотой", и Ростислав — о, чудо, — со всей своей конной дружиной отступил от Бакоты[164].

Просвещенный книжник Кирилл составлял, как полагают, летопись за 1238–1245 гг. для Даниила Галицкого (когда записи галицко-волынского летописания были весьма разумны). По воле Даниила он был в 1243 г. поставлен на митрополию всея Руси, а в 1250 г. утверждён в этом сане православным патриархом, жившим тогда в Никее, вместе с императором Византии, сражавшимся с крестоносцами за Царьград. По пути Кирилл убедил венгерского короля выдать дочь свою замуж за сына Даниила (в то время, как сам великий князь получал "злую честь татарскую" в стане Батыя). Более того, митрополит заставил короля поклясться, что свадьба действительно состоится и мир с Русью будет заключён. Вообще-то Кирилл представил дело так, что король его сам об этом браке и мире просил, говоря, что

взамен "проведёт его к грекам с великой честью"[165]. Император Иоанн III Дука Ватац (1221–1254), судя по всему, также просил Кирилла оказать ему помощь, но не в заключении мира, а в объединении сил против крестоносцев, которых он уже выбил из Фессалоник (1246), но никак не мог изгнать из Константинополя…

Этот-то владыка, вернувшись на Русь, решительно порвал со своим господином и другом Даниилом Романовичем. Тому должны были быть серьёзнейшие причины, первой и главной из которых стал замысел Даниила отступить от православия. В самом деле: в Греции православные воины не щадя живота своего бились с крестоносцами, но православие было в опасности: сам император Иоанн Ватац торговался с римским папой, в отчаянии обещая даже покориться ему, если тот поможет очистить от оккупантов Царьград. Даже к Александру Невскому, дважды разбившему крестоносцев на севере, папские агенты тянули свою склизкие щупальца. А тут уже не в шутку, не в качестве политической интриги склоняется к латинству старый друг…

Я не стал бы бросать столь серьёзное обвинение великому человеку, каким, несомненно, был Даниил Галицкий — ибо кто знает, что творилось в душе у выдающегося воина и политика. Хотелось бы предположить, что переговоры с папской курией и последовавшая за ними коронация панским нунцием в 1254 г. были всего лишь политическим манёвром князя, остававшегося в душе православным. Увы, все эти оправдания разбиваются о факт, что с Даниилом Галицким вынужден был порвать знавший его душу владыка Кирилл…

Многое нам говорит этот поступок и об Александре Невском. Не случайно митрополит всея Руси привязался к нему и не покидал до самой смерти великого князя, тело которого лично отпевал. Полагают, что именно Кирилл возрождал переяславльское летописание, что он был инициатором создания Жития Александра Невского и заложил основу почитания святого. Кому как не мудрому Кириллу было знать, достойна ли душа Александра Ярославича святости! Сознавал владыка и соответствие деяний великого князя праву — ведь Кирилл, помимо прочего, был великий для своего времени правовед. Он провёл во Владимире церковный собор для устранения разногласий в вопросах права, обобщив его решения в "Правиле Кирилла, митрополита Русского", и заложил основу "Русской Кормчей" — свода церковного права[166].

Решающие события произошли во Владимире, где жили после возвращения из Орды в 1249 г. Александр Невский и его брат Андрей. Осенью 1250-го их дядя, великий князь Святослав

Всеволодович, выехал в Орду[167], и власть, по догадкам историков, принял Андрей Ярославич: согласно ярлыку ханши Огуль-Гаймыш — великий князь Владимирский. После этого была сыграна его свадьба с дочерью Даниила Галицкого Устиньей (Анной), в связи с которой во Владимир и прибыл митрополит Кирилл.

Именно в конце 1250 г. на развалинах столицы Северо-Восточной Руси Даниил Галицкий и младшие братья Александра, Андрей Владимирский и Ярослав Тверской вступили в союз, о котором нам не говорят летописи. Зато этот союз хорошо известен по последствиям, ведь князья решили биться с татарами, отстранив от власти благорассудного Александра и уповая на военную помощь Запада.

Разумеется, и у войны, и у "помощи" была своя цена, которую Александр Невский не готов был заплатить. В отличие от пылкого князя Андрея, он вынес из путешествий в Сарай-Бату и Каракорум убеждение, что ни Русь, ни даже вся Европа в целом не может противостоять военной силе Монгольской империи. Значит, ценой войны было уничтожение Руси. Кому как не Александру было ясно, что дай только повод, чтобы в Каракоруме вернулась к власти военная партия "старой школы" Чингисхана, и от враждебных татарам стран останется только выжженная земля. По сравнению с этими фанатиками (к которым принадлежал, например, автор "Тайной истории монголов") сам хан Батый, склонный договариваться с побеждёнными, выглядел сущим ангелом.

Знал Александр и то, что "принять помощь Запада" означало поступиться православной верой. Более мягких условий Запад никогда и не выдвигал. Но даже принятие знатью и народом католичества не означало, что Русь будет введена, как модно выражаться в XXI в., "в европейскую семью". У католиков крещённые их миссионерами "варвары" чётко обозначались как люди второго сорта, рабы своих крестителей. Значит, родные братья Александра готовы были предать истинную веру и погубить свои бессмертные души только для того, чтобы выжившие после истребления татарами были порабощены крестоносцами. А то, что с Запада, опираясь на окатоличенных князей, на опустевшую и ненужную гитарам Русь придут крестоносцы, сомнений не было: это уже показал опыт.

Так рассудил не один Александр Невский. Так оценил ситуацию и митрополит Кирилл, отказавшийся сопровождать Даниила на обратном пути. Владыка понял, насколько в этот решающий момент он нужен князю Александру.

К этим двоим примкнул и третий столп православия на Руси

XIII в.: Кирилл II, епископ ростовский с 1230 г. по свою кончину 21 мая 1262 г. Лаврентьевская летопись подчёркивает высочайший авторитет владыки у князей, бояр и народа. Летописец не раз восторгался его глубокой "книжностью", не замкнутой в тиши библиотеки, но воплощённой в поучения: краткие и ёмкие проповеди, послушать которые собирались жители Ростова и паломники со всей Руси[168].

Действительно, те восемь дошедших до нас проповедей, которые, по мнению исследователей, произнёс владыка Кирилл, преисполнены любви к Богу, к ближнему и глубокой учёности[169]. Они вошли в такие популярные в Древней Руси сборники, как "Измарагд" и Златоуст", и были посвящены вечным в православии темам: "как не забывать учителей своих", "духовное семя в ваших душах", о сотворении Адама и Евы, о страхе Божием, о мытарствах души после смерти, "о небесных силах и чего ради создан был человек", "о злых духах" (т. е. "о злых и неверных людях" — против суеверий), против арианства и т. п.[170]

Далёкий от политики, не замешанный в княжеских интригах, епископ Кирилл решительно встал в споре на сторону князя Александра, и в то время, когда Андрей и Ярослав заправляли во Владимиро-Суздальской Руси, уехал с Невским в Новгород. Это случилось в 1251 г., когда стараниями ретивых братьев у Александра быт отнят даже Переяславль. Новгородский князь и власти республики занимались тогда местными делами и вели переговоры о дружбе и союзе с королём Норвегии[171]. На следующий год за княжеские распри последовала расплата: Батый послал на непокорных владимиро-суздальских князей войско под командой воеводы Неврюя.

Из-за того, что в Лавреньевской летописи, рассказывающей о событиях 1252 г., посольство Александра Невского к Батыю описано перед рассказом о деяниях его братьев, историки заключили, что именно Александр, выпросив себе у Батыя ярлык на великое княжение, "навёл" на Русь орду Неврюя. Дескать, почему бы любившему власть Александру не пожертвовать Русью в борьбе с братьями за великокняжеский стол?! Давайте полностью прочтём текст летописи и сделаем собственные выводы о том, как его понимать.

Лаврентьевская летопись о событиях 1252 г.

"В 1252 г. пошёл Александр князь Новгородский Ярославич в татары, и отпустили его с великой честью, дав ему старшинство над всей братией его.

В то же лето надумал Андрей князь Ярославич со своими боярами: (Лучше) бежать, нежели царям (татарским) служить. — И побежал на неведомую землю с княгиней своей и боярами своими. И погнались татары по следу его, и настигли у города Переяславля. (Князя) же Бог сохранил и молитва его отца. Татары же разлетелись ("рассунушася") по всей земле, и княгиню Ярослава взяли, и детей захватили, и воеводу Жидослава тут убили, и княгиню убили, а детей Ярослава в плен послали и людей без числа повели, коней и скота, и много зла сотворив, ушли.

Того же года отпустили татары Олега князя Рязанского в его землю.

Того же года пришёл Александр князь великий из татар в град Владимир, и встретили его у ворот митрополит (Кирилл. — *Авт.)* и все игумены и граждане, и посадили его на стол отца его Ярослава, тысячу придержащу Роману Михайловичу и весь ряд[172]. И была радость великая в граде Владимире и во всей земле Суздальской.

В то же лето преставился христолюбивый князь Святослав Всеволодович"[173].

* * *

Очевидно, что летописец и жители Владимиро-Суздальской земли не видели оснований винить Александра Ярославича в нашествии на Русь татар. Скорее летописцу не нравится позиция князя Андрея, который разозлил татар (иначе они за ним бы не гнались) и "побежал на неведомую землю", подставив своего брата Ярослава, потерявшего в результате жену и детей, и мирных жителей Руси, ограбленных и угнанных в рабство. Историк В.А. Кучкин полагает, что описание отъезда Александра Невского в Орду перед рассказом о выходке его братьев не случайна: "после его отъезда Андрей и Ярослав Ярославичи подняли восстание против монголов, надеясь, что смена хана в Каракоруме позволит им избавиться от вмешательства Орды в русские дела". Другими словами, младшие братья воспользовались отсутствием более мудрого старшего, который мог бы удержать их от бессмысленного и губительного для Руси бунта.

Историк В.Т. Пашуто свидетельствует, что Андрей через Новгород и Псков бежал в датский Ревель, а оттуда в Швецию к ярлу Биргеру: "Итак, Андрей оказался при дворе врага Александра и вместе с Биргером участвовал в войне против

Норвегии"[174], - заметим, союзной Новгороду державы. Однако братолюбивый Александр сумел вернуть Андрея на Русь, дав ему весьма почётное и доходное Суздальское княжение. Примирившись с татарами, Андрей в 1257 г. ездил с Александром к хану Улагчи[175].

Не менее Андрея замешанный в нашествии татар, Ярослав Ярославич в 1254 г. тоже бежал, бросив семью, — в Ладогу, а оттуда во Псков, где с согласия своего брата Александра был принят в князья[176]. Впоследствии он, вновь с согласия старшего брата, вернулся на свой "стол" в Тверь (захваченный воинственным братцем Переяславль Александр вернул себе сразу), а вскоре после его кончины, заметно к тому времени помудрев, стал великим князем Владимирским.

Не винил Александра Невского за Неврюеву рать и митрополит Кирилл, содействовавший написанию его Жития. Там поведение великого князя в 1252 г. оценивается в высшей мере похвально:

"Решил князь Александр пойти к царю в Орду, и благословил его епископ Кирилл. И увидел его царь Батый, и поразился, и сказал вельможам своим: "Истину мне сказали, что нет князя, подобного ему". Почтив же его достойно, он отпустил Александра.

После этого разгневался царь Батый на меньшего брата его Андрея и послал воеводу своего Неврюя разорить землю Суздальскую. После разорения Неврюем земли Суздальской князь великий Александр воздвиг церкви, города отстроил, людей разогнанных собрал в дома их. О таких сказал Исаия-пророк: "Князь хороший в странах — тих, приветлив, кроток, смиренен — и тем подобен Богу". Не прельщаясь богатством, не забывая о крови праведников, сирот и вдов по правде судит, милостив, добр для домочадцев своих и радушен к приходящим из чужих стран. Таким и Бог помогает, ибо Бог не ангелов любит, но людей, в щедрости своей щедро одаривает и являет в мире милосердие свое".

Итак, можно ли считать, что Батый не послал бы на Русь Неврюеву рать, если бы Александр Невский не приехал к нему в Сарай-Бату за великокняжеским ярлыком? Историки давно обратили внимание, что удар по Андрею был нанесён Батыем сразу после свержения власти ханши Огуль-Гаймыш, выдавшей тому великокняжеский ярлык в 1249 г. К этой смене власти Батый готовился давно, направив в Каракорум своего брата Берке и сына Сартака с войском в 30 тыс. человек[177]. В начале 1251 г. сложная операция, в которой принимали активное участие Соркуктани-беги и ветераны Западного похода, завершилась

успехом.

На великом курултае сын Соркуктани-беги Менгу (Мункэ) стал великим ханом, а Батый был признан старшим рода — акой. Бату-хан не только обогатился после расправы над противниками, но и получил свободные руки для расправы над своими противниками на Руси. На которых, вполне разобравшись с делами империи, и двинул войско.

Последний вопрос: мог ли Александр Невский, пребывая во время набега Неврюя в Орде, остановить удар по споим братьям и разорению Руси? Современники понимали: не только не мог, но сделал всё, что было в его силах, чтобы избежать катастрофы. Став великим князем, Александр Ярославич смог ограничить войну одним набегом, задобрил Батыя и примялся за восстановление хозяйства Владимиро-Суздальской Руси. В Новгороде он оставил княжить своего старшего сына Василия Александровича.

К этому времени в семье Александра невского произошли большие перемены. Его супруга Александра скончалась в 1251 г. видимо, когда и сам он тяжело болел, спасшись только "молитвами" своего покойного отца, митрополита всея Руси и епископа Ростовского Кирилла. На следующий год, когда князю пришлось ехать в Орду, отмаливать Русь от татарского набега, вернувшись с титулом великого князя, Александр женился вторично.

Его избранницей стала княжна Дарья Изяславна, родившая великому князю будущих великих князей Андрея (1255) и Даниила (1261)[178]. Кроме них, у Александра были ещё старшие сыновья: упомянутый выше Василий и Дмитрий (боровшийся потом за великокняжеский стол), а также дочь Евдокия. Она была выдана отцом замуж за князя Константина Ростиславича Смоленского (знаменитого впоследствии победителя крестоносцев, тогда княжившего в Витебске) и положила начало таким знаменитым в России фамилиям, как Мусоргские, Дмитриевы и Дмитриевы-Мамоновы[179].

Но, как выражались древнерусские летописцы, "паки на предлежащее возвратимся". Положение Северо-Восточной Руси при вступлении Александра Ярославича на великокняжеский престол действительно было угрожающим. Настолько, что ни один опытный политик — а Александр уже был именно таковым — не стал бы с этим шутить.

Историк В.Т. Пашуто считает, что по Даниилу Галицкому Батый нанёс удар "одновременно с Неврюевой ратью". На самом деле это не так: Даниил Романович был хитрее простодушных братьев Александра, которых подбил на бунт против татар. Он

столкнулся с новым нашествием татар лишь после того, как папа римский Иннокентий IV в январе 1253 г. объявил против них крестовый поход, призвав к нему католиков Богемии, Моравии, Сербии, Померании и Прибалтики, в которой, помимо Тевтонского ордена, считал крестоносными силами и войска великого князя Литовского Миндовга, принявшего католическое крещение и коронованного папским легатом в 1253 г. Получив от католиков "королевский" венец на год позже, Даниил именно в 1254 г. нанёс сильные удары татарам[180], но не получил крестоносной поддержки и был ими разгромлен, а его земля, как и земля Миндовга, разорена.

Для Александра Невского было не удивительно, что "католические страны", к которым папа римский относил теперь и Литву, "поддержали" Русь ровно через год после Неврюевой рати (надеясь опять на ее разорение татарами), и сделали это, как он и подозревал, внезапным нападением. Но князь хорошо знал своего врага и к его нападению готовился. Вторгшаяся в 1254 г. в Новгородские земли литовская рать была настигнута сыном Александра Невского Василием у Торопца и разгромлена. "Так отомстила им кровь христианская", — пишет новгородский летописец. Русские же воины, освободив всех взятых врагом пленных, "пришли в Новгород здоровы", без потерь.

"Того же лета, — продолжает летописец, пришли немцы под Псков и сожгли посад, но самих их много псковичи убили. И пришли новгородцы полком к ним из Новгорода, и они (крестоносцы. — *Авт.)* побежали прочь. И пришли новгородцы в Новгород, и повернув, пошли за (реку) Нарову, и опустошили их (немцев. — Ав*т.)* волость, И карелы тоже много зла сотворили волости их.

Того же лета пошли (новгородцы) с псковичами воевать их (немцев. — *Авт.*), и (немцы) против них поставили полк. И победили их псковичи силою Креста честнаго: сами на себя начали (войну) окаянные преступники правды (т. е. нарушители мирного договора. — *Авт.)*. И прислали (немцы) в Псков и Новгород, прося мира на всей воле новгородской и псковской. И так умирились"[181].

Проще говоря, координированно атаковавшие северную Русь слуги папы римского (к которым теперь присоединилась Литва) получили в 1254 г. такой отпор, какого не ждали. На следующее лето, удовлетворённо отметил новгородский летописец, "добро было христианам". Однако на Руси и в те времена не бывало хорошо так, чтобы сами россияне эту лепоту не испортили. Уже в 1256 г. почувствовавшие себя в безопасности новгородцы "вывели" Ярослава Ярославича из Пскова княжить в Великом

Новгороде, а Василия Александровича "выгнали вон".

Новгородский летописец пишет об этом спроста, а в Лаврентьевской летописи рассказ заковыристей. В 1255 г. Александр Невский оплакивал смерть своего брата Константина, тело которого было привезено для похорон во Владимир и отпето митрополитом Кириллом, когда "задумали новгородцы послать Далмата, (архи) епископа Новгородского, к великому князю Александру с грамотами, как бы о мире. Он же (Александр. — *Авт.)* промедлил. И воздвиг вражду дьявол, искони ненавидящий род человеческий, и была крамола в Новгороде — выгнали Василия князя"[182].

То есть "золотые пояса", воспользовавшись тем, что великий князь долго не подтверждает очередной договор об отношениях с Новгородом, огульно обвинили его в покушении на новгородские вольности и подняли мятеж. Василий Александрович с дружиной ушёл в Торжок и стал ждать там отца. По Лаврентьевской летописи, Александр пошёл к Новгороду мирно, новгородский же летописец повествует, что великий князь двинулся в путь с целой армией.

Сочувствующий восставшим новгородский летописец с гневом записал, что предатель "Ратишка" прискакал к князю с "переветом" (изменой), сообщив, что князь Ярослав Ярославич бежал из Новгорода. Напрасно новгородцы поставили кавалерию за церковью Рождества Христова, а пеший полк у храма святого Ильи напротив Городца. Напрасно "меньшие люди" Новгорода, устроив вече у святого Николы, клялись стоять до конца и принять смерть "за правду новгородскую". Знатные люди, по словам летописца, "сотворили совет злой, как побить меньших, а князя ввести на своей воле". Они чуть было не выдали великому князю посадника Онанью, зачинщика мятежа. Но новгородские полки стояли за посадника горой целых три дня. На четвёртый Александр Ярославич согласился простить всех, если Онанью снимут с посадничества. Мир был заключён по старине, Александр Ярославич торжественно вступил в город и "сел на своём столе"[183].

Великий князь успел навести порядок в Новгороде вовремя. На следующий год рубежи республики атаковало объединённое воинство шведов с покорённой ими емью и сумью, немцев и датчан с земель близ Ревеля во главе с Дидманом (полагают, что это был Дитрих фон Кивель, вассал датского короля), и "множество" других, видимо, наёмных воинов и крестоносцев. Они начали строить крепость на р. Нарове — единственном водном пути Пскова к морю. Через эту землю в Водской пятине Новгорода проходили также сухопутные торговые пути из

Новгорода в Ревель и на запад.

Смелость завоевателей и присутствие в их рядах еми объяснялись нерасторопностью новгородцев. Ещё в 1249 г. честолюбивый швед Биргер устроил большой военный поход на емь, намереваясь отнять всю их землю в центральной Финляндии у "русского князя"[184]. Хотя при известии о смерти короля Эрика Картавого Биргер поспешил вернуться домой, в земле еми осталась шведская крепость Тавастборг: опора оккупантов и миссионеров во главе с епископом Томасом. Биргер с тех пор посадил на престол своего маленького сына Вальдемара, стал ярлом и был занят серьёзным делом: кровавыми разборками с родичами. Но Русь проявила слабость, не дав на его вылазку ответа, и теперь новгородцы увидели врага уже на пороге.

Крестовый поход 1256 г. организовывался по обычной схеме. Крупнейший землевладелец датской части Прибалтики Дитрих фон Кивель со своим родичем Отто фон Люнебургом где-то в конце 1254 г. отправили папе римскому письмо, что "язычники", живущие вблизи их "цивилизованных" папскими миссионерами земель, изъявили желание принять католичество. Обрадованный папа Александр IV в булле от 19 марта 1255 г. предписал архиепископу рижскому Альберту фон Зуербееру принять меры для крещения упомянутых "язычников". Ещё более счастливый таким поворотом событий Альберт тут же отписал папе, что "креститься" хотят все язычники Вотландии, Ингрии и Карелии, т. е. новгородских земель Води, Ижоры и Карелы. Папа в ответном послании повелел Альберту назначить на эти земли епископа. Архиепископ не медля назначил "епископом карельским" гамбургского каноника Фридриха Газельдорфа.

Однако, как вы понимаете, ехать крестить "всех желающих" в землях Руси не было. Если только "помощниками" в этом "святом деле" не станут могучие полки крестоносцев. После долгих размышлений всех участников событий папа Александр буллой от 11 марта 1256 г. призвал к общему крестовому походу на "язычников" Восточной Европы христолюбивых воинов Швеции, Норвегии, Дании, Готланда, Пруссии, Восточной германии и Полыни.

Увы, на этот призыв не откликнулся даже Тевтонский орден: его рыцарям вполне хватило взбучки 1254 г. под Псковом. Однако безрассудный Дитрих фон Кивель, подняв в поход всю "свою волость" (немецких колонизаторов и покорённых эстов области Вирумаа), сумел заручиться поддержкой Биргера. Шведы прислали своих бойцов и отряды покорённых народов еми и су ми. Судя по всему, к ним присоединились и отдельные сумасбродные крестоносцы из охваченных папским призывом

стран.

Новгородцы, получив неприятные вести с границы, спохватились, что "князя нет в Новгороде". Объявив мобилизацию, они послали за княжескими полками во Владимиро-Суздальскую землю. К сожалению для уже потиравших руки в предвкушении славного боя русских воинов, "окаянные" крестоносцы, только услышав про сбор наших войск, "побежали за море". Между тем извиняться завоевателям было уже поздно. Сам великий князь Александр шёл на север с войском в сопровождении митрополита Кирилла!

Никто, даже новгородцы, не ведали планов Александра Невского. Присоединив войска Великого Новгорода, он дошёл до Копорья, где митрополита и большую часть ополченцев отпустил назад. Зачем он это сделал, стало ясно тем новгородским боярам и их дружинникам, кого князь всё же взял в поход. Стояла зима. Русская рать шла, видимо, на лыжах, "злым путём", не различая дня и ночи, и обрушилась на шведов в землях еми, как снег на голову. Местные крестоносцы и служившие им финны были истреблены на пространствах до полярного круга, многие попали в плен. С минимальным ущербом среди лыжников, не потеряв ни одного новгородского воина, Александр Ярославич с победой вернулся назад. И, оставив княжить сына Василия, ушел "на низ"[185], где его ждали ещё более трудные дела.

Булла папы Александра в 1257 г. ярко живописует последствия русского похода на захваченные шведами земли финнов: "Среди всех прочих опасностей, которые причинили названному государству коварство и жестокость этого племени, особенно в этом году, когда оно, неистово вторгнувшись в некоторые части данного государства, свирепо убило многих из его верноподданных, пролило множество крови, много усадеб и земель истребило пожаром, подвергло также поруганию святыни и различные места, предназначенные для богослужения, многих возрожденных благодатью священного источника прискорбным образом привлекло на свою сторону, восстановило их, к несчастью, в языческих обычаях и тягчайшим и предосудительным образом подчинило себе"[186].

Слова папской буллы, что (не упоминаемое впрямую) Русское государство в 1256 г. "привлекло на свою сторону, восстановило… в языческих обычаях и… подчинило себе" финнов, перекликаются со стихотворным отчётом о недавнем походе туда же Биргера (1249):

> Эту страну, что Эрик крестил,
> Думаю я, русский князь упустил[187].

Ошибочка вышла у папы и шведских крестоносцев…

Александр IV сгоряча призывал шведов к новому крестовому походу на емь. Но северные воины подумали… и не пошли. И не ходили воевать против русских владений ещё 25 лет.

А на Русь надвигалась новая, гораздо более грозная беда.

Глава 3. ТАТАРСКОЕ "ЧИСЛО"

Пока великий князь Александр Ярославич в лыжном походе сквозь полярную ночь мстил коварным шведам, в Орде произошли большие перемены. Хан Батый в 1255/56 г. умер. Ему наследовал старший сын, хорошо знакомый Александру Невскому хан Сартак (но вероисповеданию — христианин несторианского толка), которого отец уже много лет вводил во все значительные дела управления государством. Но в тот же 1256 г., направляясь для утверждения своего титула в Каракорум, умер и Сартак, а на престол в Сарай-Бату взошёл несовершеннолетний сын Сартака Улагчи.

Эта перемена не особо взволновала Александра Ярославина. Он был уверен, что тесно связанный с Батыем и многим обязанный его семье великий хан Менгу утвердит титул Улагчи, а править по-прежнему будет единственная и горячо любимая жена, а теперь уже вдова Бату[188]. В традиционной культуре монголов, в отличие от полудикой тогда западной Европы, было заведено, что женщина имеет все права, а защищается законом даже больше, чем мужчина. (На Западе такое отношение к женщине было законодательно закреплено лишь во второй половине XX в., под заметным влиянием СССР.) Первые жены всех ханов, начиная с Чингисхана, вели вместе с ними хозяйство и государственные дела. В случае же смерти правителя, как и в Византии, властью распоряжалась его вдова. Но, в отличие от Византии, вдовствующая ханша обычно сохраняла огромное влияние и при наследниках хана.

Обладая, по отзыву современников, "обширным умом и умением распоряжаться"[189], Боракчин-хатун в высшей мере устраивала Александра Ярославича как гарант стабильности в политике Орды по отношению к Руси. Получив известия о смене ханов, он отправил с приветствием Улагчи князя Бориса Васильковича Ростовского, снабдив его своими великокняжескими дарами, а сам двинулся в глубь Финляндии[190]. Защита общих — раз великий князь Владимиро-Суздальской и Киевской Руси был вассалом хана Орды — рубежей являлась вполне убедительным предлогом для задержки Александра на севере.

Тем не менее ехать к Улагчи было надо. Вернувшийся "в свою отчину с честью" князь Борис, видимо, донёс эту мысль до Александра. В 1257 г. "поехали в татары Александр, Андрей, Борис; почтив Улагчи, приехали в свою отчину", — сообщает та же Лаврентьевская летопись. "Той же зимы, — продолжает

летописец, — приехал Глеб Василькович из Великоханской земли от царя (Менгу-хана. — *Авт.),* женившись в Орде"[191].

Брак в Орде

Глеб Василькович, князь Белозерский, младший брат Бориса Ростовского (старший родился у Василька Константиновича Ростовского 24 июля 1231 г., а младший — в 1237 г.), помогает понять истинное отношение русских людей XIII в. к татарам. Это собирательное название, означавшее на Руси всё многонациональное и поликонфессиональное множество людей, живших в Орде (за исключением гостей и русских пленных), воспринималось как наказание Божие лишь в целом, в качестве неведомо откуда взявшейся и непреодолимой силы. В частности же татарская девица (из монголов ли, других народов Великой Степи, или из земледельческих культур Китая и Средней Азии) не вызывала ужаса настолько, что в неё нельзя было влюбиться. Выйдя замуж за хозяина маленького, но самостоятельного Белоозера, и приняв крещение, она становилась у русских, привыкших жить среди людей разных народов и вер, вполне и окончательно "своей".

Замечу ещё, что первый из князей, женившийся в Орде, Глеб изображается в летописях человеком богобоязненным, чего не скажешь о Данииле Галицком, выражавшим, по красочному рассказу Ипатьевской летописи, глубокое отвращение к обычаям татар. Сравните: Даниилу было противно пить кумыс с ханом Бату, который его ни разу ни в чём не обманул, но не зазорно принимать королевский венец из рук насквозь лживого папского легата. А Глеб, сохраняя в чистоте свою веру, настолько по-доброму отнёсся к непривычным ему татарам, что вывез из Орды и обратил в православие девицу, ставшую матерью славных русских князей.

Даниил выражал западное отношение к "инородцам", по формуле: "всяк не *эллин* — варвар", всякий "не наш" — не человек. Глеб — русское, вполне знакомое нам и человечное.

* * *

Улыбаясь и поднося дары ханам, Александр Невский не забывал, что Орда остаётся страшной и необоримой силой. Катастрофа случилась внезапно: в том же 1257 г., едва князья вернулись на Русь, хан Улагчи умер. Поговаривали, что он был

убит братом и ближайшим помощником Батыя, честолюбивым ханом Берке — тем самым, что ходил с 30-тысячным войском на Каракорум, сажать на Великоханский "стол" хана Менгу. Это было ещё не страшно, но Боракчин-хатун не нашла поддержки у знати улуса Джучи, чтобы посадить на престол другого своего внука; не помогло ей и обращение за помощью к энергичному хану соседнего улуса Хулагу. Она бежала к нему в Иран, но по дороге была схвачена и казнена[192].

Война Хулагу, чтившего закон, запрещавший убивать женщин, против улуса Джучи была неизбежна.

Власть в улусе Джучи взял честолюбивый хан Берке. Немолодой, страдающий ломотой в ногах хан был сторонником, как бы сейчас сказали, "закона и порядка". Арабский летописец ал-Муфаддаль, описавший посольство союзных Берке египетских мамлюков в Орду, так охарактеризовал внешность нового хана:

"Жидкая борода; большое лицо жёлтого цвета; волосы зачёсаны за оба уха; в ухе золотое кольцо с ценным камнем. На нём шёлковый халат; на голове колпак и (на чреслах) золотой пояс с дорогими камнями на зелёной булгарской коже; на обеих ногах башмаки из красной шагреневой кожи. Он не был опоясан мечом, но на кушаке его чёрные рога витые, усыпанные золотом"[193].

Этот словесный портрет был сделан в 1263 г., через 5 лет после описываемых здесь событий. Похоже, в 1257 г. борода Берке была ещё не слишком жидка. Новый хан, по свидетельству историка-чингизада Абулгази, немедля "утвердил за всеми старшими и младшими братьями те уделы, которые были даны им Бату"[194]. Но по отношению к вассалам Орды он твёрдо вознамерился следовать курсу великого хана Менгу на формирование регулярной империи по китайскому образцу. Первым делом, как отметил историк М.Г. Сафаргалиев, у волжских булгар и мордвы были ликвидированы местные власти: их заменили чиновниками Монгольской империи.

Как именно это происходило, мы, к сожалению, лучше знаем на примере Северо-Восточной Руси. Китайская хроника Юань-ши сообщает, что в 1257 г. великий хан Менгу "Китата, сына ханского зятя Ринциня, назначил в должность даругация в Россию"[195]. Даругаций ведал переписью населения и реорганизацией его социальной структуры по новому, имперскому образцу. Перепись на Руси называли "числом", а проводивших её чиновников — "численниками".

Распоряжения великого хана, полностью одобренные ханом Берке, выполнялись молниеносно. "Той же зимы, — завершает Лаврентьевская летопись рассказ о событиях 1257 г., — приехали

численники, пересчитали всю землю Суздальскую, и Рязанскую, и Муромскую, и ставили десятников, и сотников, и тысячников, и темников, и ушли в Орду. Только не считали игуменов, попов, крилошан, кто зрит на святую Богородицу, и владыку"[196].

Иго и Церковь

Русская летопись не случайно уже при первом упоминании о численниках подчёркивает, что татарские налоги и повинности не касались Русской православной церкви. Политикой завоевателей, опирающейся на их культуру и представления о мироустройстве, была не только веротерпимость, но и глубокое почтение к священству, к какой бы религии оно не относилось. Священнослужителей татары считали людьми неприкосновенными, а религиозные организации повсеместно освобождались от даней и поборов. На Руси, например, свободными от обложения и повинностей были не только архиереи, монахи и священники, но и все церковные служители, включая певчих и сторожей, а также люди, населявшие дворы при храмах.

Ханские ярлыки — жалованные грамоты русским митрополитам — юридически закрепляли эту практику. Помимо освобождения Церкви и её людей от налогов и повинностей, ярлыки объявляли неприкосновенными всё церковное имущество. Отныне ни один князь не мог его по своей воле отнять! А за оскорбление православной веры полагалась смертная казнь.

Справедливо и афористично выразился историк В.Т. Пашуто: "Отныне церковные иерархи были в ризе, как в броне"[197]. Однако не мешает учесть, что и князья, до того нередко изгоняемые со своих "столов" соперниками или местным населением, выкупив ханский ярлык, получали княжество в вотчину — то есть в наследственное владение, которое никто, без соизволения хана, не мог у них отобрать.

* * *

"Число" означало подворную перепись в городах (на Руси после освобождения от татарского ига подворное обложение было введено только в XVII в. царём Фёдором Алексеевичем — старшим братом Петра I[198]) и оценку обрабатываемых земель в деревне. Там единицей обложения был не "двор", а "соха", — участок земли, обрабатываемый одной сохой или плугом. В

городах подворный налог должен был распределяться пропорционально, в зависимости от богатства хозяев (что сразу давало основу для злоупотреблений), а с "сохи" брали полгривны серебра в год — огромная сумма для крестьян!

Помимо прямого обложения — "выхода" или "царёвой дани" — чиновники Монгольской империи вводили ещё 13 видов "тягостей". Прежде всего, они претендовали на торговые сборы ("мыт", "тамга" — отсюда пошло слово "таможня"). Вводили, как на всём пространстве империи, извозную повинность: "ям" (обязанность держать для чиновников сменных лошадей), "подводную" (возить государственные грузы на своих телегах и санях). Население обязывалось содержать ханских чиновников ("корм"), давать им "дары" и "почестья" на имя хана и его родичей, производить экстраординарные сборы и давать людей, в том числе рекрутов, по "запросам", и т. п.

Численниками и баскаками, собиравшими, опираясь на "тысячную" организацию местного населения, поборы и дани и кормившимися от этой работы, были мусульманские купцы — "бесермены", откупавшие это право у великого хана. Да и сам хан Берке, по размышлении, счёл выгодным принять ислам ещё до того, как возглавил улус Джучи[199]. То есть он был полностью в курсе системы, которую вводил по приказу из Каракорума. Иначе и не могло быть: в землях вассалов улуса Джучи чиновники Менгу могли чувствовать себя свободно только и исключительно под защитой Орды и подвластных ей князей.

Численники и Баскаки

Прямым сюзереном, царем для князем и церкви, был хан в Сарае. Другое дело — великий хан в Каракоруме, стремившийся воспрепятствовать распаду империи на уделы, владыки которых подчинялись лишь ханам своего улуса, вроде Золотой Орлы. Великий хан Менгу приступил к созданию новой структуры власти в империи с размахом Чингисхана. В 1252 г. поголовная перепись населения была проведена в Китае, на следующий год в Иране, в 1257 г. "исчисление народа" докатилось до Руси.

Учет жителей покоренных земель проводился и раньше: в первые годы после Батыева погрома власти Золотой Орды не меньше великих хамов хотели знать, какой доход им причитается, пока не поняли, что в сборе дани удобнее положиться на князей, получивших свои ярлыки в Сарае. Но уже в 1246 г., когда перепись на Руси вел один чиновник от Батыя и великого хана Гугока, в Каракоруме был отравлен сарайский ставленник

великий князь Ярослав. Борьба за то, кто будет ставить на Руси великих князей, шла несколько лет и на первых порах с перевесом Каракорума. Однако не следовало гадать, кому будут более усердно служить князья: ярлык далекого Каракорума для них мало значил без ярлыка близкого и могучего Сарая.

Великий хан Менгу понимал, что произойдет, если дань с покоренных земель пойдёт через руки улусных ханов. Те станут полновластными владыками и превратят Каракорум в чисто символический центр, основываясь на всеобщем правиле: "вассал моего вассала — не мой вассал". Поэтому численники великого хана, переписывая население империи, разбивая подданных на десятки, сотни, тысячи и тумены, готовили почву для введения единой местной администрации: баскаков. Те должны были собирать дань и формировать военные отряды, чтобы, в конечном счете, образовать новую иерархию среди подданных империи, начиная с десятских и сотников в каждом селе до великого баскака, например при великих князьях.

Опора на людей, желающих возвыситься над своим народом путем открытого перехода в другой лагерь, — один из краеугольных камней диктатуры. Прими ислам — и станешь помыкать односельчанами, а при должном усердии — боярами и даже князьями! Баскачество распространялось по Руси, как раковая опухоль. Великий хан Менгу понимал, что все они будут воровать и грабить, но не волновался за свою казну. В каждом улусе великий баскак был не только чиновником Каракорума, строго следившим за местными властями, но и откупщиком.

Он откупал право сбора дани за определенную сумму, периодически вносимую в казну. Благодаря баскачеству ханы улусов и особенно местные власти, вроде русских князей, становились декоративными фигурами.

План кардинального укрепления Монгольской империи не удался, наткнувшись на всеобщее сопротивление. На Руси его возглавили города.

* * *

Весной или летом 1257 г. в Орду вызвали Александра Невского, его братьев Андрея и Ярослава (опять княжившего в Твери), а также Бориса Ростовского, брат которого Глеб уже вновь гостил у татарской родни своей жены. С ними к хану Берке (летописец, запутавшись в ханах, всё ещё пишет об Улагчи) вызвали и "всех воевод". При малейшем сопротивлении "числу" Северо-Восточная Русь могла мигом потерять всю княжескую и

военную верхушку. На этот раз летописец не упоминает, как обычно делал, что князья были приняты "с честью" "и отпущены были в свою вотчину", — вот всё, что он смог об итогах поездки с облегчением записать[200]. Князья действительно спаслись чудом.

Как рассказывает новгородский летописец, летом 1257 г., когда Александр со всеми князьями и воеводами был в Орде, Великий Новгород был охвачен тревогой и смятением. Из Владимиро-Суздальской Руси шли слухи о злодеяниях численников, неотвратимо продвигавшихся к границе. Новгородцы восстали и убили посадника Михалку, который уговаривал их покориться монголо-татарам.

Тогда великий князь Александр Ярославич Невский сам прибыл в город с ордынскими послами: требовать, чтобы земля приняла численников и платила дань. Княживший в Новгороде сын Александра Василий устыдился поведения отца и бежал во Псков. Невский повелел схватить его, а новгородцам, наиболее рьяно стоявшим против татар, — "Александру и дружине его", — отрезать носы и вырвать глаза, "кто Василия на зло повёл", то есть восстановил против политики отца. Новгородцев это не устрашило. Князь уехал ни с чем. А зимой новгородцы убили его старого боевого товарища Мишу — героя Невской битвы[201].

Пока русские убивали русских, воинов не хватало, чтобы защитить границы Руси. Летом 1258 г. литовцы и ратники из Полоцка, куда пригласили княжить литовского воеводу Товтивила, вассала великого князя Миндовга, ворвались на подчинявшуюся Александру Невскому Смоленщину и "взяли на щит" город Войщину. Он лежал южнее Смоленска, то есть враги прошли войной через всю землю. Этого было мало: осенью литовцы атаковали Торжок. Поставленный там Александром гарнизон частью погиб, частью попал в плен, "а иные едва убежали; и много зла было Торжку". Новгородский летописец нашёл в том году лишь одно утешение: "той же зимы татары взяли всю землю литовскую, а самих перебили"[202].

Война двух "королей" 1258–1259 гг.

Крещённый в католицизм и коронованный папским легатом великий князь Миндовг далеко рассылал отряды по всей Руси, захватывая один за другим её города. Но и этот храбрый воин не смог защитить родную землю, когда на него двинулось войско опытного татарского воеводы Бурундая вместе с ближайшими союзниками Миндовга — галицко-волынскими князьями. Лаконичный Бурундай прислал Даниилу Романовичу Галицкому

— второму в Восточной Европе свежеиспечённому папой "королю", всего несколько слов: "Если ты мирен мне, пойди со мной". Даниил повиновался. Русские войска, под командой брата Даниила Василька и присмотром Бурундая, зверствовали в Литовской земле не хуже татар.

Обещанной папой римским помощи, естественно, не было — она, впрочем, папой всерьёз и не планировалась. Затем Бурундай с Васильком пошёл разорять Польшу — ещё одну "союзницу" Галицкого "короля". Поход был удачен для грабителей. На обратном пути Бурундай взглянул на только что отстроенные Даниилом и Васильком Галицким укрепления Данилова, Львова, Кременца, Стожка, Житана, Луцка и Владимира Волынского. Они ему не понравились, и он велел их снести.

"Король" Даниил руками своего брата Василька выполнил и это. Но не заслужил уважения татар и тем паче сограждан: защитники города Холм просто послали подальше Василька, который именем Даниила (уже бежавшего в Венгрию) потребовал сдать крепость татарам. Как ещё они могли относиться к тому, кто предал свою Церковь, своих товарищей, а под конец — и свою родину? Зато храбрость защитников Холма Бурундай одобрил — и оставил их в покое. Это был единственный город, куда Даниил смог вернуться, чтобы умереть на родной земле в 1264 г.

Великий князь Миндовг извлёк свой урок из этой войны. Отвергнув и католичество, и корону, он собирал во всей Литве оставшихся в живых воинов, чтобы мстить предателям-католикам. На новую войну с Ордой не мог решиться даже он…

* * *

Той же осенью 1258 г. в Ростове был праздник: князья Борис и Глеб вернулись из Орды, Глеб — с молодой княгиней, "и кланялись святой Богородице, и епископу Кириллу, и матери своей великой княгине (Марии. — *Авт.*). И была в Ростове радость великая о Глебове приезде". А во Владимир к зиме нагрянули численники. Они потребовали, чтобы князья сопроводили их наконец в Великий Новгород.

Положение Александра Невского было ужасным. Отказ чиновникам великого хана означал нашествие. А как было заставить свободолюбивых новгородцев, не испытавших на себе, что такое татарский погром, платить дани, в которых они русским князьям и самому Невскому упорно отказывали?! Князю оставалась лишь хитрость.

Зимой 1259 г., рассказывает новгородский летописец,

"приехал Михаил Пинещинич (новгородский посол к Александру. — *Авт.)* из Низу (т. е. Владимире-Суздальской земли. — *Авт.)* с лживым посольством, сказал так: "Если не имётесь по число (т. е. не поддадитесь на перепись. — *Авт.*), то уже (собраны) полки на Низовской земле".

Биться против рати Александра новгородцы не решились. После долгих прений на вече "яшася новгородцы по число". Александр смог мирно доставить в город численников. Он пришёл не один — взял с собой брата Андрея и князя Бориса Ростовского. Но даже присутствие трёх популярных в народе князей не обеспечивало безопасности численников. Присланный самим Менгу-ханом чиновник императорского двора Бецик-Берке и его помощник Касачик "с жёнами своими" и сотрудниками налогового ведомства заполонили княжескую резиденцию на Городище. И, как только приступили к работе, в городе и по всей Новгородской земле вспыхнул "мятеж велик".

Одно дело было — слышать, а другое — видеть бесчинства татар, прибывших в сопровождении великого и удельных князей и снующих по родным землям. Переписчиков тайно убивали на улицах и открыто — в сёлах. Как ни уговаривали народ бояре, уловившие, что численники устанавливают дань одинаковую для богатых и бедных, "меньшие люди" собрались "умереть честно за Святую Софию".

Численники, приехавшие с семьями, чтобы прочно осесть на новом месте, заволновались. "Дай нам сторожей, чтобы не перебили нас!" — сказали они Александру. И так жить чиновникам приходилось под охраной княжеской дружины. Но теперь великий князь, опасаясь прямого столкновения с новгородцами, поставил на ночную стражу детей знатнейших бояр во главе с сыном посадника. "И сказали татары, — гласит новгородская летопись, — дайте нам число, или бежим прочь! И чернь новгородская не хотела дать числа".

Город разделился надвое. Богатые бояре, уже увидевшие возможность при обложении сделать "себе легко, а меньшим зло", собирали своих вооруженных сторонников на Софийской стороне. "Чёрные люди" с оружием в руках съезжались отовсюду на сторону Торговую. Обе стороны готовились форсировать Волхов и дать бой прямо в городе.

Гражданскую бойню предотвратил великий князь Александр. Взяв с собой дружину и численников, он сделал вид, что окончательно покидает землю, подлежащую разорению. Новгородцы одумались и пустили численников в город. Те были достаточно напуганы, чтобы тихонько поездить по улицам, пересчитать дворы и убраться восвояси, даже и не думая

насаждать систему баскачества. Да и кто осмелился бы тут пойти в баскаки?

"И стали окаянные (численники. — *Авт.)* ездить по улицам, записывая дома христианские… и уехали окаянные, взяв число, а князь Александр поехал после, посадив сына своего Дмитрия на столе", — заключает новгородский летописец[203]. Князья Андрей и Борис вернулись с татарскими чиновниками во Владимир, "Александра же удержали новгородцы и чтили его много, — добавляет Лаврентьевская летопись. — Александр же, дав им ряд (договор. — *Авт.),* поехал с честью в свою отчину"[204].

Великий князь был весьма доволен итогом переписи в Великом Новгороде. Не дать татарам "числа" он не мог, но допустить переход страны под управление баскаков было бы для всех князей самоубийством. Александра Ярославича, разумеется, удивляло, почему этого не понимает хан Берке: ведь единая имперская администрация со временем попросту упразднила бы и власть улусных ханов!

Открыто сопротивляться установлению системы баскаков великий князь не мог; но, коли уж татарские чиновники сами её в Новгороде не ввели… Словом, "мятеж велик" и самоуправные действия "черни" можно было только похвалить. Ни одной казни, ни одной расправы по этому случаю в Новгороде не было, а почести, возданные князю новгородцами после отъезда численников, вообще наводят на размышления…

Решение проблемы упиралось в хана Берке, не понимающего, что пилит сук, на котором сидит. Но здесь великий князь мог только молиться. Что он и делал, если верить Лаврентьевской летописи, весь 1260 г. (в тексте — 1259-й, но это известная ошибка летописца): "Приехал из Новгорода Александр к святой Богородице в Ростов, в среду Страстной недели, и кланялся святой Богородице, и целовал крест честной, и кланялся епископу Кириллу: "Отец святой, твоей молитвой я и туда в Новгород ехал здоровым, и сюда приехал твоей молитвою здоров!" Блаженный же епископ Кирилл, (князья) Борис и Глеб и мать их Мария княгиня чтили Александра с великой любовью. И поехал (великий князь) во Владимир"[205].

Новгородский летописец с облегчением записал: "В 1260 г. была тишина весь год". И в Западной Руси "была тишина по всей земле"[206]. Плохо было только крестоносцам Тевтонского ордена. Те, как было и на Руси, преувеличили разгром татарами военных сил Литвы и бросили свои войска в область Жемайтию, намереваясь пробить вдоль моря "коридор" и соединить наконец прусские и ливонские владения ордена. Для сей благословлённой папой римским цели ливонский магистр Бугрард фон Горнгузен и

маршал Тевтонского ордена Генрих Ботель призвали, помимо орденских войск, отряд шведов и датчан из Ревеля во главе с герцогом Карлом и немало крестоносцев из разных стран Западной Европы. Взяли они с собой и отряды покорённых пруссов, эстов и куршей.

Это трёхтысячное войско выступило в поход, но скоро вынуждено было повернуть назад: литовская кавалерия численностью до 4 тысяч всадников атаковала земли самих крестоносцев. Спеша спасти свои владения, рыцари столкнулись с противником у оз. Дурбе — и были разбиты наголову. Интересно, что в их окружении и уничтожении сыграли роль эсты и курши, атаковавшие своих "господ" с тыла. Согласно уже многократно цитированной Ливонской рифмованной хронике, в сече были убиты магистр, маршал, и 150 рыцарей ордена:

Как мученик, магистр погиб
И полтораста братьев с ним.
И многим пилигримам, им
выпала все та же доля —
смерть приняли по Божьей воле…
Повсюду разнеслось известье,
что маршал также в битве пал.
Всегда он храбро воевал…

Погиб также герцог Карл, а 15 рыцарей попали в плен. Остатки крестоносного воинства бросили коней и искали спасения в лесах:

Те, кто искал себе спасенья,
от смерти страшной избавленья,
в лесу густом тогда укрылись,
неслышно красться научились,
сквозь чащу пробираясь скрытно.
Так было войско все разбито.

Ливонский стихотворец подчеркнул, что оставшиеся в живых крестоносцы пробирались домой пешими:

Остатки тех, что в сече бились,
В обратный путь тогда пустились,
и от зари и до зари
В лесах брели, как дикари.
Они без остановки шли,

Пока до дома не дошли.

Папа римский спешно призывал на помощь ордену рыцарей Германии, "едва сдерживая слёзы и с трудом поверив, что такое большое число рыцарей ордена нашло смерть от рук неверных". В то же время великий князь Миндовг, убедившись на своём опыте в неверности и коварстве "благородных" рыцарей, вступил в мирные переговоры с великим князем Александром. По заключённому в 1262 г. договору занявший Полоцк литовский князь перешёл "под руку" Александра. Перестал Миндовг претендовать и на Витебск, а Александр выдал за отважного витебского князя Константина свою дочь[207].

Целью договора с Литвой было объединение сил для удара по настырным крестоносцам. Они за два года успели подкопить сил: на призыв папы помочь Ливонии откликнулось немало рыцарей. Но успешно сражаться против лучших конников Восточной Европы, не считая татар, рыцари всё равно не могли.

"А сына своего Дмитрия, — сообщает Житие Александра, — (великий князь) послал в Западные страны, и все полки свои послал с ним, и близких своих домочадцев, сказав им: "Служите сыну моему, как самому мне, всей жизнью своей". И пошел князь Дмитрий в силе великой, и завоевал землю Немецкую, и взял город Юрьев, и возвратился в Новгород со множеством пленных и с большою добычею".

Осенью 1262 г., после заключения договора с Миндовгом, уточняет новгородская летопись, "пошли новгородцы с князем Дмитрием Александровичем великим полком под Юрьев; были тогда и Константин князь, зять Александров, и Ярослав, брат Александров, со своими мужами, и Полоцкий князь Товтивил с ним полочане и литовцев 500; а новгородского полку — без числа, только Бог весть.

И был твёрд город Юрьев, в 3 стены, и множество людей в нём всяких, и они устроили себе оборону на стенах града крепкую. Но честного креста сила и Святой Софии всегда низлагает неправду имеющих! Так и этого города бесполезна твёрдость была, но помощью Божией одним приступом взят был. И людей многих города того убили, а других взяли живьем, и иные в огне сгорели, и жёны их, и дети. И взяли (русские. — *Авт.)* товаров бесчисленно и пленных.

А (у дружинников. — *Авт.)* мужа доброго застрелили с города и Петра убили Мясниковича. И пришёл князь Дмитрий в Новгород со всеми новгородцами (т. е. без потерью. — *Авт.)* со многим товаром"[208].

Союзники-литовцы выступили ещё раньше, и успешно совершили поход под Венден. Крепко побитый орден надолго затих, зализывая раны.

В том же 1262 г была одержана и более важная победа. На разоренных татарами землях — во Владимире, Суздале, Ростове, Переяславле, Ярославле, Устюге и других городах — вечевые колокола возвестили о кончине баскаков.

"В 1262 г., — торжественно сообщает Лаврентьевская летопись, — избавил Бог от лютого томления басурманского людей Ростовской земли, вложил ярость в сердца христианам, не терпя насилия поганых. Собрали веча и выгнали (баскаков) из городов, из Ростова, из Суздаля, из Переяславля! Ибо откупали те окаянные басурмане дани, и от того великую пагубу людям творили: добывая резы и ногаты (мелкие деньга. — *Авт.),* души христианские врозь вели. Видел же человеколюбец Бог, послушал моления (своей) Матери, избавил людей своих от великой беды"[209]. Судя по летописным рассказам служивших в баскаках, особенно переменивших веру соплеменников восставшие граждане убивали с остервенением, но природных татар, отказавшихся от своего "басурманства", щадили.

В Великом Устюге баскак Буга взял в наложницы местную девушку Марию. Она полюбила татарина, укрыла от опасности и уговорила принять христианство. Народ, поначалу мечтавший казнить баскака, отказался от мести и предпочел погулять на свадьбе Марии с новокрещеным Иоанном, который со временем заслужил всеобщее уважение. Бас качество не смогло привиться на Руси, хотя великие ханы не оставляли своих попыток до конца столетия. Сбор дани и власть остались в руках князей. Сохранение российской государственности было в немалой мере заслугой Александра Невского, дипломата и воина.

Историки давно предположили, что одновременный бунт во всех крупных городах Владимиро-Суздальской Руси, даже в далёком Устюге, не мог возникнуть без ведома, а то и организационного участия великого князя Александра. Именно он знал, что великий хан Менгу умер в 1259 г. во время осады жалкого китайского городка, и в империи немедля разгорелись усобицы. Уже на следующий год законопослушный хан Берке отозвал свои тумены, посланные по приказу Менгу на помощь ненавистному Хулагу. А тот, успев уже разгромить Арабский халифат и взять Багдад, в 1260 г. перебил в своей ставке сторонников Берке. Летом 1262 г., когда в русских городах звучал набат и летели головы баскаков, войска двоюродных братьев-ханов уже насмерть рубились в Закавказье.

Теперь хану Берке было не до политики Каракорума и не до

единой системы администрации и налогообложения по всей империи. Он нуждался в средствах для вознаграждения своих бойцов и в воинах, которыми мог пополнить свои ряды. Видимо, заранее собрав богатые дары, Александр Ярославин поехал в Орду.

Глава 4. ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Смысл рискованного, может быть, даже смертельного путешествия великого князя в Орду понимали все. Понимал и новгородский летописец, за событиями во Владимире обычно следивший весьма невнимательно: "Того же лета пошёл князь Александр к татарам, и удержал он Берке, не пустив на Русь; и зимовал у татар, и разболелся".

Почти год он уговаривал хана Берке не возрождать систему баскачества и не совершать карательный поход на Русь. Александр и тут победил: дани для татар на Руси стали собирать русские князья; национальное государственное устройство было сохранено.

Великий князь отвратил хана и от замысла набирать на Руси войска: нелёгкая задача, когда после кровавой битвы 13 января 1263 г. на берегу Терека оба хана в своих ставках стягивали все силы для продолжения войны. Особо гибель татар печалила Берке. Говорят, когда ему доложили о потерях, хан воскликнул: "Да посрамит Аллах Хулагу этого, погубившего монголов мечами монголов. Если бы мы действовали сообща, то мы покорили бы всю землю!"[210]Тем не менее русские войска так и не приняли участие в войнах Берке против Хулагу. Чего это князю стоило, на Руси очень даже догадывались.

"Было в те времена насилие великое от иноверных, гнали они христиан, заставляя их воевать на своей стороне. Князь же великий Александр пошел к царю, чтобы отмолить людей своих от этой беды", — сообщает Житие Александра.

"В 1263 году, — продолжает новгородский летописец, — пришёл князь Александр от татар очень нездоровым, осенью, и пришёл на Городец, и постригся (в монахи) 14 ноября, на память святого апостола Филиппа. Той же ночи и преставился. И отвезли его во Владимир, и положили его в монастыре Рождества Святой Богородицы. И собравшиеся епископы и игумены с митрополитом Кириллом[211], и со всем иерейским чином, и с монахами и со всеми суздальцами, погребли его честно месяца того же в 23 (день), на (память) святого Амфилохия, в пятницу.

Дай, Господи милостивый, видеть ему лицо Твоё в будущий век, иже потрудился за Новгород и за всю Русскую землю!"[212]

Составитель Лавреньевской летописи написал: "Преставился великий князь Александр: скажем же мужество и житие его", — и поместил далее Житие Александра Невского[213]. Житие святого князя, почившего от тяжких трудов за Русь, когда ему не исполнилось и 43-х лет, вошло и в новгородские, и в другие

русские летописи. Московское государство, из которого выросла современная Россия, было построено по его заветам его прямыми потомками, в Житии сказано:

"И прославилось имя его во всех странах, от моря Египетского и до гор Араратских, и по ту сторону моря Варяжского и до великого Рима".

"Наполнил же Бог землю Александра богатством и славою".

"И умножились дни жизни его в великой славе, ибо любил священников, и монахов, и нищих, митрополитов же и епископов почитал и внимал им, как самому Христу".

Великий князь Александр Ярославич Невский навеки вошёл в историю как спаситель Руси, а в народное сознание — как её святой защитник и небесный покровитель.

Житие Александра Невского о завершении его земного пути

"Александр возвратился из Орды от царя и дошел до Нижнего Новгорода, и там занемог, и, прибыв в Городец, разболелся.

О горе тебе, бедный человек! Как можешь описать кончину господина своего! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как не вырвется сердце твое с корнем! Ибо отца оставить человек может, но доброго господина нельзя оставить; если бы можно было, то в гроб бы сошел с ним.

Памятник Александру Невскому в Городце. Скульптор И.И. Лукин

Много потрудившись Богу, он оставил царство земное и стал монахом, ибо имел безмерное желание принять ангельский образ. Сподобил же его Бог и больший чин принять — схиму. И так с миром Богу дух свой предал месяца ноября в четырнадцатый день, на память святого апостола Филиппа.

Митрополит же Кирилл говорил: "Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской". Иереи и диаконы, черноризцы, нищие и богатые и все люди восклицали: "Уже погибаем!"

Святое же тело Александра понесли к городу Владимиру.

Митрополит же, князья и бояре, и весь народ, малые и большие, встречали его в Боголюбове со свечами и кадилами. Люди же толпились, стремясь прикоснуться к святому телу его на честном одре. Стояли же вопль, и стон, и плач, каких никогда не было, даже земля содрогнулась. Положено же было тело его в церкви Рождества святой Богородицы" в великой архимандритье, месяца ноября в 24 день" на память святого отца Амфилохия.

Было же тогда чудо дивное и памяти достойное. Когда было положено святое тело его в гробницу, тогда Севастьян-эконом и Кирилл-митрополит хотели разжать его руку, чтобы вложить грамоту духовную. Он же, будто живой, простер руку свою и принял грамоту из руки митрополита. И смятение охватило их, и едва отступили они от гробницы его. Об этом возвестили всем митрополит и эконом Севастьян. Кто не удивится тому чуду, ведь тело его было мертво, и везли его из дальних краев в зимнее время.

И так прославил Бог угодника своего".

Заключение

Перед вами, надеюсь, уже прочтённая, — одна из немногих профессиональных книг об исторической личности, безусловно, известной каждому россиянину. Пока я работал над нею, мои сограждане назвали святого благоверного князя Александра Невского самым значительным для нас героем российской истории.

Память о личности, воплотившей в себе единство русской государственности и православия, навеки закрепилась в душе народа как непоколебимый краеугольный камень национального самосознания.

Образ Александра Невского в нашем самосознании оказался намного более прочным, чем представлялось тем, кому он веками был страшно неудобен. После бесславного завершения вакханалии 1990-х этот феномен был исследован в самой большой книге, посвящённой святому князю. Почти на шестистах страницах немецкий историк пытался понять и объяснить своим коллегам, почему образ святого князя пережил века и чем он так дорог русским. Это основательное исследование полезно для тех, кто хочет понять, насколько западным авторам сложно разобраться в нашем образе мысли и понимании мира[214].

Ведь русская душа никогда не пыталась возвыситься за счёт унижения других, мы всегда были открыты для представителей иных культур — и только крестоносцы, с наивной наглостью пытавшиеся растоптать наши святыни, заставляли нас временами обнажать светлый меч князя Александра.

Как историка меня волнует в исследовании одно — правда. В этой книге мы совершили путешествие в реальный мир Александра Ярославича Невского: жестокий, но возвышенный прекрасными подвигами; пугающий, но спасенный величайшим мужеством. Я был объективен, ничего не скрывая, и, в то же время, помня, к какой святыне прикасаюсь. В конце концов, пытаясь понять человека, память о котором стала частью нашей души, мы лучше поймём самих себя.

notes

Примечания

1

Кучкин В А. О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. № 2. С. 174–176. *Он же.* Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1986. № 5. С. 18–19.

Пашуто В.Т. Александр Невский. М., 1974. С. 10 и др.

3

Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей (дале — ПСРЛ). Т. I. Л., 1926–1928. Стлб, 433–434.

4

Цитировано по замечательному изложению на современном литературном языке: *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. Кн. 1. М., 1988. С. 586.

5

"В лето 1214 ведена была Ростислава из Новгорода, дочь Мстислава Мстиславича, за Ярослава, сына великого князя Всеволода, в Переяславль Суздальский". — Летописец Переяславля Суздальского//ПСРЛ. Т 41. М., 1995. С. 131.

6

Богданов А.П. Княгиня Ольга // Вопросы истории. 2005. № 2. С. 57–72. *Он же.* Кто построил Русское государство // Труды Института российской истории. Вып. 6. М.: Наука, 2006. С. 34–64. *Он же.* Княгиня Ольга // Христианизация Руси — России. Сборник научных трудов. М.: Национальный институт бизнеса, 2006. С. 12–34.

Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ). Полное собрание русских летописей. Т. III. М.—Л., 1950 (репринт: М., 2000). С. 54–57,253–257.

Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. I. Стлб. 444.

9

Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. I. Стлб. 445.

10

Рассказ о битве на Калке см.: Новгородская Первая летопись… С. 62–64 и др.; Ипатьевская летопись. // ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стлб. 741.

Дашкевич Н.П. Былина об Алеше Поповиче и о том, как не осталось на Руси богатырей. Киев, 1883.

12

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды (извлечения из сочинений арабских). СПб., 1884. Т. I. С. 27.

13

Начальная летопись. Перевод с древнерусского языка и научный комментарий С.В. Алексеева. М., 1999. С. 13.

Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956. С. 100.

15

ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Л., 1926. Стлб. 153–154; НПЛ. С. 16, 21.

16

НПЛ С.59.

17

НПЛ С.26.

18

Подробно: *Шаскольский И.Л.* Борьба Руси против крестоносной агрессии ва берегах Балтики в XII–XIII вв., Л., 1978. С. 72—105.

19

Там же. С. 110–118.

20

Amoldi Chronica Slavorum. Lib. VII, IX, 10/ Hrsg. v. J. M. Lappenbeig// Monumentae Germanica Hist., SS. T. 14. Hannover, 1952. P. 212.

21

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. 2-е изд. М.—Л., 1938.1.12.

22

Генрих Латвийский. Хроника. X. 17.

23

Цитируемая здесь и далее Хроника Генриха Латвийского написана немецким монахом, участником завоевания Ливонии, в 1225-м — начале 1226 г. События восстанавливаются именно по ней, благодаря откровенности автора и с учётом того печального факта, что летописи Полоцка до нас не дошли.

Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 229, ср. с. 230.

25

НПЛ. С. 52–53; *Генрих Латвийский.* Хроника. XV.8.

26

Генрих Латвийский. Хроника. XXIV. 1–2.

27

Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. I. Стлб. 445.

Пашуто В.Т. Героическая борьба. С. 133.

29

Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. I. Стлб. 445.

30

Генрих Латвийский. Хроника. XXVI. 2.

31

"По новому соглашению треть земель поступала Альберту, треть — епископу Эстонии и треть — ордену". — *Пашуто В.Т.* Героическая борьба. С. 136, ср. с. 135.

32

Генрих Латвийский. Хроника. XXVII–XXVIII. Цит. XXVIII. 5–6.

33

НПЛ. С. 61.

О них свидетельствуют труды археологов; см., например: Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 49–92 и др.

35

НПЛ. С. 60–61.

36

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времён до конца XVII в. М., 1989. С. 14–39, цит. с. 38. Ср.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I. (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987.

37

Об обряде постригов впервые упоминается в Суздальской летописи под 1194 г. (Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Л., 1926–1928; переизд. Б.М. Клоссом в 1997 г.): обряд был проведён над княжичем Ярославом Всеволодовичем, будущим отцом Александра. Следующее сообщение о постригах, с досаждением княжича на коня, имелось в составленной для потомков Александра Троицкой летописи под 1196 г. (*Приселков* А/. *Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М. — Л., 1950).

38

Мечи длиной до 120 см и весом до 2 кг составляют исключение. См.: Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. М.—Л., 1966. С. 52 и сл. (включая таблицы).

Васин П./А./ Игрушки русских рыцарей // Родина. 2003. № 11. С. 106–110. И др. его статьи.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. III. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. М.—Л., 1971. С. 59–60 и др.

Подробно: *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). М., 1966.

42

От слова "доска" пошло само *слово* "доспех". См.: *Медведев Л.Ф.* К истории пластинчатого доспеха на Руси // Советская археология. 1959. № 2. Он же. Оружие Великого Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 65.

43

"Обычные размеры пластин: длина 8—10 см, ширина 1,5–3,5 см". *Кирпичников А.И., Медведев А.Ф.* Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С. 316.

44

"Буцеллариям (тяжеловооруженным всадникам. — *Авт.)* не мешает иметь железные рукавицы": Maurikios. Strategikon. Первоисточник сочинений о военном искусстве императора Льва Философа и Н. Макиавелли / Пер. с лат. Цыбышева. СПб., 1903. Кн. I. Гл. 2.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. III. Доспех. комплекс боевых средств IX–XIII вв. С. 56–57.

О событиях 1224–1225 гг.: НПЛ. С. 64.

НПЛ. С. 64–65,67,72 и др. СККДР. С. 39.

Пашуто В.Т. Александр Невский. С. 32.

НПЛ. С. 64–65.

50

Historica Russiae Monumenta ex antiquis exterarum gentium arcivts et bibliothecis deprompta ab A. I. Turgenevio. V. I. Petropoli, 1841. Vol. 1 (Акты исторические, относящиеся к России, извлечённые из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. СПб., 1841. Т. I. Далее — Акты Тургенева), № 21.

51

Булла от 17 января 1227 г. гласила: "Всем королям Руси привет и всяческие плоды благодати [шлет] Гонорий епископ, раб рабов Божиих. Радуемся во Господе, ибо, как вы слышали, послы ваши, отправленные к достопочтенному брату нашему, епископу Моденскому, нашему легату апостольского престола, смиренно просили его посетить края ваши, ибо, желая здраво внимать спасительному учению, вы готовы полностью отказаться от всех заблуждений, которые совершили, как было сказано, из-за недостатка проповедников, за что Господь, разгневавшись на вас, доныне подвергал вас многим бедствиям, и ждет вас еще более тяжелое несчастье, если не сойдете с тропы заблуждений и не вступите на путь истины. Ведь чем дольше будете коснеть в заблуждении, тем больших напастей вам следует страшиться. Потому, даже если и не гневается Господь ежедневно, то все же над теми, кто пренебрегает крещением, навис, наконец, меч его возмездия. Итак, желая от вас получить подтверждение, хотите ли вы принять легата Римской церкви, чтобы под воздействием его здравых наставлений вы постигли истину католической веры, без которой никто не спасется, всех вас настойчиво просим, увещеваем и умоляем, чтобы об этом желании вашем сообщили нам в посланиях и через надежных послов. Пока же, поддерживая прочный мир с христианами Ливонии и Эстонии, не мешайте распространению веры христианской и тогда не вызовете негодования божественного апостольского престола, который при желании легко может воздать вам возмездием. Но лучше, если бы, соблюдая истинное послушание и божественные обряды, при всепрощении Господнем вы заслужили бы от обоих милость и любовь. Дано в Латеране, XVI Календы февраля, год XI [понтификата нашего]". Цит по переводу: *Матузова В.Л" Назарова Е.Л.* Крестоносцы и Русь. М., 2002. С. 219–220.

Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии. С. 126–136.

ПСРЛ. Т. I. С. 190; НПЛ. С. 65, 270.

ПСРЛ. Т. I. С. 149. Подробнее: *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносцев. С. 136–139.

55

НПЛ С. 65.

НПЛ. С. 65.

57

Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. II. Т. 3. М., 1988. С. 121. Источники: Русская летопись по Никонову списку. Ч.3. СПб., 1768. С. 57, 59; ПСРЛ. Т. X. С. 150, 151.

58

НПЛ. С. 69. Для сравнения: в голод 1215 г. кадь ржи продавалась за 10 гривен (т. е. вдвое дешевле), а в ненастный и неурожайный 1228 г., когда Александр впервые стал князем в Новгороде, — за 3 гривны.

НПЛ. С. 71.

Псковская Первая летопись (далее — ППЛ) / Псковские летописи /А.Н. *Насонов.* Вып. 1. М.—Л., 1941. С. 11.

61

По НПЛ. С. 71; в Лаврентьевской летописи поход датирован 1232 г. ПСРЛ. Т. I. С. 459.

НПЛ. С. 71–72, цит.с. 72.

Пашуто В.Т. Александр Невский. С. 43.

64

Житие и жизнь благоверный великия княжны Евфросинии Суздальской. Списано иноком Григорием // Памятники древней письменности. Изд. ОЛДП. СПб., 1888. № 91. О Григории: СККДР. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. С. 169–172 (с библиографией).

65

Русские дружинники не даром с детства учились глубоко сидеть в седле и пользоваться солидными шпорами с мощным шипом, снабженным ограничителем для того, чтобы не наносить серьёзных травм лошади. Именно на Руси найдены и самые ранние в Европе шпоры с вращающимися звёздочками, позволявшими высылать лошадь ещё более резко, но менее травматично. По количеству и качеству найденных археологами шпор Русь XII — первой половины XIII в. опережает всю остальную Европу вместе взятую. Да и всё снаряжение верхового коня, судя по археологическим данным, говорит о том, что в "весёлой науке рыцарства" наши дружинники до монгольского разорения опережал и Запад. См.: *Кирпичников А.Л.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973. С. 68, 70 и мн. др.

НПЛ. С. 73.

Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. II. М., 1988. С. 124.

НПЛ. С. 73.

69

Ср. НПЛ. С. 73 и Суздальскую летопись (в Лаврентьевском своде). ПСРЛ. Т. I. Стлб. 460.

70

Ср.: Галицко-Волынская летопись (в Ипатьевском своде). ПСРЛ. Т. II. Стлб. 771–774; НПЛ. С. 73–74.

Пашуто В.Т. Героическая борьба. С. 150–151.

Соловьев С.М. История России. Кн. II. С. 139–140.

Подробно: *Пашуто В.Т.* Героическая борьба. С. 150–172.

ПСРЛ. Т. VII. С 144.

НПЛ. С. 77. Здесь же приведен рассказ о Невской битве.

НПЛ. С. 78.

Пашуто В.Т. Александр Невский. С. 61 и др.

Шаскольский И.П. Борьба Руси. С. 133, 135, 146–152; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. С. 240–241.

Цит. по: *Шаскольский И.П.* Борьба Руси. С. 141.

Шаскольский И.Л. Борьба Руси. С. 140, 152–153. Автор опирается на оригинальные источники и специальное исследование об этой фигуре: Donner G. Kardinal Wilhelm von Sabina. Helsingfors. 1929.

81

НПЛ С 74.

ПСРЛ.Т.II. Стлб. 776.

Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 238 и др.

ПСРЛ. Т. II. Стлб. 776.

85

Опубликовано в Monumenta Germanise Histories. Цит, по: *Мельвиль М.* История ордена тамплиеров. СПб… 2003., С. 194.

86

Опубликовано в MGH SS, 26. Hannover, 1882, repr. Stuttgart/ New York, 1964. P. 604–605. Цит. по: Der Mongolensturm /7 Ungaros Geschichtsschreiber 3. K In, 1985. C. 204.

87

Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 238–239; *Шаскольский И.Л.* Борьба Руси. С 153–154.

Хроника Эрика // Составитель, ответственный редактор и редактор перевода А.А. Сванидзе. Перевод А.Ю. Желтухина. Комментарии А.Ю. Желтухина и А.А. Сванидзе. М., 1999. С. 13.

89

О сочинении и его списках: СККДР. Вторая половина XIV–XVII вв. Ч. 2. Л., 1989. С. 313–315 (с библиогр.).

Детально: *Шаскольский И.П.* Борьба Руси. С. 171–178.

91

Цит. по научному переводу: Житие Александра Невского *В.И. Охотникова*. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. Она же: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век. СПб., 1997.

НПЛ. С. 77.

93

Русская форма скандинавского названия Snekkar — "змея" (хотя по немецки Schnecke — "улитка"). Длина шнек составляла 20–24 м, ширина — 4,2–5,1 м, высота борта — 1,2–1,7 м, осадка — 0,5–1 м. Среднее водоизмещение — от 10 до 20 т. Экипаж — 40–70, иногда до 100 человек.

Примерная длина когга (по крайним точкам) — 30 м, длина по ватерлинии — 20 м, ширина — 7,3 м, осадка — 3 м, грузоподъемность — до 200 т, но бывали когги на 300 и даже 500 т.

Шаскольский И.Л. Борьба Руси. С. 160–162.

Пашуто В.Т. Внешняя политика. С. 293 и др

97

"По мнению немецкого исследователя Ф. Бенингховена, — добавляет Кучкин, — Андреас фон Вельвен был рыцарем ордена меченосцев". — *Кучкин ВА*. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции (Новгород, 20–28 сентября 1995 г.). Новгород, 1996.

Кирпичников А.Н. Две великих битвы Александра Невского // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции.

99

В Псковской Первой летописи дата ошибочна: "В лето 1240 пришли шведы в реку Неву и победил их князь Александр с мужами новгородскими месяца мая в 15 день". — Псковские летописи. Вып, 1. М.-Л., 1941. С. 13.

100

По мнению И.П. Шаскольского, "шведские корабли скорее всего, были поставлены не у берега Невы (широкий плес Невы подвержен ветрам и волнениям воды), а в более спокойном месте, у берега реки Ижоры. В таком случае удар пешей дружины должен был производиться вдоль Ижоры (с юга не север), а удар конной дружины — со стороны суши в направлении к берегу Ижоры" (Борьба Руси. С. 191). И то, и другое мнение недоказуемо. А словосочетание "пешая дружина" выглядит неверным с точки зрения археологии, рисующей нам (согласно работам А.Н. Кирпичникова) дружинников как конных воинов, аналогичных рыцарям. Не даром выступление слуги Александра Невского пешим выделено в Житии князя как особый случай!

101

Пашуто В.Т. Александр Невский. С. 65–65. Разумеется, "Невским" князя Александра Ярославича тогда никто не называл, тем более — в народе. Эпитетами "великий", "храбрый" и "Невский" он был выделен в цепочке "православных великих князей, заступников наших всея Русская земля" лишь в XV в., в новгородском (НПЛ. Приложение 2. С. 468–469), а затем и московском летописании. Исследованию прославления образа Александра на Руси — с критических позиций Запада, которому он противостоял — посвящена самая толстая книга о святом князе: Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. Цит. с. 75.

102

Он приехал к Александру не только с известием о явлении св. Бориса и Глеба, но и с новостями о шведах: "да скажет ему станы и обрытья их".

103

См. также: *Кирпичников А.Н.* Невская битва 1240 года и ее тактические особенности. // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 24–30.

Шаскольский И.П. Папская курия — главный организатор крестоносной агрессии 1240–1242 гг. против Руси // Исторические записки. Т. 31. М., 1951. С. 187–188.

105

Пашуто В.Т. Героическая борьба. С. 181. Он же. Александр Невский. С. 67–68. О том, что датский король послал войско и переселенцев под командой принцев Кнута и Абеля для занятия опустошенных татарами владений Новгорода, писал современник событий Матвей Парижский; см. подробнее: *Назарова ЕЛ.* Крестовый поход на Русь 1240 г. (Организация и планы) // Восточная Европа в исторической перспективе. К 80-летию В.Т Пашуто. М.: 1999. С. 190–201.

Пашуто В.Т. Героическая борьба. С. 181.

107

НПЛ. С. 77–78. Псковский летописец о событиях 1240–1242 гг. написал кратко: "Избиша Немци пскович под Изборском 600 муж, месяца сеньтября въ 16 день. И по семь пришедше Немци и взяша град Псковъ, и седоша Немци въ Пскове два лета". Псковские летописи. Т I. С. 13.

ПСРЛ. Т. II. Стлб. 782–794.

109

Пашуто В.Т. Героическая борьба. С. 168.

110

Пашуто В.Т. Внешняя политика. С. 295. Документ: Liv-Esth und Kurlandishes Urkundenbuch // Ed. EG. Bunge (далее — LUB). Bd. III. Reval, 1857. № 169a.

111

В договоре он написал: "Я, брат Андреас фон Вельвен, в те дни магистр дома братьев Тевтонских в Ливонии, когда был в Поморье"; "Я, упомянутый брат А[ндреас], магистр рижский (magister Rigerensis)".

112

Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.П. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 306–307 (оригинал), 307–308 (перевод В.Т. Пашуто).

113

НПЛ. С. 78. В Житии об этом сказано обобщённо: "На второй же год после возвращения с победой князя Александра вновь пришли из Западной страны и построили город на земле Александровой. Князь же Александр вскоре пошел и разрушил город их до основания, а их самих — одних повесил, других с собою увел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был безмерно милостив". В Псковской I летописи говорится: "Взял князь Александр городок Копорье, а немцев перебил. А на другое лето ходил князь Александр с мужами новгородскими, и бился на льду с немцами". Псковские летописи. Т. I. С. 13.

Пашуто В.Т. Внешняя политика. С. 287 и др.

115

Рассказ о кампании 1242 г.: НПЛ. С. 78.

ПСРЛ. Т. I. Стлб. 470.

117

Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.—Л., 1966. С. 203–215 (текст и оригинал).

См., напр.: *Кирпичников А.Н.* Ледовое побоище 1242 г. (новое осмысление) // Вопросы истории 1994, 5. С. 162–166; и др.

119

Насчёт личности предводителя крестоносцев на Чудском озере существуют разные предположения, например, что это был Андреас фон Вельвен. См.: Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.—Л., 1966. С. 188, 224,225.

120

В комментарии к изданию Рифмованной хроники сказано, что стих "падали на траву" (uf daz gras) фигурален, по аналогии с идеоматическим выражением in das Gras beissen: "пасть на поле брани" (буквально: укусить траву).

121

В Псковской Первой летописи, написанной несколько позже, рассказ о событиях дан с ошибочной датой сражения: "Пришел князь Александр и избил немцев во граде Пскове, и град Псков избавил от безбожных немцев помощью Святой Троицы. И бился с ними на льду; и помог Бог князю Александру и мужам новогородцем и псковичам; одних перебил и других связав босыми повел по льду. Эти бои были месяца апреля в 1 день; и была в граде Пскове радость великая. И сказал князь Александр: "О мужи псковичи, се же вам глаголю: если кто и напослед моих пленник, или прибежит кто в печали, или так придет жить во град Псков, а вы его не примете и не почтете его, — и наречетесь вторая Жидова"". Псковские летописи. Т. I. С. 13.

122

См, напр… Новгородскую Первую летопись младшего извода: НПЛ. С. 295–297, цит. с. 296.

123

Софийская Первая летопись. — ПСРЛ. Т V. СПб… 1851. Цит. по: Софийская Первая летопись по списку И.Н. Царского.// ПСРЛ. Т. 39. М., 1994. С. 83.

НПЛ. С. 78–79.

125

Псковские летописи. Вып. I. С. 13.

Пашуто В.Т. Александр Невский. С. 79–81.

127

Псковская Судная грамота, составленная на вече в 1467 г. Издана по списку, хранящемуся в библиотеке кн. М.С. Воронцова / Мурзакевич. Одесса, 1847; Псковская Судная грамота (1397–1467). Изд. 2-е. Одесса, 1868; Псковская Судная грамота (1397–1467) / *И.И. Васильев и Н.В. Кирпичников*. Псков, 1896; Псковская Судная грамота. СПб., 1914; Псковская Судная грамота / *Черепнин Л.В.; Яковлев А.И.* // Исторические записки. Том 6.1940; и др.

См., напр.: *Алексеев Ю.Г.* Псковская Судная грамота и её время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980.

129

Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. СПб… 1848. С. 250.

Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота. С. 19, 21 и др.

Кафенгауз Б.Б. Вече в древнем Пскове // История СССР 1966. № 6. С. 123.

Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота. С. 32–33.

133

НПЛ. С. 79.

НПЛ. С. 79.

135

НПЛ. С. 79.

Расчёты по улусам: *Мункуев НД.* Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. статей. Изд. 2-е. М., 1977. С. 394–399.

Гумилёв Л.Н. "Тайная" и явная история монголов XII–XIII вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. С. 494–495 и др.

138

Угэдэй изрёк: "Говорят про тебя, что ты в походе не оставлял у людей и задней части, у кого только она была в целости, что ты драл у солдат кожу с лица. Уж не ты ли и русских привел к покорности этою своею свирепостью? По всему видно, что ты возомнил себя единственным и непобедимым покорителем русских, раз ты позволяешь себе восставать на старшего брата… Что же ты чванишься и раньше всех дерешь глотку, как единый вершитель, который в первый раз из дому-то вышел, а при покорении русских и кипчаков не только не взял ни одного русского или кипчака, но даже и козлиного копытца не добыл". Цит. по: *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. / М.—Л., 1941. С. 367.

139

"Взойдя на родительский великий престол, вот что совершил я после деяний государя и родителя. Я окончательно покорил Лихудский народ (Гиньское царство) — это во-первых. Во-вторых, я учредил почтовые станции для ускорения передвижения наших послов, а также и для осуществления быстрейшей доставки всего необходимого. В-третьих, я приказал устроить колодцы в безводных землях, чем доставлю народу воду и корма, и, наконец, учредив должности алгинчинов и танмачинов, установил полный покой и благоденствие для всего государства. Итак, я прибавил четыре своих дела к деяниям своего родителя, государя", — гласит Сокровенное сказание (§ 281),

140

ПСРЛ. Т I, Стлб. 470–471.

141

См., напр.: *Костомаров Н.И.* Князь Данило Романович Галицкий // *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. Вып. 1–3. М., 1990. С. 139–141.

142

ПСРЛ.Т.1. Стлб. 470.

Пашуто В.Т. Александр Невский. С. 87.

144

Бенедиктинский монастырь в Бёртоне-на-Тренте (графство Стаффордшир). Мы пользуемся текстом соответствующей части Анналов, хранящихся в Британском музее, в переводе В.И. Матузовой: Английские средневековые источники IX–XIII вв. М.: Наука, 1979.

145

ПСРЛ. Т. I. Стлб. 471.

ПСРЛ. Т. II. Стлб. 795.

147

См.: Повесть о святых мученицех о великом князе Михаил Всеволодовиче Черниговском и о боярине его Федоре вкупе пострадавших.

148

См. перевод: *Джиованни дель Плано Карпини*. История Монголов. *Гильом де Рубрук*. Путешествие в Восточные страны / Перевод А.И. Малеина. М., 1957. Далее мы цитируем это издание.

149

Богданов А.Л., Симонов Р.А. Прогностические письма доктора Андреаса Энгельгардта царю Алексею Михайловичу // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 167–174.

150

О миссии Карпини много говорят причины, которые он привёл как мотивы своего отказа везти в Западную Европу татарское посольство: "Первая — та, что мы опасались, что при виде существовавших между нами раздоров и войн они еще более воодушевятся к походу против нас. Вторая причина была та, что мы питали страх, не оказались бы они лазутчиками в нашей земле".

151

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.—Л., 1952. Т. I. Кн. 2. С. 121.

152

ПСРЛ.XI. Стлб. 471.

153

Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. М., 2002. С. 262–265 (латинский оригинал и перевод).

ПСРЛ.Т.I. Стлб. 471.

Пашуто В.Т. Александр Невский. С. 92. По другой версии Александр, напротив, получил, вдобавок к Новгороду, Тверь; *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV св. М., 1984. С. 111, 113–115.

156

Там же в Лаврентьевской летописи сказано: "Того же (1247) лета поехал Андрей князь Ярославич в татары к Батыю и Александр князь поехал за братом к Батыю, Батый же почтив их послал их к ханевичам". Историки нередко толкуют это известие как попытку Андрея обойти брата в их предполагаемой борьбе за великокняжеский стол. Новгородский летописец ничего о таких хитростях не слыхал и написал просто: "В 1246 г. поехал князь Александр в татары". — НПЛ. С. 79.

157

ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 472.

НПЛ. С. 80.

159

ПСРЛ. Т. I. Стлб. 472–473.

Горский А.Л. Два "неудобных" факта из биографии Александра Невского // Александр Невский и история России. Новгород, 1996.

161

Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. С. 268 (латинский оригинал и перевод).

ПСРЛ. Т. II. Стлб. 806–808.

163

СККДР. Вып. I. (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С.225—227

ПСРЛ. Т. II. Стлб. 791.

165

ПСРЛ.Т.II. Стлб. 809.

См.: Правило Кирилла митрополита русьскаго // Русские достопамятности, издание Общества истории и древностей российских. М., 1815. Ч. 1. С. 104–118; *Розов А.* Кирилла философа слово на собор архистратига Михаила // Чтения Общества истории и древностей российских (далее — ЧОИДР). 1847, № 8, отд. IV; *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 146–152,181-184, 243; и др.

ПСРЛ.Т.I.Стлб. 472.

ПСРЛ. Т. I. Стлб. 453,456–459,465,471–476.

169

См.: Кирилл // Творогов О.В. // СККДР. Вып. I. С. 223–225.

Поучения Кирилла, митрополита Ростовского // Православный собеседник. 1859. Ч. 1. С. 244–258.

171

Переговоры в Трондхейме шли по-северному неспешно и увенчались мирным договором в 1254 г. *Шаскольский И.Л.* Посольство Александра Невского в Норвегию // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 112–116; *Джаксон Т.Н.* Александр Невский и Хакон Старый // Князь Александр Невский и его эпоха. С. 134–139. *Рыдзевская Е.А*. Сведения по истории Руси XIII в. в саге о короле Хаконе // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Сб. ст. Л., 1970. С. 124.

172

Роман Михайлович, князь Брянский, сын Михаила Всеволодовича Черниговского. Неясно, но какому договору Александр Невский выделил ему "тысячу", или он на празднике играл роль тысяцкого, а "ряд" — это чин венчания на великокняжеский стол, который Роман "держал", т. е. соблюдал?

173

ПСРЛ. Т I. Стлб. 473.

Пашуто В.Т. Александр Невский. С. 114.

175

Об этом: *Кучкин В.А.* Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси.

176

ПСРЛ. Т. I. Стлб. 473–474; НПЛ. С. 80.

177

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 80–81.

Летопись жизни и деятельности Александра Невского / Сост. Ю.К. Бегунов // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / Под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб., 1995. С. 209.

Пчёлов Е.В. Монархи России. М., 2003. С. 216–217.

ПСРЛ. Т. II. Стлб. 826–831 и сл.

181

НПЛ. С. 80.

ПСРЛ. Т. I. Стлб. 474.

183

НПЛ. С. 80–81.

184

Хроника Эрика. С. 13–15.

185

НПЛ. С. 81.

186

Подробно о крестовом походе и кампании 1255 г.: *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии. С. 206–226, цит. с. 220.

187

Хроника Эрика. С. 15.

Ата Малик Джувейни. История завоевателя мира // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М., 1941. С. 223. Прим. 10; *Рашид ад-дин.* Сборник летописей. Т. II. С. 73.

189

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // Саранск, 1960. С. 47.

ПСРЛ. Т. I. Стлб. 474.

191

Там же.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. С. 47.

Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966. С. 48.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. С. 51.

195

См.: [Бичурин Н.Я.] *Иакинф.* История первых четырёх ханов из дома Чингисова. Переведена с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1828; переизд. В кн.: История монголов. М., 2005. С. 218.

ПСРЛ Т. I, Стлб. 474–475.

Пашуто В.Т. Александр Невский. С. 128.

198

О царе и его реформах см.: *Богданов А.П.* В тени Великого Петра. М., 1998.

199

"Ты мусульманин, я же держусь веры христианской; видеть лицо мусульманское для меня несчастие", — сказал ему хан Сартак, возвращаясь от Менгу, утвердившего его правителем улуса Джучи, в ответ на приглашение посетить ставку Берке. — *Иакинф.* История первых четырёх ханов. С. 218.

ПСРЛ. Т.1. Стлб. 475.

201

НПЛ.С. 82.

202

Там же.

203

НПЛ.С. 82–83.

ПСРЛ. Т. I. Стлб. 475.

205

ПСРЛ. Т. I. Стлб. 475.

НПЛ. С. 83. ПСРЛ. Т. II. Стлб. 848.

Пашуто В.Т. Александр Невский. С. 137–138.

208

НПЛ.С. 83.

209

ПСРЛ.Т.I. Стлб. 476.

Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966. С. 15.

211

Епископ Ростовский Кирилл умер чуть прежде Александра Невского.

НПЛ. С. 83–84.

213

ПСРЛ. Т I. Стлб 477–481.

Шенк, Фритьоф Беньямин. Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007.